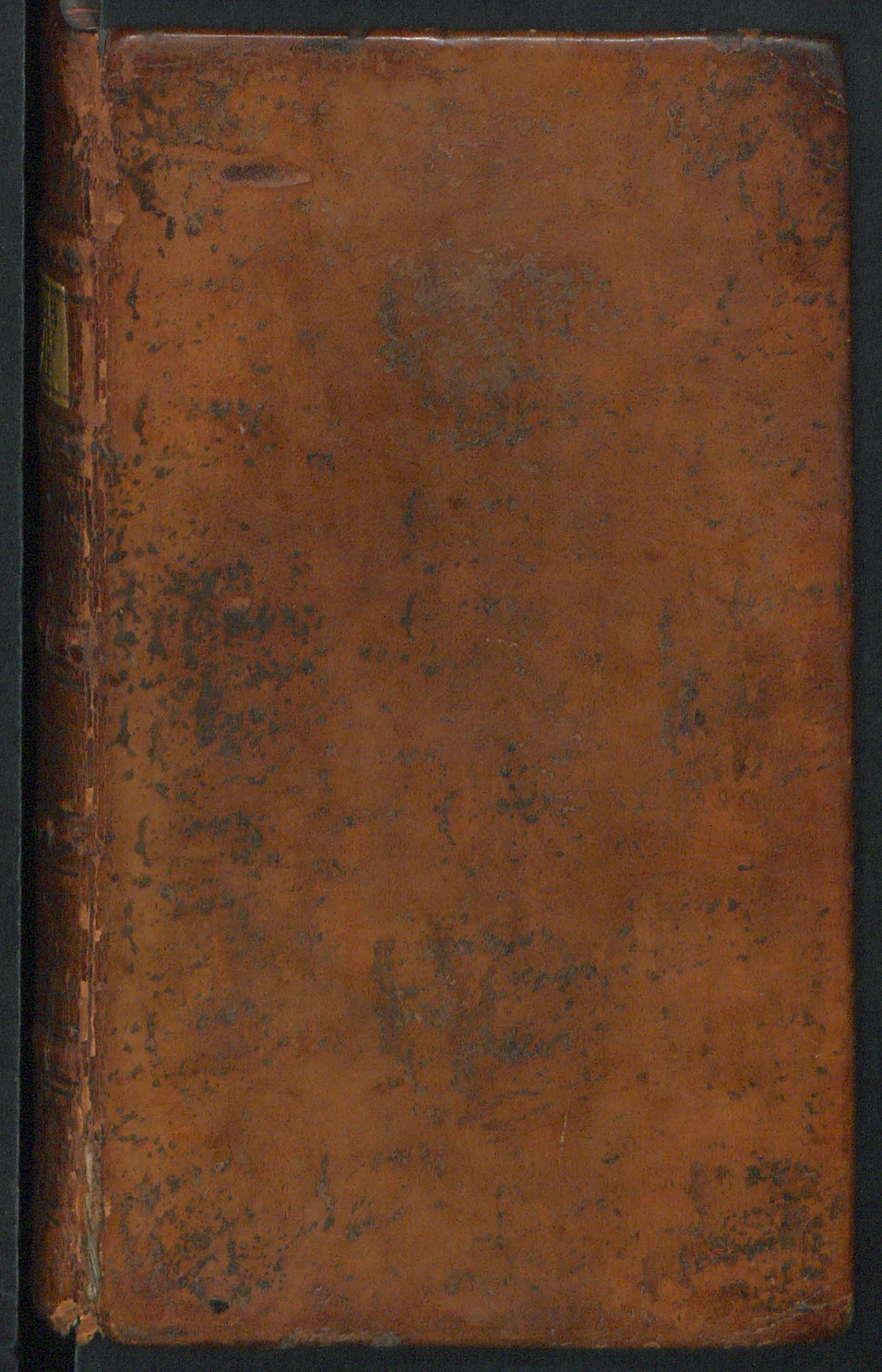

КРАТКОЕ ПОНЯТІЕ
О
СЕНАТѢ
ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ПАВЛА МАНУЦІЯ.

Переведено съ Латинскаго.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1784 года.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ

РИМСКИХЪ

ДРЕВНОСТЕЙ.

Просвѣщенные любители Римскихъ древностей!

Весьма вѣроятно, что извѣстная всему свѣту слава древняго Римскаго Сената произвела во многихъ желаніе имѣть обстоятельное объ ономъ достопочтеннѣйшемъ сословіи понятіе. Но сей благородной ревности удовлетворить совершенно можетъ знаніе токмо Латинскаго языка, а въ противномъ случаѣ она тщетною останется; потому что писатели Римскихъ древностей почти всѣ суть Латинскіе. Въ такомъ мнѣніи, усердствуя онымъ Любителямъ Римскихъ древностей, которые лишены знанія того языка, перевелъ и выдалъ я сіе *краткое понятіе*

тіе о Сенатѣ древнихъ Римлянъ. Съ другой стороны, поелику, упражняяся въ обученіи юношей краснорѣчію въ Семинаріи Троицкой, частію своей должности по предписанному въ семъ училищѣ методу имѣю и то еще, дабы наставлять врученныхъ мнѣ учениковъ въ познаніи Римскихъ древностей: то самая должность моя была къ тому побудительною причиною. Что касается до переводу, не могу себѣ ласкать, чтобы онъ былъ во всемъ совершенъ; однако смѣю сказать, что я сколько могъ старался съ Латинскаго оригинала снять живѣйшую копію, наблюдая однако свойство и нарѣчіе природнаго нашего языка. А ежели при всемъ томъ найдутся такія слова, которыя покажутся дикими, причиною сему то, что они, выражая обыкновенія, свойственныя однимъ токмо

Рим-

Римлянамъ, суть природныя, и какъ бы, такъ сказать, родныя Римскія; и потому въ нашемъ языкѣ совсѣмъ почти новыя, въ переводѣ которыхъ слѣдовалъ я болѣе Г. Тредіаковскому. Естьли же хотя нѣкоторой въ семъ моемъ упражненіи успѣхъ, о томъ судить оставляю Вамъ, ученые Любители древностей, которыхъ благосклонность къ сему малому моему труду побудитъ меня вскорѣ выдать подобнаго содержанія сочиненіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КРАТКОЕ ПОНЯТІЕ О СЕНАТѢ ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О началѣ Сената.

Ромулъ, первый Царь и основатель Рима, родившійся отъ матери Реи Сильвіи, Вестальской дѣвы, и отъ неизвѣстнаго отца, возвратившй престолъ Албанской Нумитору, дѣду своему по матери, умертвивъ брата его Амулія, имѣя всегда великія нѣкоторыя намѣренія, предводительствуемъ будучи судьбою, отправившись изъ Албы съ 3 тысячами человѣкъ для основанія города по полученіи изряднаго предвѣщанія чрезъ гадательство, опредѣлилъ на то мѣсто на горѣ Палатинской, на которой пастухомъ Фавстуломъ и женою его Лаврентіею былъ

 вос-

воспитанъ. Тамъ, положивши основаніе малаго того города, которой долженствовалъ быть властителемъ всѣхъ народовъ, когда, обведши вокругъ его стѣною, въ немъ съ своими послѣдователями укрѣпился: то весь оный народъ раздѣлилъ на три части, которыя назвалъ Трибами (третицами); а каждую изъ оныхъ частей еще на десять, которыя назвалъ Куріями (подсудами), такъ что въ трехъ Трибахъ было всѣхъ Курій тритцать, изъ которыхъ каждая для отправленія богослуженія и почитанія Боговъ имѣли свой храмъ, да и самые оные храмы названы Куріями. Раздѣливши такимъ образомъ на части народъ, раздѣлилъ еще оный на роды гражданъ. Поелику онъ не на оружіи, какъ нѣкоторые народы, надѣющіеся на силы и храбрость тѣлесную, все основалъ, но почитая, что лучшіе подаетъ способы къ приращенію начинающагося царства, ежели съ силами соединитъ разумъ, положилъ изъ всѣхъ гражданъ выбрать сто человѣкъ, которые бы лѣтами и мудростію превосходили прочихъ, въ чемъ всякой можетъ примѣтить умѣренность и разумъ

умЪ премудраго онаго Царя, который вЪ избраніи Сената не разсудилЪ заблаго употребить ни жребія, ни одного своего только разсужденія, видя ясно, что вЪ толико важнѢйшемЪ дѢлѢ положиться на жребій есть безразсудно, а на собственное свое только разсужденіе тщеславно. И такЪ вЪ семЪ случаѢ жребій совсѢмЪ оставилЪ, а разсужденію вЪ опредѢленіи вЪ высочайшій оный чинЪ положилЪ быть и своему и общества, но такЪ, чтобЪ общество имѢло большую, нежели онЪ, который былЪ ЦаремЪ, власть; а онЪ большую, нежели одинЪ гражданинЪ. ТакимЪ образомЪ, весьма много стараясь о любви кЪ себѢ гражданЪ, не не старался и о должной себѢ чести: ибо самЪ, по праву Царя, имѢя право всѢхЪ выбрать СенаторовЪ, выбралЪ только одного, вЪ избраніи котораго отмѢнное имѢлЪ преимущество чести: поелику никому изЪ прочихЪ гражданЪ не позволилЪ того, чтобЪ кто нибудь одинЪ выбралЪ одного Сенатора; а прочихЪ 99 выбрать отдалЪ власть обществу. Ибо изЪ всего народа сдѢлавши, какЪ сказано выше, три Трибы, а изЪ ТрибЪ тритцать Курій,

 по-

повелѣлъ вопервыхъ, чтобъ каждая Триба выбрала отъ себя по три Сенатора, то есть всѣхъ девять; а потомъ каждая Курія также по три, которые составляли 90 человѣкъ. И такъ къ тѣмъ 9, которые выбраны были Трибами, присовокупивъ тѣхъ 90, которые сдѣланы были Куріями, и придавъ къ нимъ какъ бы предводителемъ того, котораго самъ выбралъ, наполнилъ число ста Сенаторовъ. Впрочемъ онъ ихъ не употреблялъ на совѣщаніе о дѣлахъ приватныхъ, но узаконилъ, чтобъ приватныя дѣла и онъ безъ Сенаторовъ, и Сенаторы безъ него судили: онъ важнѣйшія, а Сенаторы малыя. Но все то, что касалося до общества, повелѣлъ имъ разсматривать и опредѣлять; и на что большая часть ихъ будетъ согласна, тому превозмогать прочія мнѣнія. Діонисій Галикарнасскій, или по справедливости, или приписывая излишнюю честь своимъ соотечественникамъ, говоритъ, что Ромулъ оное узаконеніе взялъ отъ Лакедемонянъ, у которыхъ Цари не имѣли права дѣлать все, что бы ни хотѣли, но во всѣхъ публичныхъ правахъ былъ властенъ

стемъ Сенатъ. Однако Ромулъ наблюдалъ то нѣсколько токмо времени; но послѣ и отъ учинившагося со временемъ ему обыкновеннымъ царствованія, и многими и великими побѣдами возгордившись, когда все дѣлать началъ по своей волѣ, а съ Сенатомъ ни въ чемъ не сносился: то пало подозрѣніе, что онъ раздраженными чрезъ то Сенаторами разорванъ у козьяго болота. Впрочемъ Сенатъ былъ въ великомъ уваженіи и прежде временъ республики; но несравненно болѣе, какъ Римъ сдѣлался вольнымъ, такъ что сіе сословіе во всѣхъ честяхъ и въ важности прочія состоянія гражданъ и всѣхъ въ публичныхъ совѣщаніяхъ всегда превосходило: ибо *надъ народомъ*, что говоритъ Ливій, *начальствовали градоначальники, а надъ градоначальниками Сенатъ*. О семъ самомъ и Цицеронъ въ рѣчи за Секста довольно ясно говоритъ сими словами: *Предки наши, не могши снести власть Царей, сдѣлали погодныхъ градоначальниковъ съ такимъ притомъ расположеніемъ, что Сенату оставили навсегда попеченіе о республикѣ, такъ что оный сдѣла-*

 ли

ли хранителемъ, покропителемъ, защитителемъ республики. Они опредѣлили, чтобъ прочіе градоначальники опирались на его власть и были какъ бы служителями высочайшаго онаго сословія; а отцами названы Сенаторы какъ для чести, такъ и для того, дабы отеческую нѣкоторую любовь и усердіе имѣя къ обществу, благодѣтельствовали оному вообще всему своими совѣтами и своею мудростію. По сей причинѣ произшедшія отъ нихъ фамиліи названы Патрикійскими. Сначала отправлять богослуженіе, быть въ чинахъ и судить, надлежало только до Патрикіянъ, то есть до Сенаторовъ; а простой народъ по большой части упражнялся въ земледѣліи, и какъ малознающій, не входилъ въ дѣла общества, снискивая себѣ пропитаніе земледѣліемъ и торговлею; въ городъ приходилъ изъ селъ или для постановленія начальниковъ, или для уложенія законовъ и для опредѣленія своими голосами, когда будетъ вопрошенъ о семъ отъ Царя, войны. Ибо сіи три только вещи опредѣлялъ народъ, а все прочее производилъ Сенатъ; и сію только власть оста-

оставилъ оному (народу) Ромулъ, однако не совсѣмъ совершенную, но съ тѣмъ, чтобы тогда только было твердо, что опредѣлитъ народъ, когда то одобритъ Сенатъ. Примѣчательно, что по изгнаніи Царей сіе перемѣнилось: ибо не Сенатъ уже разсуждалъ объ уложеніяхъ народныхъ (Plebiscitis), но что опредѣлялъ Сенатъ, то, отдано будучи произволенію народа, зависѣло отъ него, какъ отъ господина, а особливо естьли то касалося или до чиновъ, или до законовъ, или до воинскихъ дѣлъ, такъ что казалось правильнѣе, что подтверждалъ то народъ, что опредѣлялъ Сенатъ, нежели Сенатъ то, что повелѣвалъ народъ. А сіе было причиною великихъ въ Римской республикѣ движеній и споровъ. Но въ сію какъ бы болѣзнь необходимо должны впасть всѣ тѣ общества, которыя, дабы не употреблять къ войнѣ служителей иностранныхъ, допускаютъ мѣщанъ пріучиться къ оружію. Ибо чернь весьма удобно дѣлается наглою; и когда увидитъ себя въ состояніи дѣлать все, что хочетъ, то не смотритъ на то, что правильно, и силу употребляетъ противъ

благоразумія, оружіе противъ законовъ. По сему-то случается, что исторгнувши изъ рукъ добродѣтельныхъ и разумнѣйшихъ гражданъ власть, порочные и малознающіе люди никакимъ не слѣдуя наставленіямъ общества, но по своему неразумію и пристрастіямъ управляютъ онымъ. А когда сіе бываетъ, то вольность, какъ бы потерявши прямое свое теченіе, волнуется и колеблется, не такъ, чтобъ была надежда остаться ей цѣлою, но даже дотолѣ, пока, претерпѣвъ кораблекрушеніе, совсѣмъ не погибнетъ. Но оставивъ сію ненадлежащую до сего мѣста матерію, поступимъ далѣе къ той, которую себѣ предложили.

Ромулъ, какъ человѣкъ, одаренный особеннымъ благоразуміемъ и высокимъ разумомъ, въ предосторожность того, дабы простой народъ, обольщенъ будучи по своему незнанію, не претерпѣлъ какой либо обиды отъ Сенаторовъ, и дабы отъ того могущее родиться возмущеніе не прекратило согласія, безъ котораго ничто долго быть не можетъ, сердца всѣхъ гражданъ соединилъ какъ бы нѣкоторымъ

союзомЪ дружелюбія. Ибо учредилЪ *покропительстпа* (Patrocinia) и *питомстпа* (Clientelas), которыя состояли вЪ томЪ, что простой народЪ выбиралЪ себѣ изЪ СенаторовЪ вЪ *покропителя* (Patronum), кого кто хотѣлЪ; а Сенаторы, принявЪ его вЪ свое покровительство, обязаны были оказывать ему свою вѣрность и любовь со всякою благосклонностію. СЪ обѣихЪ сторонЪ были вЪ семЪ случаѣ такія обязательства: чтобЪ Патрикіяне наставляли простолюдинцевЪ, незнающихЪ дѣлЪ гражданскихЪ, чтобЪ ихЪ защищали, когда будутЪ обвиняемы, и всячески покровительствовали бы ихЪ, и когда они будутЪ вЪ Римѣ и когда внѣ онаго; напротивЪ *питомцы* (Clientes) чтобЪ изЪ своего имѣнія давали приданое за дочерями СенаторовЪ, ежели ихЪ отцы будутЪ небогаты; когда сіи одолжаютЪ, то чтобЪ на заплату оныхЪ долговЪ собирали, кто сколько дастЪ, деньги; чтобЪ выкупали, когда будутЪ взяты вЪ плѣнЪ на войнѣ непріятелемЪ; когда будутЪ вЪ чинахЪ и честяхЪ, то чтобЪ со всякою услужливостію провожали ихЪ идущихЪ и изЪ дому и домой.

 Но

Но ежели или *покропитель питомца*, или *питомецъ покропителя* будетъ въ чемъ обвинять, или на него будетъ свидѣтелемъ, или противъ его подастъ свой голосъ, то былъ обвиняемъ въ предательствѣ, такъ что почиталось у нихъ, что тотъ сдѣлаетъ свято и принесетъ жертву адскому Юпитеру, кто такого измѣнника умертвитъ. И хотя сiи покровительства сначала были установлены болѣе для городской черни, однако въ продолженiи временъ по распространенiи Римской державы столько умножились, что не только переведенные изъ города граждане, но и цѣлые народы, или побѣжденные войною, или имѣющiе дружества и любви союзъ съ Римомъ, поручали себя въ покровительство Римскихъ гражданъ. Симъ образомъ Сиракузяне М. Марцелли, Аллоброги К. Фабiя, и иные иныхъ, отъ которыхъ были побѣждены, послѣ побѣды имѣли своими покровителями, которыхъ потомки имѣли какъ бы по наслѣдству сiю должность: поелику всегда Сиракузянамъ домъ Марцелловъ и Аллоброгамъ Фабiевъ оказывали вѣрность и благодѣтельства;

однако

однако доколѣ токмо одни Патрикіяне составляли Сенатъ, дотолѣ подъ ихъ покровительствомъ находились домы простаго народа; а когда сдѣлалось, что не только Патрикіяне, но всякой вообще гражданинъ могъ быть Сенаторомъ, то всякой избиралъ себѣ въ покровителя, кого хотѣлъ: или Патрикіянина, или простолюдина. Поелику тогда уже не было въ избраніи того, или другаго, никакого различія: ибо по сообщеніи всѣмъ гражданамъ права ко всѣмъ честямъ Патрикіянинъ и простолюдинъ равно были важны.

Но дабы возвратиться къ тому какъ бы пути, отъ котораго я рѣчь мою нѣсколько уклонилъ, какимъ способомъ избраны были самые первые Сенаторы, ясно видѣть можно изъ того, что я уже предложилъ. А въ послѣдующія времена Сенаторы, которые послѣ, однако прежде еще временъ республики или на мѣста умершихъ произведены, или для умноженія числа Сенаторовъ сдѣланы, вступили въ сіе достопочтеннѣйшее сословіе, избраны будучи не голосами наро-

народа, но по волѢ и благоразсужденію Царей. А сіе мнѢніе принялЪ я не по пустой какой либо догадкѢ, но слѢдуя Ливію, писателю многопочитаемому, который вЪ кн. 4 вЪ рѢчи, говоренной кЪ народу КанулеіемЪ, ТрибуномЪ народнымЪ, такЪ говоритЪ: *Наблюдаютъ*, (Сенаторы) *дабы не смѣшалася ихъ кровь съ простонародною; но что? Ежели вы считаете сіе за порокъ оному вашему благородству, которое многіе изъ васъ, произшедшіе отъ Албанцевъ и Сабинянъ, не по роду своему, ниже по крови, но по включенію въ число Сенаторовъ имѣютъ, будучи избраны или Царями, или по изгнаніи Царей по повелѣнію народа: то чегожъ ради не восприимали вы мудрыхъ мѣръ, но тайныхъ на соблюденіе непорочности онаго, ни поемля себѣ женъ изъ простаго народа, ни отдавая своихъ дочерей и сестръ не за Сенаторовъ?* А сіе подтверждаетЪ и ФестЪ слѢдующими словами: *Цари избирали и опредѣляли, кому быть въ совѣщаніи о дѣлахъ публичныхъ.* Сей писатель, говоря *избирали*, разумѢетЪ тѢ случаи, когда

когда число СенаторовЪ было умножаемо, а говоря *опредѣляли*, говоритЪ о СенаторахЪ, опредѣляемыхЪ на мѣста умершихЪ. Нѣкоторые излишне сомнѣваются вЪ томЪ, что по изгнанiи Царей народЪ, или Ценсоры постановляли СенаторовЪ? Правда, и то и другое читаемЪ вЪ исторiи, однако не можно сказать, чтобЪ одно было истинно, а другое не сходно сЪ правдою. Все сомнѣнiе рѣшится однимЪ только раздѣленiемЪ. По изгнанiи Царей право включенiя гражданина вЪ число СенаторовЪ долгое время, то есть пока не сдѣланы были Ценсоры, имѣлЪ народЪ. Ценсорское достоинство хотя не для того сперва установлено вЪ Римѣ, дабы сдѣлать такихЪ градоначальниковЪ, которые бы сами собою безЪ голосовЪ народа дѣлали СенаторовЪ, но поелику вЪ республикѣ, вЪ которой долгое время не было поголовной переписи, не можно было оную отсрочивать, а Консулы по причинѣ частыя толь отЪ многихЪ народовЪ войны, казалось, что не могутЪ имѣть довольнаго кЪ тому времени: то *столь знаменитымЪ*, какЪ говоритЪ Ливiй, сдѣ-

(*) *сдѣлался сей чинъ, что имѣлъ власть смотрѣть за нравами и за благочиніемъ, наказывать Сенаторовъ и всадниковъ изключеніемъ изъ числа ихъ состояній, наблюдать хорошія и худыя поведенія гражданъ, знать, какія мѣста казенныя и какія приватныя, имѣть въ своемъ благоразсмотреніи и расположеніи доходы Римскаго народа.* И такъ до установленія Ценсоровъ и нѣсколько еще лѣтъ по установленіи оныхъ Сенаторовъ дѣлалъ народъ, что удобно можно усмотрѣть изъ словъ Ливіевыхъ, которыя я теперь привелъ. Потомъ Ценсоры уже имѣли власть избирать Сенаторовъ, что подтверждать мнѣніями достойныхъ древнихъ писателей почитаю я за лишнее: поелику тысячу разъ о семъ упоминаетъ исторія. Но понеже не столь много такихъ примѣровъ, которые изъясняютъ прежде принадлежавшую народу власть производить въ Сенаторы, то я почелъ за нужное привести въ семъ мѣстѣ изъ

(*) Кн. 4. гл. 8.

изъ помянутой Канулеіевой рѣчи Ливіевы слова. Для кого не довольно одного примѣра, тотъ пусть къ Ливіеву свидѣтельству прибавитъ оныя весьма доказывающія сіе мнѣніе Цицероновы слова, находящіяся у него въ рѣчи за Секста, гдѣ, *предки наши*, говоритъ сей писатель, *не могши снести власти Царей, сдѣлали погодныхъ градоначальниковъ, а совѣщаніямъ Сената поручили навсегда дѣла республики, узаконивъ притомъ, чтобъ избирать въ сіе состояніе всему народу, и чтобъ всякой изъ гражданъ своими заслугами и достоинствомъ могъ дойти до сей высочайшей чести.* Изъ сихъ словъ не только явствуетъ то, о чемъ мы здѣсь предлагаемъ, то есть, что Сенаторы сперва были избираемы голосами всего народа, но еще примѣтить можно, что сія честь даваема была не однимъ Патрикіянамъ, но въ противность установленіямъ Царей безразборно то Патрикіянамъ, то простолюдинамъ, смотря по тому, чѣмъ болѣе кто превосходилъ другихъ благоразуміемъ и заслугами къ республикѣ. Сіе было причиною, что рес-

пу-

публика никогда не была недостаточна мужами храбрыми и одаренными мудростiю: *поелику честь*, какъ говоритъ Цицеронъ, *есть даръ божественный*, и ничто болѣе не побуждаетъ къ произведенiю знаменитыхъ дѣлъ, какъ желанiе чести и славы. Да и въ самой вещи, ежели уничтожить награжденiя и отнять должную достоинству награду, то ослабѣваетъ въ гражданахъ ревность и погасаетъ оный жаръ сердецъ и стремительность, какову и въ тѣхъ самыхъ, которые отъ незнатныхъ произошли родителей, удобно возбудить можетъ предложенное за подвиги награжденiе. Почему весьма много поспѣшествовало выгодамъ республики оное узаконенiе, по которому достойные люди, ежели они были чужестранцы, получали право гражданства; а ежели граждане, то включаемы были вмѣсто награжденiя въ достопочтеннѣйшее сословiе. Но дабы возвратиться къ продолженiю матерiи, (поелику отъ оной отступилъ я кажется нѣсколько въ своей рѣчи) любопытные читатели могутъ меня спросить о томъ, въ какихъ собранiяхъ на-

(*) народъ избиралъ Сенаторовъ, по Куріямъ, или по Центуріямъ (сотнямъ), или по Трибамъ. Но поелику все знаніе о семъ основывается на однихъ примѣрахъ, и естьли не будетъ подтверждено свидѣтельствомъ древнихъ, но остается тщетнымъ,

Б по

(*) *Собранія* (Comitia) были сходбища народа для подаванія голосовъ при избираніи градоначальниковъ, при уложеніи узаконенія, при объявленіи войны и проч. въ которыхъ, дабы множество народное не могло быть препятствіемъ порядочному произведенію дѣлъ, всякой давалъ свой голосъ вмѣстѣ или со всею Трибою, въ которой числился, или со всею Куріею, въ которой былъ, или со всею Центуріею. (На Центуріи Сервилій Туллій раздѣлилъ Куріи.) И посему собранія были троякія: или *потрибныя* (Tributa), въ коихъ народъ, раздѣлившись на Трибы, или по *Куріямъ* (Curiata), въ коихъ, раздѣлившись на Куріи, или *посотенныя* (Centuriata), въ которыхъ, раздѣлившись на сотни, давалъ голоса, такъ что собираемы были голоса не отъ каждаго гражданина порознь, но отъ каждой или Трибы, или Куріи, или сотни.

по сей причинѣ я не знаю, что отвѣтствовать на сей вопросъ, и великую нахожу себѣ въ томъ трудность. Ни въ какихъ сочиненіяхъ древнихъ совсѣмъ не упомянуто имя тѣхъ собраній, до которыхъ прежде установленія Ценсоровъ надлежало избраніе въ Сенаторское достоинство. Но естьли въ такихъ предложеніяхъ, на которыя не имѣемъ примѣровъ, есть нѣкоторая надежда изыскать справедливое мнѣніе: то и я нахожу нѣчто, что могу сказать въ отвѣтѣ на оный вопросъ. Думаю, и думаю кажется не несходно съ истинною, что поелику сословіе Сенаторское превосходило прочія сословія своимъ достоинствомъ, то посему тѣмъ, которые включаемы были въ оное, даваемъ былъ сей чинъ такими собраніями, которыя превосходнѣйшими и знаменитѣйшими почитались предъ прочими. А таковыя собранія безъ сомнѣнія были собранія по сотнямъ, которыми, какъ ясно можно видѣть изъ различныхъ достопамятностей древности, поставляемы были большіе (*) градо-

(*) Большіе градоначальники (Magiſtratus maiores), называемые иначе Курульные (Cu-

градоначальники, определяемы важнѣйшія войны и полагаемы законы, которые очень важными казалися для республики. По установленіи же Ценсоровъ постановляемы были Сенаторы собраніями по Куріямъ, какъ говоритъ Фестъ въ слѣдующихъ словахъ: *Трибуны* (то есть народные) *собственною властію узаконили, дабы Ценсоры избирали честныхъ людей изъ всякаго сословія въ Сенаторы въ собраніяхъ по Куріямъ.* Безъ сомнѣнія въ семъ случаѣ Трибуны народные взирали на древнее оное установленіе Ромулово, который первыхъ Сенаторовъ указалъ избирать въ собраніяхъ по Куріямъ; и безъ сомнѣнія почли они за нужное возобно-

 вить

(Curules), были во время республики тѣ, которые избираемы были въ народныхъ собраніяхъ по сотнямъ; имѣли въ отмѣну отъ другихъ кресла, сдѣланныя изъ слоновой кости, тогу, или плащъ, опушенный червленицею, и право имѣть портреты своихъ предковъ, и оставлять свои потомкамъ. Градоначальники сіи были слѣдующіе: Диктаторъ, Консулы, Преторы, Ценсоры и проч.

вить сіе установленіе. Раждается и въ томъ сомнѣніе, что, какъ я предложилъ, по изгнаніи Царей власть избирать въ Сенаторы получилъ народъ, но Ливій, Тацитъ и Фестъ, кажется, что совсѣмъ сіе опровергаютъ: ибо говорятъ, что число Сенаторовъ, умаленное чрезъ умерщвленіе многихъ изъ онаго Тарквиніемъ Супербомъ, дополнено новыми Сенаторами и приведено въ прежнее свое состояніе Консуломъ, хотя притомъ, согласно говоря о семъ, несогласны въ имени онаго, поелику Ливій и Тацитъ полагаютъ тѣмъ Консуломъ Л. Брута, а Фестъ П. Валерія, по прозванію Публиколу. Что до меня, то хотя мало надлежитъ до сущности нашей матеріи, кто былъ сей Консулъ, однако болѣе слѣдую Ливію и Тациту, нежели Фесту: вопервыхъ, поелику охотнѣе соглашаюся на мнѣніе двухъ, нежели одного, и притомъ древнѣйшихъ, нежели не столько древняго, писателей; сверьхъ сего, поелику Л. Брутъ всѣ силы и всѣ старанія употребилъ къ возстановленію вольности, такъ что особенную и больше всѣхъ себѣ собственную получилъ въ томъ честь, который казнилъ смер-

тію

тію дѣтей своихъ, помышлявшихъ о возстановленіи на царствѣ Тарквинія: то весьма вѣроятно, что между первыми его дѣйствіями было то, которое казалося весьма важнымъ въ утвержденіи и сохраненіи вольности. Ибо ежели совѣты мудрыхъ и уваженіе совѣщателей наипаче поспѣшествуютъ благосостоянію обществъ, то надобно сказать, что въ Сенатѣ (Римскомъ) находилось крайнее благоразуміе, а уваженіе еще и при Царяхъ имѣлъ онъ весьма великое. Почему вѣроятно, что Брутъ немедленно сдѣлалъ то, что очень важно было въ новой республикѣ, такъ что три отмѣнно знаменитыя считаются его дѣла, которыя онъ оказалъ при введеніи и установленіи вольности: одно, которое есть и первое и важнѣйшее другихъ, что изгналъ Тарквинія Царя; второе, что установилъ Консуловъ, имѣющихъ Царское достоинство, но власть, ограниченную законами; третіе, учредилъ такимъ образомъ Сенатъ, чтобъ на ихъ власть опиралися Консулы. Сіе объ имени помянутаго Консула; но что касается до самаго дѣла, то думаю, что въ томъ, что я сказалъ о вла-

 сти

сти народа избирать Сенаторовъ, мнѣніе Ливія, Тацита и Феста не разны отъ моего. Ибо тѣ Сенаторы, которые сдѣланы для дополненія числа 300, выбираны по моему мнѣнію сперва по благоразсмотренію Консула, а потомъ подтверждены въ семъ избраніи голосами народа, коему тотъ самой, которой ихъ избралъ, Консулъ ихъ представилъ. А сей образъ произведенія въ Сенаторы всегда, какъ думаю, до временъ установленія Ценсоровъ былъ наблюдаемъ, такъ что ни Консулъ не могъ безъ соизволенія народа никого сдѣлать Сенаторомъ, ни народъ не давалъ голосовъ своихъ ни на кого, естьли кто не будетъ ему представленъ Консуломъ. И посему естьли сказать, что одинъ Л. Брутъ (что впрочемъ не было безъ примѣровъ въ послѣдованіе временъ) имѣлъ власть безъ голосовъ народа 164 человѣка (ибо столько ихъ, говоритъ Фестъ, было) посадить въ Сенатъ, то сіе надобно приписать великому достоинству сего знаменитаго мужа, и положить, что народъ благоизволилъ, дабы въ возстановленіи власти Сената безпрепятствен-

ное имѣлъ благоразсмотреніе тотъ, который защитилъ и возставилъ вольность всего общества. И такъ въ первыя времена избирали Сенаторовъ Цари, но съ тѣмъ различіемъ, что Ромулъ, какъ можно видѣть у Діонисія собраніями по Куріямъ, а прочіе, никакихъ думаю не употребляя собраній, по своему токмо изволенію; что, какъ я выше показалъ, оставилъ намъ Ливій, говорящій въ лицѣ Канулеія. Во времена республики до введенія въ Римъ Ценсорской власти производимы были Сенаторы, говоритъ Фестъ, отъ Консуловъ, или отъ Трибуновъ военныхъ съ Консульскою властію, при чемъ сей писатель ни о какихъ не упоминаетъ собраніяхъ; однако по моему мнѣнію не должно думать, что въ такихъ случаяхъ не были употребляемы собранія, о которыхъ онъ не упоминаетъ, но только кажется означаетъ, что сперва благоразсмотреніемъ Консуловъ, или Трибуновъ, то есть военныхъ, были избираемы въ честь Сенаторскаго достоинства; а потомъ вскорѣ одобряемы были голосами народа тѣ, которые были избраны. О семъ послѣд-

 немъ

немъ помянутый писатель хотя и не говоритъ явственно, однако скрытно даетъ знать; а Ливій и не оставляетъ въ семъ ни малаго сомнѣнія, говоря въ оной Канулеіевой рѣчи: *Будучи избраны или Царями, или по изгнаніи Царей по повелѣнію народа.* Съ Ливіемъ же не несогласенъ, какъ выше показано, и Цицеронъ, который въ помянутой рѣчи за Секста написалъ такъ: *Чтобъ избирать въ Сенаторы всему народу.* Что касается до числа Сенаторовъ, которыхъ избралъ Ромулъ и которыхъ слѣдующіе Цари прибавляли, матерія есть трудная, о которой я теперь предложу; но удобно снесу, да еще и весьма желаю, чтобъ кто далъ мнѣ въ семъ случаѣ наставленіе, или бы поправилъ, естьли что я скажу несправедливо. Ромулъ, что доказано свидѣтельствомъ Діонисія, сдѣлалъ 100 Сенаторовъ изъ тѣхъ, которые съ нимъ пришли вмѣстѣ на поселеніе; потомъ по сообщеніи права гражданства Сабинянамъ прибавилъ къ первымъ столько же, что также показываетъ Діонисій, а сверьхъ сего Плутархъ. Отъ Ромула до временъ Гостилія, который былъ

третій Римскій Царь, Сенатъ состоялъ изъ 200 только: поелику Нума не умножилъ число Сенаторовъ, всемѣрно старавшися о богослуженіи. Гостилій по раззореніи Албы сдѣлалъ не Сенаторовъ, но Патрикійскихъ фамилій больше, которыя могли быть нѣкогда включены въ сословіе Сенаторовъ; и такъ онъ умножилъ такъ какъ бы сѣменохранительницу Сенаторовъ. И такъ, прибавивши семь, по счисленію Діонисія и Ливія, Патрикійскихъ фамилій, умножилъ только число тѣхъ, которые могли быть избираемы въ Сенаторы, а число дѣйствительныхъ Сенаторовъ оставилъ толикимъ же, коликимъ было прежде. Ему наслѣдовалъ Анкъ Марцій. Сей ни къ числу Сенаторовъ, ни къ Патрикійскимъ фамиліямъ, чему показали мы примѣръ, никого не прибавилъ. Пятый Царь Римскій, Тарквиній Прискъ, присовокупилъ къ прежнимъ еще 100 Сенаторовъ, то число ихъ начало состоять изъ 300, о чемъ Ливій говоритъ такъ: *Не менѣе памятуя объ утвержденіи себя на престолѣ, сколько и объ умноженіи общества, выбралъ въ Сенаторы 100 чело-*

 вѣкъ,

пѣкъ, которые потомъ названы меньшими, или второстатейными (Minorum gentium). Но Корнелій Тацитъ въ кн. 2 говоритъ, что фамиліи Сенаторскія большими, или первостатейными (Maiorum gentium), названы Ромуломъ, а меньшими Л. Брутомъ. Но я сіе послѣднее имя почитаю общимъ для всѣхъ тѣхъ, которые какъ Тарквиніемъ, такъ и Л. Брутомъ, какъ говоритъ Ливій, или по мнѣнію Феста Помпея, П. Валеріемъ, товарищемъ Брутовымъ, произведены въ Сенаторы. Не иначе, думаю, и отцами спосажденными названы тѣ, которые прибавлены къ первымъ Сенаторамъ, коихъ сдѣлалъ Ромулъ, или Тарквиніемъ, или по изгнаніи Царей Консулами. Но сіе впрочемъ имя не пребыло долговременно: поелику во времена республики сіе названіе не различало Сенаторовъ, но всѣ равно то отцами, то отцами спосажденными называлися. О числѣ 300 Сенаторовъ, сдѣланномъ отъ Тарквинія Приска, весьма различны мнѣнія Ливія, Діонисія и Плутарха: поелику Ливій въ кн. 1 ясно даетъ знать, что въ то время, когда умеръ Ромулъ, было

только

только 100 Сенаторов. Слова его слѣдующія: *Потомъ нѣкоторая боязнь напала на Сенаторовъ, дабы не сдѣлалось какое нападеніе отъ внѣшнихъ непріятелей на общество, лишившееся Государя, на воинство, неимѣющее предводителя: поелику тогда многихъ сосѣднихъ обществъ сердца были раздражены Римлянами. Итакъ сто Сенаторовъ, раздѣлившись на десять десятковъ, и выбравши изъ каждаго десятка по одному, которому бы имѣть верховное правительство, взаимно между собою сообщаютъ власть. Всѣ оные десять Сенаторовъ имѣли повелительную власть, но одинъ изъ нихъ имѣлъ знакъ верьховности и* (*) *Ликторовъ. Чрезъ пять дней* про-

(*) Ликторы были тѣ служители, кои ходили сперва предъ Царями, а потомъ предъ главными градоначальниками по 12, а предъ Диктаторомъ по 24, имѣя въ рукахъ пуки прутьевъ связанныхъ, въ срединѣ которыхъ были завязаны топоры, кои были и знакомъ могущества на-

продолжалась каждаго власть, и переходила отъ одного къ другому по порядку. Сїе междоцарствїе продолжалось одинъ годъ, названное (которое названїе и теперь въ употребленїи) междоцарствїемъ отъ самой бытности дѣла. Потомъ началъ роптать народъ, что умножилось чрезъ то рабство, и вмѣсто одного сдѣлано 100 повелителей. Здѣсь должно примѣтить, что Ливїй говоритъ о числѣ 100 Сенаторовъ, а о 100, сдѣланныхъ Ромуломъ изъ Сабинскаго народа, совсѣмъ не упоминаетъ. Но Дїонисїй въ кн. 2 Рим. Ист. а Плутархъ въ жизни Ромула ясно говорятъ, что по принятїи Сабинянъ въ число Римскихъ гражданъ было 200 Сенаторовъ; и такъ Ливїю ли, или двумъ Грекамъ въ семъ должно вѣрить? Я болѣе смотрю на самую матерїю, а не на писателей; и есть-

начальниковъ, предъ коими ходили, и орудїемъ казней винныхъ. Должности ихъ были препровождать верьховныхъ градоначальниковъ, отгонять толпу народную, также вершить смертною казнїю преступниковъ и пр.

естьли въ сомнительномъ дѣлѣ не можно найти истиннаго мнѣнія, то слѣдую тому, которое сходнѣе съ истинною. Но несравненно вѣроятнѣе, что говорятъ о семъ Діонисій и Плутархъ, то есть, что во время смерти Ромула было въ Римѣ 200 Сенаторовъ. Ибо ежели, какъ и самъ говоритъ Ливій, Ромулъ и Тацій царствовали не только вмѣстѣ, но еще и весьма согласно между собою, то кто повѣритъ, что Сабиняне не имѣли мѣста въ томъ сословіи, которое въ Римѣ было весьма важное? Какое посему между тѣми двумя народами было бы общее право, какое согласіе? притомъ же сходнѣе съ истинною, что писателю, родившемуся въ Италіи, дѣла Римскія извѣстнѣе, нежели Грекамъ, но Грекамъ, жившимъ въ Римѣ, еще болѣе, нежели Италіянцу, жившему въ Батавіи. (*) Я такъ о семъ думаю; однако желаю, чтобъ сіе мое мнѣніе приняли на разсужденіе тѣ, которые разумомъ и знаніемъ меня выше: поелику признаюсь искренно, что я самъ собою не

(*) Нынѣ называется Падуа.

не могу довольно рѣшить сея трудности. Ибо ежели въ противность Ливію, а согласно съ Діонисіемъ и Плутархомъ, положить число 200 Сенаторовъ, то въ семъ случаѣ, какъ я сказалъ выше, съ одной стороны надобно слѣдовать только вѣроятности, а съ другой въ великое притти затрудненіе: поелику не скоро можно опредѣлить, который изъ Царей умножилъ Сенатъ, составивъ его изъ 300 Сенаторовъ. Сказать ли, что Гостилій? Но послѣ его Тарквиній Прискъ прибавилъ 100. Прискъ ли? Но прежде его еще Гостилій, какъ согласно съ Ливіемъ утверждаетъ Діонисій, умножилъ сословіе Сенаторское, включивъ въ него нѣкоторыя фамиліи Албанскія. И посему будетъ число оныхъ болѣе 300. Хотя я сказалъ выше (чтобъ совсѣмъ не опустить въ молчаніи), что оныя мнѣнія согласить можно, полагая, что Гостилій умножилъ не число Сенаторовъ, но тѣхъ фамилій, изъ которыхъ обыкновенно избираются Сенаторы; однако опасаюсь, дабы сказанное мною не было неосновательнымъ: поелику и Ливій въ кн. I ясно говоритъ, что Гостилій умножилъ Сенатъ; а говоритъ

такъ:

такъ : *Въ честь умноженнаго имъ состоянія одинъ храмъ сдѣлалъ судною палатою , которая Гостиліевою до временъ нашихъ отцевъ называлась.* И Діонисій въ кн. 3 не неясно говоритъ о фамиліяхъ Албанскихъ, причисленныхъ къ Сенаторскому сословію Гостиліемъ. Почему въ семъ случаѣ, какъ о дѣлѣ сомнительномъ, намѣренъ я сказать древній оной образчикъ рѣчи *неясно* (Non liquet). Раждается еще иное сомнѣніе , а имянно: почему Плутархъ въ жизни Нумы говоритъ , что когда шло дѣло о избраніи Царя на мѣсто Ромула , то Сенаторовъ было 150 человѣкъ? а въ семъ онъ ниже съ Ливіемъ и Діонисіемъ , изъ которыхъ одинъ, какъ показывано выше, полагаетъ 100, а другой говоритъ, что Сенатъ, состоявшій изъ Римлянъ и Сабинянъ , состоялъ изъ 200, ниже, что еще удивительнѣе , самъ съ собою согласенъ : поелику въ жизни Ромуловой сказалъ, что къ числу 100 Сенаторовъ Римлянъ прибавлено столько же изъ Сабинскаго народа. Ибо ежели положить, что съ того времени, какъ сдѣлано 200 Сенаторовъ , до смерти Ромуловой умерло пятьдесятъ, такъ что

не болѣе ихъ тогда, какъ 150 было: то сіе мнѣніе самой отвергаетъ разумъ: поелику кто повѣритъ, чтобъ Ромулъ, когда кто изъ Сенаторовъ умретъ, не произвелъ на мѣсто его кого другаго? Потерпѣлъ ли бы онъ, дабы Сенатъ ежедневно уменьшался болѣе и наконецъ такимъ образомъ совсѣмъ бы уничтожился? Не можно сему повѣрить; почему и о семъ тоже могу сказать, что выше, то есть *неясно*. Впрочемъ довольно извѣстно, да и никто не опровергаетъ, что когда Тарквиній Супербъ воцарился, было Сенаторовъ 300, а когда изгнанъ, то гораздо меньше: поелику онъ не такъ, какъ его предшественники, то есть не по повелѣнію народа, ниже по соизволенію на то Сената, но умерщвленіемъ своего тестя Туллія беззаконно получивъ престолъ, пренебрегая преждебывшихъ Царей обыкновеніе, никогда о дѣлахъ государственныхъ не совѣщался съ Сенатомъ, имѣя одну свою волю вмѣсто Сената; и почему число Сенаторовъ не только не умножилъ, но еще, дабы сіе сословіе, которое зналъ, что стоитъ съ стороны его тестя, привести въ большее презрѣніе и безсиліе,

силіе, уменьшалЪ ежедневно, кого нибудь изЪ оныхЪ умерщвляя. НаконецЪ по изгнаніи его великодушнымЪ БрутомЪ П. Валерій КонсулЪ, какЪ говоритЪ ФестЪ, *по причинѣ малаго числа Патрикіянъ выбралъ въ Сенаторы изъ простаго народа 164 человѣка, дабы дополнить число* 300. ВЪ чемЪ сей писатель частію кажется согласенЪ, частію несогласенЪ сЪ ЛивіемЪ. СогласенЪ вЪ томЪ, что говоритЪ, что тогда вЪ первой разЪ простолюдины допущены вЪ СенатЪ: поелику тоже самое безЪ сомнѣнія разумѣетЪ Ливій, говоря такЪ вЪ кн. 2: *Удивительно, сколько сіе послужило къ утвержденію согласія въ обществѣ, и къ примиренію съ Патрикіянами народныхъ сердецъ.* А несогласенЪ потому, поелику Ливій, что число 300 СенаторовЪ дополнено не П. ВалеріемЪ, но самимЪ БрутомЪ, утверждаетЪ слѣдующими словами: *Брутъ первый, въ чемъ уступилъ ему его товарищъ, употребилъ носимые послѣ передъ Консулами руки. Онъ прежде всѣхъ народъ, весьма увеселяющійся нечаянно утвержденною вольностію,*

 дабы

дабы не преклонится когда либо на прозьбы, или на дары Царскіе, привелъ къ присягѣ въ томъ, что никогда не потерпитъ въ Римѣ никакого Царя; потомъ, дабы многочисленностію Сенаторовъ усилить болѣе сіе сословіе, уменьшенное оныхъ число отъ частыхъ умерщвленій, чиненныхъ по повелѣнію Тарквинія, избравъ первостатейныхъ людей въ состоянія всадниковъ, дополнилъ ими даже до 300. Но Діонисій, не согласуяся ни съ которымъ изъ сихъ писателей, оставилъ въ своей исторіи, что ни Валерій, ни Брутъ, но оба вмѣстѣ дополнили число 300 Сенаторовъ, и не 164, какъ говоритъ Фестъ, но только 100 прибавили. Впрочемъ въ томъ всѣ согласны, что выбраны новые Сенаторы изъ простолюдиновъ: поелику хотя и не о самыхъ простолюдинахъ, но о первостатейныхъ людяхъ состоянія всадниковъ упоминаетъ Ливій, однако нѣтъ препятствія разумѣть сіе о простомъ народѣ: поелику сословіе всадниковъ равно причислялось и къ Патрикіянамъ и къ народу, что самъ кажется Ливій изъясняетъ,

какъ

какъ бы толкуя свои слова: поелику послѣ приведенныхъ мною словъ говоритъ, *что то весьма послужило много къ утвержденію согласія въ обществѣ и къ примиренію съ Патрикіянами простонародныхъ сердецъ.* Да и Фестъ въ двухъ мѣстахъ упоминаетъ то о народѣ, то о сословіи всадниковъ, однако не неосновательно и безъ причины: поелику въ обоихъ оныхъ мѣстахъ разумѣетъ простолюдиновъ, но такихъ, которые, получивши состояніе всадниковъ, столько превосходили своимъ достоинствомъ прочій народъ, сколько Патрикіяне, дѣйствительные Сенаторы, прочихъ Патрикіянъ. И такъ естьли есть еще какое сомнѣніе, то оное рѣшится свидѣтельствомъ Діонисія, который о данномъ народу Сенаторскомъ чинѣ довольно ясно говоритъ въ кн. 5. Можетъ быть, что изъ прибавленныхъ 164 человѣкъ, о которыхъ говоритъ Фестъ, 100 были изъ простаго народа, а прочіе изъ Патрикіянъ. А такимъ образомъ и въ числѣ Сенаторовъ можно согласить Діонисія, который упоминаетъ только о 100, и притомъ говоритъ, что тѣ были изъ простолюдиновъ, и Феста,

 кото-

который считаетъ 164. Ибо какъ во времена Царей не всѣ Патрикіяне были дѣйствительными, ниже не было Сенатора, который бы не былъ Патрикіяниномъ: такъ во время республики не всѣ Сенаторы были Патрикіяне, но избранные то изъ Патрикійскихъ, то изъ простонародныхъ фамилій, смотря по тому, чѣмъ болѣе кто или любимъ былъ Консулами, или Трибунами военными съ Консульскою властію, которые, какъ говоритъ Фестъ, прежде установленія Цензоровъ избирали и опредѣляли Сенаторовъ; или по установленіи Цензоровъ, кто отмѣнилъ себя заслугами къ обществу. Не смотрю я здѣсь на Светонія, который въ жизни Августа говоритъ такъ: *Родъ Октавіевъ Тарквиніемъ Прискомъ изъ числа Римскихъ родовъ включенъ въ Сенатъ, а вскорѣ Сер. Тулліемъ переведенъ въ фамиліи Патрикійскія.* Сими словами онъ ясно означаетъ, что включаемы были въ сословіе Сенаторовъ такіе граждане, которые еще не были Патрикіянами. Но что сіе ложно и неправильно, то можно видѣть и изъ приведеннаго нами свидѣтельства Ливіева и

Діони-

Діонисіева, изъ котораго явствуетъ, что въ Сенатъ допущенъ простой народъ не прежде, какъ по изгнаніи уже Царей; и притомъ изъ самыхъ поистиннѣ Светоніевыхъ словъ, естьли кто оныя прилѣжно разсмотритъ. Ибо что за нарѣчіе: *изъ числа родовъ Римскихъ включенъ въ Сенатъ?* Какъ будто бы прежде, нежели былъ включенъ въ Сенатъ, одинъ только родъ Октавіевъ не былъ въ ономъ сословіи; или будто бы также, какъ и прочія Римскія фамиліи, взошелъ въ Сенатъ. И то и другое весьма несходно съ правдою и пустое: поелику ни рода Октавіева до того времени не было между фамиліями Римскими, ниже всѣ фамиліи были въ Сенаторскомъ сословіи. Думаю, (дабы какъ нибудь рѣшить сіе сомнѣніе) что родъ Октавіевъ сперва Прискомъ пожалованъ только правомъ гражданства, а потомъ Сервіемъ включенъ въ Патрикійскія фамиліи. Тоже, я думаю, разумѣлъ подъ тѣми словами и Светоній, написавъ такъ: *Оный родъ Тарквиніемъ Прискомъ принятъ въ число Римскихъ гражданъ, а вскорѣ Сервіемъ Тулліемъ включенъ въ Патрикійскія фамиліи;*

ліи; а не такъ, какъ находится въ изданіяхъ, весьма обыкновенныхъ: *иключенъ въ Сенатъ*. Ибо повреждено, думаю, сіе мѣсто тѣми издателями, которые слово *иключать* почли употребительнымъ только о Сенаторахъ; не вникнувъ въ мысль и связь автора, несправедливо поставили они сословіе Сенаторовъ выше рода Патрикійскаго, имѣя причиною то, что въ тогдашнія времена пришельцы въ Римъ сперва получали право гражданства, потомъ дѣлалися Патрикіями, а наконецъ Сенаторами, изключая токмо тѣхъ, которые столько сильны были у Царей Римскихъ, что вдругъ и Патрикіями и Сенаторами были жалованы. Сего самаго мнѣнія были два ученѣйшіе, превосходнѣйшіе и въ знаніи древностей безъ сомнѣнія первые мужи: Король Сигоній и Онуфрій Панвиній.

Помянутое число 300 Сенаторовъ, уставленное Прискомъ, пребыло ненарушимо даже до Диктаторства (*) Л. Силлы: ибо двадцать сверьхъ 300, упо-

(*) Диктаторство въ Римѣ былъ верховнѣйшій чинъ, къ которому Римляне при-

упоминаемые 1 Маккав. не были, думаю, Сенаторы, избранные Ценсорами, но тѣ, которые по праву чиновъ, кои тогда имѣли, входили въ Сенатъ и участвовали въ совѣщанiи о дѣлахъ республики. Весьма вѣроятно кажется, что потомъ Силла, будучи благосклоненъ къ Сенату, а непрiязненъ народу, какъ власть Трибуновъ уменьшилъ и чувствительно поразилъ, такъ напро-

бѣгали въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ республики. Диктаторъ былъ нѣкоторой родъ Царя, правившаго дѣлами только шесть мѣсяцовъ. При немъ всякая другая власть или была отрѣшаема, или ему подчиняема, изключая только Трибуновъ народныхъ, кои ни отъ кого никогда не зависѣли. Консулы были токмо его намѣстниками, и находились при немъ, какъ простыя особы. Имѣлъ онъ 24 Ликтора. Въ городѣ предсѣдательствовалъ въ Сенатѣ, а въ полѣ имѣлъ команду надъ армiями. При немъ всегда былъ начальствующiй надъ конницею, котораго онъ самъ выбиралъ, и который впрочемъ не раздѣлялъ съ нимъ власти, а только былъ первый начальникъ, получавшiй отъ него повелѣнiя, и бывшiй на его мѣстѣ въ небытность онаго.

тивъ умножилъ число Сенаторовъ. Вѣроятно же по тому, что онъ четвертый по Ромулѣ умножилъ число Квесторовъ (*), Пре-

(*) Квесторъ есть собственно тотъ, который у насъ называется казначеемъ. Ихъ выбирали каждый годъ сперва изъ Патрикіянъ, а потомъ и изъ Плебеянъ. Ихъ сперва было двое, послѣ сдѣланы еще двое. Первые назывались городскими, потому что, будучи всегда въ городѣ, хранили общенародное сокровище, держали записки приходамъ и расходамъ, и никакія не выдавали суммы безъ указовъ Сенатскихъ и Консульскихъ. Когда армія отправлялася въ походъ, они выдавали знамена изъ казенной, гдѣ тѣ хранимы были, отводили домы посламъ, снабдѣвали ихъ потребными вещами, и приносили имъ при ихъ отбытіи отъ республики дары. Вторые назывались военными, для того что они употребляемы были для услугъ въ войнѣ; они съ военною казною слѣдовали за Консулами и за полководцами, дѣлали щеты непріятельскимъ корыстямъ, особливо смотрѣли за съѣстными припасами. Изъ сихъ послѣднихъ, которыхъ число послѣ умножено, посылаемы были въ провинціи для полученія отъ сборщиковъ и отосла-

Преторовъ (*), Авгуровъ (**), разпро-
В 5 стра-

сланія въ Римъ доходовъ, получаемыхъ съ провинцій; иногда же тамъ они въ отсутствіи Претора дѣлали судную расправу и командовали надъ арміями.

(*) Преторъ у Римлянъ былъ градоначальникъ, которому особливо поручено было храненіе, содержаніе и исполненіе уставовъ, и который по сему былъ больше сдѣланъ для судныя расправы. Преторъ сперва былъ одинъ, потомъ двое, изъ которыхъ первый назывался *городскимъ*: потому что судилъ ссоры, бывшія между гражданами; вторый *чужестраннымъ*, который судилъ тяжбы между гражданами и пришельцами. Послѣ число Преторовъ умножено, которые посылаемы были на судную расправу въ провинціи со всею властію правленія. Преторы иногда командовали арміями, а именно, когда многія вдругъ во многихъ мѣстахъ войны требовали многихъ полководцевъ.

(**) Авгуры (птицегадатели) были въ Римѣ духовныя особы, которыя имѣли должность не жертвы приносить, но угадывать будущій успѣхъ дѣлъ по ѣдѣ, по полету и крику птичьему, по смотренію на небо и примѣчанію тамъ какихъ либо явленій, и по другимъ знакамъ.

странилЪ также мѣсто предстѣнковЪ, и много иныхЪ ввелЪ новостей вЪ республику. А сіе тѣмЪ за достовѣрнѣйшее почитаю, что не очень много спустя лѣтЪ, послѣ его жившій ЦицеронЪ вЪ кн. I. пис. кЪ Аттику упоминаетЪ число 415, а вЪ рѣчи, которую говорилЪ вЪ Сенатѣ по возвращеніи своемЪ изЪ изгнанія, 400 СенаторовЪ. Во время же Диктаторства Цезарева, говоритЪ ДіонЪ, было 500: поелику онЪ жаловалЪ степенію Сенаторскою и сыновей отпущениковЪ (*) и многихЪ изЪ

камЪ. Сія должность ихЪ была основана на суевѣріи древнихЪ РимлянЪ, которые не начинали никакого публичнаго дѣла, не извѣдавЪ напередЪ чрезЪ пустыя церемоніи и обряды воли боговЪ.

(*) Отпущеники (Libertini) были тѣ изЪ рабовЪ, или, по мнѣнію нѣкоторыхЪ, дѣти тѣхЪ рабовЪ, которые своими господами были отпущены на волю. По увольненію своему дѣлались они Римскими гражданами, однако не были допускаемы, какЪ то родившіеся вольными и именовавшіеся *благорожденными* (Ingenui), ни вЪ число всадниковЪ РимскихЪ,

изъ своихъ воиновъ, и нѣкоторыхъ утробозрителей (*). Послѣ смерти Цесаревой и еще иные низкаго состоянія граждане безъ всякаго избранія во время толикой (**) смятности всѣхъ дѣлъ взошли въ Сенатъ, такъ что было болѣе 1000 Сенаторовъ, говоритъ Светоній. Недостойностію помянутыхъ людей будучи побужденъ Августъ, по одержаніи уже побѣды надъ

скихъ, ни въ число Сенаторовъ, но были токмо пріобщены къ вольностямъ, коими пользовалися граждане простаго народа. Служили они по большой части во флотѣ, а рѣдко въ сухопутномъ войскѣ.

(*) Утробозрители (Haruspices) были тѣ духовныя особы, кои разсматривали внутреннія части жертвы, и по нимъ узнавали волю боговъ, и предсказывали объ успѣхѣ дѣлъ, по причинѣ коихъ приносимы были жертвы.

(**) Поелику тогда токмо что и дышали междоусобными войнами, и градоначальники, находясь при разныхъ сторонахъ и думая больше о своихъ, или общенародныхъ изъ того выгодахъ, не имѣли времени и способа смотрѣть за всемъ порядкомъ.

надъ Антоніемъ, привелъ Сенатъ въ прежнія мѣры и сіяніе. И такъ Сенаторы избираемы были сперва Царями, потомъ Консулами и Трибунами военными съ Консульскою властію, наконецъ Ценсорами (*). Но сверьхъ сихъ два рода людей имѣли право входить въ Сенатъ, то есть тѣ, которые имѣли чины, хотя бы они были и не Курульные, какъ-то Эдили народные (**), Три-

(*) Ценсоры въ Римѣ были градоначальники, которыхъ главною было должностію изчисленіе Римскихъ гражданъ по прошествіи каждыхъ пяти лѣтъ, смотреніе за нравами и поступками всѣхъ гражданъ, и сверьхъ сего строеніе и починка общенародныхъ и полезныхъ обществу зданій, какъ-то дорогъ, водопроводныхъ каналовъ, спускныхъ трубъ и проч. Они сперва были дѣлаемы на пять лѣтъ, а потомъ только на полтора года, или болѣе, или менѣе.

(**) Эдили вообще были начальники, которые имѣли смотреніе надъ строеніями какъ общенародными, такъ и надъ собственными каждому, также надъ потѣхами, представляемыми народу; притомъ надъ полиціею, которая обязывала ихъ

Трибуны народные (*), Квесторы;

ихъ смотрѣть за безопасностію и чистотою города, за съѣстными припасами, за харчевымъ и за многимъ сему подобнымъ. Эдилей сперва было двое, но потомъ, когда надобно стало симъ градоначальникамъ представить на своемъ иждивеніи большія потѣхи, и когда сего не могли исполнить обыкновенные Эдили, то сдѣланы еще двое изъ молодыхъ Патрикіянъ, которые на то согласилися, и кои сверьхъ представленія потѣхъ главныя, какъ вѣроятно, должности Эдилитетства имѣли за собою. Первые послѣ сего назывались Эдилями народными, а вторые Курульными, для того что имѣли стулъ Курульный.

(*) Трибуны народные хотя были чиноначальники низкіе, но имѣли великую власть. Ихъ выбирали изъ простаго народа, сперва пять, потомъ наконецъ десять, каждый годъ. Должность ихъ состояла въ защищеніи вольности и правъ простаго народа; почему они въ Сенатѣ засѣдали, какъ депутаты отъ народа, противъ выгодъ котораго ежели тамъ было что нибудь опредѣляемо, то Трибунъ однимъ словомъ остонавливалъ опредѣленіе.

ры; другіе тѣ, которые прежде были въ чинахъ Курульныхъ, какъ Эдили Курульные, Преторы, Консулы (*). Всѣ сіи имѣли право входить въ Сенатъ и говорить свое мнѣніе, однако ниже были дѣйствительными Сенаторами, ниже упоминаемы были въ указѣ Консула, созывающаго Сенатъ. На сіе привести слова Феста Помпея почитаю я за нужное. *Когда* говоритъ сей писатель, *созываемъ бываетъ Сенатъ, то повелѣвается собраться Сенаторамъ и тѣмъ, которые имѣютъ право говорить свое мнѣніе въ*

ніе. Они имѣли власть увольнять отъ указовъ Сенатскихъ, издавать новыя узаконенія противъ воли Сената, созывать въ собранія народъ и Сенатъ, запретить наборъ войска, Консуловъ сажать въ тюрьму, оправдать обвиненныхъ въ судахъ и проч. а сами были почитаемы особами священными, къ которымъ никто прикоснуться не могъ, такъ что кто нанесетъ руки на нихъ, объявляемъ былъ проклятымъ, котораго всякой могъ убить безъ всякаго себѣ суда.

(*) Что были въ Римѣ Консулы, всему свѣту извѣстно.

въ Сенатѣ: понеже по совершеніи переписи оказавшіеся младшими (*), *получивши чинъ, въ Сенатѣ говорять свое мнѣніе, но не прежде называются Сенаторами, какъ когда въ слѣдующей переписи окажутся въ числѣ старшихъ.* Посему довольно ясно, кто были действительные Сенаторы, и кто только говорилъ свое мнѣніе въ Сенатѣ, то есть: Сенаторы были только тѣ, которые избраны были въ Сенатъ Ценсорами; а давали свое мнѣніе въ Сенатѣ не токмо дѣйствительные Сенаторы, но и тѣ, которые по праву своихъ чиновъ входили въ Сенатъ. Сіе только неизвѣстно, что Фестъ о всѣхъ ли чинахъ, или токмо о Курульныхъ разумѣетъ, говоря: *по совершеніи переписи оказавшіеся младшими, получивши чинъ.* Что до меня, то хо-тя

(*) Младшими у Римлянъ по узаконенію Ромулову почитаемы были тѣ, кои, не имѣя 45 лѣтъ, должны были служить республикѣ оружіемъ въ полѣ; а старшими напротивъ, которые послѣ помянутыхъ лѣтъ оставались въ покоѣ въ городѣ, служа ему совѣтами, статскими должностями и тому подобнымъ.

тпя кажется, что Фестъ всѣ чины заключаетъ подъ онымъ общимъ своимъ словомъ, однако, поелику съ симъ его мнѣніемъ не сходствуютъ преданія древнихъ, я разумѣю одни только Курульные. Но дабы сіе подтвердить важностію свидѣтельства древнихъ, возьмемъ для сего слова Ливіевы кн. 23: *Прочитапши имена прежнихъ Сенаторопъ* (говоритъ онъ сіе о М. Фабіѣ Бутеонѣ, который сдѣланъ былъ Диктаторомъ для избранія въ Сенаторы), *потомъ попериыхъ на мѣста умершихъ избралъ тѣхъ, которые по Ценсорахъ Л. Емиліѣ и К. Фламиніѣ имѣли Курульные чины, но не были избраны пъ дѣйствительные Сенаторы; именопалъ же ихъ тѣмъ порядкомъ, кто изъ нихъ послѣ кого сдѣлался Сенаторомъ; послѣ избралъ тѣхъ, которые Эдилями, Трибунами народными и Кпесторами были; наконецъ тѣхъ, которые хотя не были пъ чинахъ, однако одержали корысть непріятелей, или получили пѣнцы градскіе* (*). И такъ Буте-

(*) У Римлянъ было мудрое обыкновеніе награждать вѣнцами, или чѣмъ инымъ воиновъ,

Бутеонъ набираетъ въ Сенатъ изъ трехъ родовъ людей: вопервыхъ изъ тѣхъ, которые были въ Курульныхъ чинахъ; вовторыхъ, кои хотя не Курульные, однако имѣли чины (поелику Эдилитетство Плебейское, Трибунство народное и Квестура, не были чины Курульные); втретьихъ, кои хотя не имѣли еще никакихъ чиновъ, однако заслугами своими къ республикѣ сдѣлали себя отмѣнитыми; а что изъ всѣхъ сихъ тѣ только входили до сего въ Сенатъ, кои имѣли Курульный чинъ. Ливій даетъ знать о томъ, говоря: *кто послѣ кого сдѣлался изъ нихъ Сенаторомъ.* То есть: кто прежде другихъ, бывъ въ Курульномъ чинѣ, вступилъ въ Сенатъ, и послѣ, сложивъ оный, получилъ право давать свое мнѣніе, того прежде же другихъ Бутеонъ наименовалъ Сенаторомъ, слѣдуя въ семъ тому порядку, какъ они получали

 чины,

воиновъ, отмѣнившихъ себя храбростію. Между прочими вѣнцами былъ вѣнецъ градскій, дѣлаемый изъ дубовыхъ вѣтвей, которымъ награждали того, кто спасетъ отъ близкія смерти согражданина во время сраженія.

чины, и сложивъ оные, вступали въ Сенатъ. Напротивъ того Эдили, Трибуны, Квесторы, поелику, говоритъ Ливій, не имѣли того же, какое бывшіе въ Курульномъ достоинствѣ, права, то есть входить въ Сенатъ и давать свое мнѣніе, то не были они сдѣланы Сенаторами. При чемъ и то достойно примѣчанія, что сдѣлаться Сенаторомъ и быть выбрану въ Сенатъ значило различное: поелику дѣлалися и были Сенаторами по праву и благодѣянію прежнихъ своихъ чиновъ, а избираемы были въ Сенатъ Цензорами, хотя впрочемъ, ежели принять въ уваженіе образчикъ древняго указа Консуловъ (созывающихъ Сенатъ), то кажется, что не собственно сказалъ Ливій, сказавъ, что дѣлались Сенаторами тѣ, которые отправляли Курульные чины, понеже сіи не Сенаторами назывались; но дабы отличить ихъ отъ дѣйствительныхъ Сенаторовъ, упоминаемы они были въ указѣ Консульскомъ сими словами: *которые имѣютъ право давать свое мнѣніе въ Сенатѣ.* Возьмемъ еще на разсужденіе иное изъ того же Ливія мѣсто, кн. 26: *Столько*, говоритъ

тамъ

шамъ сей писашель, *упражнено было общестпо пріуготопленіемъ и попеченіемъ о сей пойнѣ, что П. Корнелій Консулъ издалъ указъ, которымъ запрещалъ, чтобъ никто изъ дѣйстпительныхъ Сенаторопъ и изъ тѣхъ, которые имѣли прапо дапать спое мнѣніе пъ Сенатѣ, и которые были пъ меньшихъ чинахъ, не отлучался отъ Рима далѣе, какъ на столько, чтобъ пъ одинъ день могъ позпратиться.* Здѣсь различаешъ онъ находящихся въ меньшихъ чинахъ отъ шѣхъ, кои право имѣли говоришь мнѣніе въ Сенашѣ; а подъ меньшими начальниками разумѣешъ Эдилей Плебейскихъ, Трибуновъ народныхъ, Эдилей Курульныхъ и иныхъ; различаешъ же не по шому, что меньшимъ чиноначальникамъ не можно было давашь мнѣнія въ Сенашѣ, но поелику говорили мнѣнія многіе шакіе, которые ниже въ чинахъ дѣйсшвишельно, ни Сенашорами не были: понеже всѣ чиноначальники во время своихъ чиновъ могли входишь въ Сенашъ; но когда ихъ сложашъ, шо не всѣ, но шѣ шолько, кои были въ чинахъ Курульныхъ. Къ чему безъ со-

 мнѣ-

мнѣнія имѣютъ отношеніе оныя Цицероновы въ рѣчи за Клуенція слова: *Кто былъ Трибуномъ военнымъ въ первыхъ четырехъ легіонахъ,* (*) *или Квесторомъ, или Трибуномъ народнымъ, или кто имѣлъ право давать свое мнѣніе въ Сенатѣ, тотъ съ чиномъ лишается сего права.* Симъ довольно ясно означилъ, что тѣ, о коихъ онъ упомянулъ, чиноначальники, сложивъ свой чинъ, не могли давать мнѣнія въ Сенатѣ. Сверьхъ сего М. Варронъ пишетъ въ одной изъ сочиненныхъ имъ въ подражаніе Менипту Циническому Философу сатирѣ, что нѣкоторые всадники назывались *пѣхотными* (Pedarii); а Геллій думаетъ, что подъ симъ названіемъ разумѣются тѣ, которые не были еще избраны въ Сенаторы Ценсорами, хотя и были Сенаторами, (не-

(*) Легіонами у Римлянъ назывались части войска, подобныя нашимъ полкамъ. Число воиновъ въ легіонѣ не всегда было одинаковое, но по временамъ перемѣнялось. При Сципіонѣ Африканскомъ первомъ, по свидѣтельству Ливія кн. 29. гл. 24, легіонъ состоялъ въ 6200 пѣхоты, да въ 300 конницы.

(недѣйствительми) и потому только, что имѣли чины Плебейскіе, входили въ Сенатъ и имѣли право давать свое мнѣніе. А послѣ сего оный писатель говоритъ слѣдующія слова: *Поелику бывши въ Курульныхъ чинахъ, пока не будутъ избраны въ Сенатъ Ценсорами, не были дѣйствительными Сенаторами, и понеже считались между послѣдними, то не были вопрошаемы о мнѣніяхъ, но раздѣлялись токмо на тѣ, которыя даны будутъ главными Сенаторами.* Что самое означалось въ указѣ, которой и нынѣ (авторъ говоритъ о своихъ временахъ), взявъ отъ древнихъ для сохраненія прежняго обыкновенія, созывая въ совѣщаніе Сенаторовъ, употребляютъ Консулы. А слова въ немъ, до сего надлежащія, суть слѣдующія: *Сенаторы и тѣ, кои имѣютъ право давать мнѣніе въ Сенатѣ.* Однако я сомнѣваюся въ томъ, какъ помянутый авторъ о тѣхъ, которыхъ прежде сказалъ, что имѣли право говорить мнѣніе въ Сенатѣ, говоритъ послѣ, что у нихъ не спрашиваемы были мнѣнія: ибо ежели они не были спрашиваемы, то

какъ же говорили? и ежели говорили, то для чего не утвердить и того, что прежде произнесенія мнѣнія были вопрошаемы о томъ? Впрочемъ я не соглашаюсь отстать отъ мнѣнія древнихъ, которые сіи Римскіе порядки, до которыхъ мы иногда доходимъ по однимъ догадкамъ, или сами видѣли, или могли удобно узнать изъ сочиненій тѣхъ, которые то видѣли. Почему, не обвиняя въ незнаніи Геллія, который, какъ извѣстно, тщательно читалъ сочиненія Варроновы, положимъ, что не давали своего мнѣнія словами тѣ, которые по отправленіи чиновъ вступали въ Сенатъ, но когда и одобряли и отвергали мнѣнія другихъ, означая то и другое удаленіемъ отъ однихъ, а приближеніемъ къ другимъ, предложившимъ свои мнѣнія Сенаторамъ, то сіе примемъ за то, какъ будто бы они говорили мнѣнія: поелику, приближаяся къ той, или къ другой сторонѣ, кажется, что нѣкоторымъ образомъ какъ бы говорили свои мнѣнія. И такъ позволено было входить въ Сенатъ тѣмъ, которые были въ Курульныхъ чинахъ; а напротивъ не позволено тѣмъ, которые были въ

чи-

чинахъ, но не въ оныхъ. Сіе какъ изъ того, что мы по сіе мѣсто говорили, такъ и изъ преданной намъ о М. Фабіѣ исторіи явствуетъ, а именно: когда сей Сенаторъ, вышедши изъ Сената, по случаю увидѣлъ П. Красса, бывшаго прежде Квесторомъ, то забывшись говорилъ съ нимъ о дѣлахъ, рѣшенныхъ въ Сенатѣ, такъ какъ бы говорилъ съ такимъ человѣкомъ, которой былъ самъ въ Сенатѣ думая, что Крассъ, который, какъ извѣстно было ему Фабію, за три года до того былъ Квесторомъ, былъ въ Сенатѣ, позабывъ то, что тѣ, кои были Квесторами, который чинъ не былъ Курульный, не могли послѣ входить въ Сенатъ, естьли не будутъ избраны Ценсоромъ. А. Валерій предалъ намъ, что за сію погрѣшность очень строго выговаривали Консулы оному достопочтеннѣйшему и прославившемуся заслугами къ республикѣ мужу. Но что въ томъ мѣстѣ говоритъ сей писатель, что и тѣ, которые имѣли чины, однимъ токмо способомъ могли входить въ Сенатъ, то есть, естьли будутъ избраны Ценсорами въ сословіе Сенатское, то сіе кажется сказано

 имъ

имъ не довольно справедливо: поелику я уже показалъ, что тѣ, кои были въ чинахъ Курульныхъ, хотя бы и Ценсорами избраны не были, могли входить въ Сенатъ. Почему естьли Валерій сіе разумѣетъ о всѣхъ чинахъ, то я сіе почитаю за несправедливое; а естьли только объ однихъ не Курульныхъ, соглашаюся. Ибо сверьхъ сего не сіе только имѣли преимущество, что входили въ Сенатъ тѣ, которые были въ Курульныхъ чинахъ, но еще такое, что когда Ценсоры избирали Сенаторовъ, то не могли ихъ обойти; а сіе кажется можно вывести изъ слѣдующихъ Ливіевыхъ словъ: *Сверьхъ того убиты 22 Сенатора, или по крайней мѣрѣ такіе граждане, которые были въ тѣхъ чинахъ, въ которыхъ бывши должны были избраны быть въ Сенатъ.* Историкъ говоритъ здѣсь о части Сенаторовъ, которую безъ сомнѣнія составляли бывшіе въ чинахъ Курульныхъ, которые, когда надобно было, должны были избраны быть въ Сенатъ, потому что уже имѣли право входить въ оный и довольно заслужившими Сенаторское достоинство казались, какъ такіе граждане,

дане, на которыхъ народъ не усомнился возложить чины Курульные. Изъ сего, думаю, довольно явствуютъ оныя въ рѣчи за Клуенція Цицероновы слова: *Какой Сенаторъ въ томъ жалопался, что когда по благодѣянію Римскаго народа получитъ высочайшій достоинства степень, то долженъ почитать, что чрезъ то онъ обязанъ наблюдать большую строгость законовъ.* Высочайшимъ достоинства степенемъ называетъ здѣсь Цицеронъ сословіе Сенаторское; однако не то разумѣетъ, что будто бы всѣ Сенаторы дѣлаемы были народомъ, (ибо какое право имѣлъ народъ въ разсужденіи тѣхъ, которые по произволенію Ценсоровъ избираемы были въ Сенатъ?) но означаетъ, что всѣ тѣ, которые, избраны будучи голосами народа, получили Курульные чины, по благодѣянію народа сдѣлалися Сенаторами по тому, что послѣ первыми бывшими потомъ Ценсорами избираемы были въ Сенатъ: ибо по благодѣянію народа были Сенаторами тѣ, которые избираемы были Ценсорами, поелику многіе избираемы были такіе, которые и не были въ Курульныхъ чинахъ;

 но

но всѣ бывшіе въ оныхъ чинахъ по благодѣянію народа получали Сенаторское достоинство. До сего мнѣнія отношу я и оныя въ помянутой рѣчи нѣсколько послѣ приведенныхъ мною сказанныя слова: *Когда сіе отвергали, и явно весьма твердо и мужественно сказали, что они могли бы по соизволенію Римскаго народа взойти на высочайшій оный степень, естьли бы захотѣли обратить свои усилія къ требованію честей.* Чрезъ сіе ясно означаетъ то, что вступаютъ въ Сенатъ бывшіе въ чинахъ, и вступаютъ по благодѣянію народа: потому что ежели получившіе чины (разумѣю Курульные) имѣютъ право входить въ Сенатъ, а чины даются отъ народа, то въ самомъ дѣлѣ вступающіе въ Сенатъ по тому праву, что были въ чинахъ, одолжены симъ достоинствомъ народу; напротивъ когда многіе, небывшіе въ чинахъ Курульныхъ, избираемы были въ Сенатъ, то сіе получали не по благодѣянію народа, но болѣе по тому, что такую вели жизнь, такія въ отечествѣ, или внѣ онаго, оказали услуги республикѣ; что почтены были достойными того степени, которой

рой въ обществѣ былъ высочайшимъ. Поелику долгое время Консулы и бывшіе съ Консульскою властію Трибуны военные, всякой сродниковъ избирая въ Сенатъ, сдѣлали сіе обыкновеннымъ, то наконецъ Трибунская (Триб. нар.) власть узаконила, дабы Цензоры въ собраніяхъ по Куріямъ избирали честныхъ гражданъ изъ всѣхъ сословій, то есть Плебейскаго, всадническаго и Сенаторскаго. Сверьхъ сего позволено было входить въ Сенатъ жрецу Юпитерову (Flamini Diali); а сіе право вмѣстѣ съ тогою опущенною и слоновыми креслами первый получилъ К. Фламиній, которое преимущество, бывши послѣ нарушено нерадѣніемъ прежде бывшихъ жрецовъ, возобновлено и возстановлено Валеріемъ Фланкомъ. Прочіе священнослужители не имѣли права входить въ Сенатъ, изключая тѣхъ, кои были избраны въ оный Цензорами, или имѣли Курульный чинъ. Сіе кажется означаетъ Цицеронъ, въ письмѣ къ Атт. кн. 4. гдѣ говоритъ: *Собирается по многочисленности Сенатъ, допускаются всѣ первосвященники* (Pontifices), *которые были Сенаторами.* И въ рѣчи объ

объ отвѣтахъ птробозрителей: *Были притомъ псѣ перпоспящленники, которые прежде были изъ сего сословія.* Я думаю иногда и то, что не получалъ ли чрезъ обвиненіе Сенатора мѣста себѣ въ Сенатѣ тотъ, кто на него доносилъ, то есть не чрезъ всякое обвиненіе, но токмо такое, въ которомъ обличенный преступникъ лишаемъ былъ Сенаторской степени, какъ то за воровство, за похищеніе общенародной казны и за взятки. Ибо ежели многіе доносители, обличивши виноватаго, въ награжденіе, положенное законами, получали Преторское мнѣніе и опушенную тогу, о чемъ видимъ въ рѣчи за Бальба, то коль вѣроятно, что положено было въ награжденіе доносителямъ дадать право говорить мнѣніе въ Сенатѣ, не причисляяся къ Сенаторамъ? Однако я думаю о семъ такъ, что лучше хочу, дабы сіе было подтверждено мнѣніями другихъ, нежели основано на моихъ догадкахъ.

До временъ Папирія Претекстата позволено было еще входить въ Сенатъ съ своими отцами Сенаторскимъ дѣтямъ,

тямъ, носившимъ претексту (*); но сіе обыкновеніе наконецъ уничтожено опредѣленіемъ Сенатскимъ, а одному только Папирію, бывшему тогда въ отроческихъ лѣтахъ, который мать свою, усильно спрашивающую его о производимыхъ дѣлахъ въ Сенатѣ, острою и пріятною обманулъ выдумкою (**), позволено, хотя онъ носилъ еще претексту,

(*) Претекста, по переводу Г. Тредіаковскаго *опушничка*, была нѣкоторый родъ тоги, носимыя Римскими знатными отроками, когда они вступали въ юношество; называлась такъ для того, что по поламъ и по подолу была опушена и какъ истканна червленицею. Скидали они ее и облекались въ тогу мужескую въ 16, или въ 17 лѣтъ.

(**) Выдумка сія слѣдующая: мать Папирія отрока принуждала его очень сказать ей, о чемъ было совѣщаемо въ Сенатѣ. Папиріево отреченіе изощряло еще болѣе въ ней любопытство. И такъ юноша наконецъ, притворясь, какъ будто бы побѣжденъ убѣжденіями матери, сказалъ ей, что Сенатъ разсуждалъ о томъ, *полезнѣе ли дать мужу двѣ жены, или двумъ мужьямъ одну*, и что сіе дѣло

сту, входить съ отцемъ своимъ въ Сенатъ; а сверьхъ того также опредѣленіемъ Сенатскимъ дано ему прозваніе Претекстатомъ за то, что умѣлъ хранить молчаливость и толь разумно говорить въ лѣтахъ, во время которыхъ носилъ претексту. Но оное древнее обыкновеніе, спустя много времени, возобновилъ Августъ, который позволилъ дѣтямъ Сенаторовъ, дабы для скорѣйшаго наученія и пріобыкновенія къ дѣламъ, какъ скоро получатъ мужескую (*) тогу, такъ скоро украшали

ли

дѣло завтра будетъ рѣшено. Просилъ онъ содержать то въ тайности; но по всему городу тотчасъ сіе разлилось. Назавтрѣе госпожи въ крайней горести предстаютъ всѣ съ челобитною предъ Сенатъ, который, узнавъ вымыслъ Папирія, толь удачно обманувшаго не только мать свою, но и всѣхъ госпожъ Римскихъ, опредѣлилъ ему упомянутое авторомъ награжденіе.

(*) Тога мужеская (Toga virilis) была то одѣяніе, которое носили Римляне въ мужественныхъ лѣтахъ, а облекались въ нее, какъ упомянуто мною выше, по истеченіи юношескихъ лѣтъ.

ли бы ее латиклавіемъ (*) и присудствовали въ Сенатѣ. А латиклавій было украшеніе Сенаторской одежды. Почему древніе часто, говоря такъ: *Сенатора Императоръ лишилъ латиклапія*, или *далъ латиклапій*, желали чрезъ то означить, что дано кому и отнято Сенаторское достоинство.

По сіе мѣсто мы говорили о тѣхъ, кои, будучи избраны Ценсорами, были Сенаторами, и о тѣхъ, которые хотя не были избраны, однако входили въ Сенатъ; слѣдуетъ теперь нѣчто сказать

(**) Латиклавій (Latus clauus) было убранство на одеждѣ, давшее имя самому одѣянію. Уборъ сей состоялъ въ штукахъ червленицы, нашиваемыя на тунику, то есть платье, носимое подъ тогою. Нѣкоторые утверждаютъ, что штуки тѣ были круглыя, какъ гвоздинныя головки; а другіе, что то была долгая штука, имѣвшая видъ цѣлаго гвоздя. И такъ та туника, на какой оныя штуки были шире, была собственно Сенаторская, и называлась латиклавіемъ; а туника всадническая имѣла ихъ гораздо поуже, и называлась ангустиклавіемъ (Angustus clauus).

зать о тѣхъ, кои хотя по особенному благоразумію и храбрости казалися достойными высочайшаго онаго степени, однако не могли входить въ Сенатъ. Было узаконено вопервыхъ, дабы никто изъ такихъ, у которыхъ отцы, или дѣды, не были вольные, не входилъ въ Сенатъ. Ибо хотя Аппій Клавдій Цекъ (слѣпой), будучи Ценсоромъ, избралъ въ Сенатъ дѣтей отпущенниковъ, что, какъ говоритъ Ливій, сдѣлалъ онъ первый, однако тотъ же Ливій означаетъ, что вскорѣ, то есть первый бывшій послѣ него Ценсоръ К. Фабій, ихъ изключилъ изъ Сената. Одинъ только примѣръ, одинъ, говорю, примѣръ по моему мнѣнію, особенный видимъ на Кн. Флавіѣ, сынѣ отпущеника, который прежде былъ въ Курульномъ чинѣ, и который, хотя бы не былъ и Ценсоромъ избранъ, что неизвѣстно впрочемъ, по праву своего Курульнаго чина могъ входить въ Сенатъ. Во времена Цицероновы Л. Попиллій Ценсоромъ Кн. Лентуломъ для того, какъ видно изъ рѣчи за Клуенція, не былъ избранъ въ Сенатъ, что былъ сынъ отпущеника; а Ценсоръ Аппій Клавдій, братъ П. Клодія, правнукъ

внукъ Аппія Цека, о которомъ мы очень недавно упомянули, всѣхъ дѣтей отпущениковъ, о чемъ пишетъ Діонъ въ книгѣ 40, которые взошли нѣкіимъ способомъ въ Сенатъ, изключилъ изъ онаго. Сіе дѣлали Римляне для соблюденія достоинства, дабы почтеннѣйшій и высочайшій во всей республикѣ степень не былъ опороченъ и униженъ людьми нижшаго состоянія, которыхъ можно иногда порицать рабствомъ ихъ отцевъ, или дѣдовъ. Сверьхъ сего тѣмъ сохранялося достоинство сословія Сенаторскаго, что никого не избирали въ Сенатъ, кто не имѣлъ имѣнія на 800 тысячь сестерцій, (*) что видно изъ словъ Светонія, которыя вскорѣ будутъ приведены. Что, думаю, хотя не было наблюдаемо въ тѣ времена, когда возлагали чины и давали властительства воздѣлывающимъ землю плугомъ, и когда въ Римѣ было больше добродѣтели, нежели богатства, однако довольно ясно, кажется,

 пока-

(*) 800 тысячь сестерцій учинятъ нашими деньгами двадцать тысячь рублей: поелику Римской сестерцій состоялъ изъ нашихъ двухъ копѣекъ съ половиною.

показываетЪ Светоній вЪ жизни Августа, что сіе было наблюдаемо вЪ послѣднія времена республики, когда имѣнія приватныхЪ людей умножились вмѣстѣ сЪ Римскою державою. Оный писатель говоритЪ такЪ: *Умножилъ число имѣнія, которое должны имѣть Сенаторы, и вмѣсто 800 тысячь сестерцій положилъ миліонъ и двѣ тысячи (*) сестерцій; а неимѣющимъ того далъ.* И такЪ имѣніе Сенаторовъ было вдвое больше имѣнія всадниковЪ: поелику никто не могЪ быть всадникомЪ, кто не имѣлЪ имѣнія на (**) 400 тысячь сестерцій, о чемЪ говоритЪ Горацій: *Когда къ четыремъ стамъ тысячамъ не достанетъ шести, или семи тысячь, то поди въ состояніе простаго народа.* И ЦицеронЪ вЪ письмѣ кЪ Долибеллу: *У него имѣнія едва столько, сколько имѣютъ всадники*; гдѣ вмѣ-

(*) МиліонЪ и двѣ тысячи сестерцій составляютЪ нашими деньгами 30 тысячь рублей.

(**) 400 тысячь сестерцій будетЪ 10 тысячь рублей.

вмѣсто того, чтобы сказать: едва онъ можетъ быть въ сословіи всадниковъ, говоритъ такъ: едва у него имѣнія на 400 тысячь сестерцій; поелику такъ надобно разумѣть: едва онъ имѣетъ столько имѣнія, сколько надобно имѣть всаднику. Естьли кто изъ Сенаторовъ, или всадниковъ, не по несчастному какому либо случаю, но своимъ нерадѣніемъ, въ толь малое количество приведетъ свое имѣніе, что оно не будетъ доходить до узаконеннаго числа, то такой Сенаторъ, исключенъ будучи изъ онаго высочайшаго сословія, понижаемъ былъ въ сословіе всадниковъ, ежели еще притомъ произшелъ изъ фамиліи всаднической, или Патрикійской; а естьли не изъ всаднической, то въ состояніе простаго народа, которое было ниже Сенаторскаго и всадническаго. Подобнымъ образомъ всадникъ, потерявъ количество всадническаго имѣнія, лишаемъ былъ всаднической степени и понижаемъ въ состояніе простаго народа, то есть самое нижшее —. Симъ способомъ Римскіе граждане принуждаемы были стараться о добронравіи и о умноженіи имѣнія: о добронравіи, дабы могли быть

почтены достойными Сенаторскаго степени; о имѣнiи, дабы по причинѣ скудости не могли быть изключены изъ того сословiя, въ которое даетъ входъ достоинство.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Перпосѣдателѣ, или Князѣ Сената.

Здѣсь можетъ быть предложенъ вопросъ: кто былъ выше другихъ достоинствомъ въ Сенатѣ и изъ Сенаторовъ? Въ Сенатѣ былъ выше тотъ, кто былъ дѣйствительно въ вышшемъ всѣхъ чинѣ; а изъ Сенаторовъ тотъ, котораго имя въ росписи Сенаторовъ прежде всѣхъ упомянетъ Ценсоръ. До второй Пунической войны, которая была въ Италiи подъ предводительствомъ Аннибала, первенствующимъ называемъ былъ въ росписи Ценсоровъ тотъ, кто былъ старшимъ изъ бывшихъ находящихся въ живыхъ Ценсоровъ. Когда Ценсоръ М. Корнелiй Цетегъ говорилъ своему товарищу, дабы онъ поступалъ по сему, чтобъ не оставить и не нарушить ведшагося отъ предковъ обыкновенiя, и когда по сему усп-

усилигался, чтобЪ первенствующимЪ былЪ поставленЪ вЪ росписи Т. Манлій ТоркватЪ, то товарищЪ его П. Семпроній ТудитанЪ, который долженЪ былЪ читать роспись, отвѣтствовалЪ ему, что онЪ, которому Боги дали жребіемЪ власть читать оную роспись, поступитЪ по своему благоизволенію, и наречетЪ первенствующимЪ К. Максима Фабія, который тогда первымЪ изЪ всѣхЪ гражданЪ РимскихЪ и по разсужденію самаго Аннибала могЪ назваться. И такимЪ образомЪ избралЪ онЪ вЪ первенствующаго Сенату Фабія, который былЪ тогда КонсуломЪ. ИзЪ сего вышло обыкновеніе вЪ избираніи первенствующаго Сенату не наблюдать того, кто былЪ прежде всѣхЪ находящихся вЪ живыхЪ ЦенсоровЪ вЪ сей должности, но избирать изЪ вышшихЪ вЪ Ценсорствѣ того, кто болѣе всѣхЪ похваляемЪ былЪ за благоразуміе и славился своими дѣлами. И по сей причинѣ древніе Римляне когда имѣли случай упоминать о комЪ сЪ показаніемЪ его достоинства, а томЪ по избиранію Ценсора былЪ нѣкогда первенствующимЪ вЪ Сенатѣ, то упоминали о немЪ сЪ

 ознa-

означенїемъ не другихъ какихъ либо его чиновъ, но сего титла; поелику получить чины могли многїе, а первенствующимъ Сената никто не могъ быть избранъ, естьли кто какъ въ своихъ чинахъ, такъ и во всемъ, что составляетъ великаго гражданина, не поступалъ такимъ образомъ и во всю свою жизнь не оказалъ такихъ услугъ, чтобъ никто изъ всѣхъ гражданъ не только не могъ ему быть предпочтенъ, но ниже достойно съ нимъ сравниться. Цицеронъ въ рѣчи за Рабирїя не говоритъ: М. Емилїй, мужъ Консулярный (*), но М. Емилїй, первенствующїй Сената; поелику уважая свое защищенїе почтительностїю лицъ, почелъ за нужное упомянуть въ Емилїѣ о томъ, что было въ немъ самое почтеннѣйшее. Подобнымъ образомъ и во второй рѣчи противъ узаконенїя пашеннаго, и въ осьмой на Антонїя, когда говоритъ: *Предки наши послали въ тѣ мѣста П. Лентула, пер-*

(*) Мужи Консулярные (Viri Consulares) назывались у Римлянъ тѣ, кои были нѣкогда въ чинѣ Консульскомъ.

перпенствующаго Сената; *П. Лентулъ, перпенствующій Сената, премногихъ иногда пеликихъ мужей* и проч. Также у Діона въ кн. 46 Квинтъ Фузій Каленъ, говоря противъ Цицерона, дабы болѣе умножить къ нему ненависть: *Того самаго*, говоритъ, *Лентула, который былъ перпенствующимъ Сената, того Лентула пнука приказалъ ты умертпить пъ темницѣ.*

Сію отмѣну чести П. Сципіонъ Африканъ, побѣдившій на сраженіи Аннибала, трижды получилъ; а М. Емилій, который былъ великимъ первосвященникомъ (*), шесть кратъ, чего никто, кромѣ его, не получилъ. Избраніе же въ сіе достоинство надлежало не до обоихъ Ценсоровъ, но до одно-

(*) Великій первосвященникъ (Pontifex maximus) былъ въ Римѣ великія важности духовная особа. Онъ начальствовалъ надъ всѣми жрецами, и имѣлъ смотреніе за всѣмъ, что касалося до богослуженія; первенствовалъ при духовныхъ церемоніяхъ, зналъ дѣла, касающіяся до браковъ, усыновленій и проч.

го только, которому сіе доставалось жребіемъ. Почему есть примѣры, что самый Ценсоръ избираемъ былъ первенствующимъ Сената отъ своего товарища, читавшаго роспись Сената, такъ на примѣръ Л. Валерій Флаккъ отъ М. Порція Катона; М. Емилій Лепидъ отъ М. Фульвія Нобиліора (благороднаго). Сверхъ сего и П. Сципіонъ Африканъ, какъ мнѣ кажется, избранъ первенствующимъ Сената отъ товарища своего П. Емилія Пета; поелику хотя Ливій въ кн. 32, гдѣ упоминаетъ о Ценсурѣ ихъ обоихъ, ничего не говоритъ о избраніи первенствующаго Сената, однако по догадкамъ дохожу я до того, что Сципіонъ отъ своего товарища упомянутъ былъ первымъ въ росписи Сената. Догадываться же о семъ причину подаетъ самъ Ливій: ибо въ кн. 34 пишетъ такъ: *Поставленные въ Ценсоровъ Сест. Емилій Петъ и К. Корнелій Цетегъ, первенствующимъ Сената избрали П. Сципіона, бывшаго тогда Консуломъ, котораго и бывшіе предъ ними Ценсоры избрали.* Но бывшими предъ ними Ценсорами я нахо-

жу

жу самаго Африкана и П. Емилія Пета, отъ которыхъ до Ценсуры Секста Елія и К. Корнелія было времени равно четыре года, такъ что между ихъ Ценсурами другіе Ценсоры быть не могли: поелику сіи чиноначальники избираемы были всегда въ началѣ четвертаго года послѣ своихъ предшественниковъ, и о томъ я тѣмъ менѣе сомнѣваюся, что Ливій въ кн. уже 38 тоже самое подтверждаетъ, что сказалъ въ кн. 34; а говоритъ онъ тамъ, что П. Сципіонъ избранъ былъ въ третій разъ первенствующимъ Сената отъ Ценсоровъ Т. Квинція Фламинина и М. Клавдія Марцелла. Наблюденіе сихъ мѣстъ Ливія какъ дало мнѣ причину догадаться, что Сципіонъ почтенъ честію перваго мѣста въ Сенатѣ отъ своего товарища, такъ равно показываетъ, что испорчено оное Ливіево мѣсто кн. 39: поелику говоря: *Я нахожу, что отъ Ценсоровъ М. Порція и Л. Валерія избранъ въ первенствующаго Сената самъ Л. Валерій, и въ бывшія до сего два пятилѣтія былъ Африканъ*, несогласенъ кажется самъ съ собою, написавъ выше, что Сци-

піонъ былъ уже избранъ въ третій разъ первенствующимъ Сената. Почему или Ливій написалъ въ 3 пятилѣтія, что потомъ испорчено погрѣшностію издателя и вмѣсто 3 поставлено 2, или естьли самъ написалъ въ 2 пятилѣтіе, то погрѣшилъ отъ забвенія, что въ древнихъ писателяхъ есть не новое: поелику и Цицеронъ въ кн. 6 о гадательствахъ дважды въ семъ родѣ погрѣшилъ: вопервыхъ, что надлежало до Уликса, онъ то приписалъ Агамемнону; потомъ когда долженъ былъ сказать о Уликсѣ, вмѣсто того упоминаетъ о Аяксѣ. Можно снестися съ Гомеромъ въ Иліадѣ лит Р. и I, хотя впрочемъ, что касается до упоминанія объ Аяксѣ, я подозрѣваю, что не отъ забвенія, но отъ пристрастія онъ погрѣшилъ: ибо прочитавъ оный стихъ въ лит. I, *даетъ знакъ Аяксъ Фениксу, а божественный Уликсъ тотчасъ понялъ*, почелъ, что Аяксъ, а не Уликсъ, говорилъ слѣдующую послѣ сего стиха рѣчь Ахиллесу; а естьли бы онъ прочиталъ до того мѣста, гдѣ начинаетъ отвѣтствовать Ахиллесъ, то бы узналъ, что на свирѣп-

рѣпство Троянъ жалуется Уликсъ, а не Аяксъ: ибо въ ономъ мѣстѣ отвѣтствуетъ Ахиллесъ сими словами: *Рожденный Юпитеромъ, сынъ Лаертовъ, премудрый Уликсъ* Также и въ кн. 2 о славѣ конечно погрѣшилъ отъ забвенія. О семъ сдѣлалъ примѣчаніе Геллій въ кн. 15. гл. 6.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О причинахъ изключенія изъ Сенаторскаго сословія.

Пять находимъ причинъ, по которымъ изключаемы были Сенаторы изъ Сената, и о которыхъ всѣхъ предложимъ послѣ. Но по какой бы впрочемъ причинѣ ни были изключены, почитаемо однако было изключеніе за безчестіе и поношеніе, хотя, *своденные Сенаторы*, говоритъ Фестъ Помпей, *не были въ прежнія времена въ безчестіи: поелику какъ Цари избирали и опредѣляли сами тѣхъ, которыхъ употребляли на совѣщаніе о дѣлахъ государственныхъ, такъ по изгнаніи Царей самые Консулы, и съ Консульскою*

пла-

властію Трибуны военные избирали въ Сенатъ самыхъ ближайшихъ и доброжелательнѣйшихъ себѣ изъ Патрикіянъ, а потомъ и изъ простаго народа, какъ наконецъ Трибуны своею властію остановили сіе злоупотребленіе, узаконивъ, дабы Ценсоры избирали въ Сенатъ изъ всякаго сословія честныхъ граждáнъ въ собраніяхъ по Куріямъ. А по сей причинѣ почитаемы были за обезчещенныхъ тѣ, которые были или обойдены, или изключены изъ Сената. М. Катонъ Ценсоръ, который послѣ названъ *Ценсоріемъ* за великую строгость, оказанную имъ въ семъ достоинствѣ, изключилъ изъ Сената Л. Фламинія, мужа Консулярнаго, за то, что будучи Консуломъ въ Галліи, и бывъ убѣжденъ прозьбою, предложенною ему въ бесѣдѣ блудницею, приказалъ отсѣчь голову топоромъ одному колоднику, находившемуся въ уголовномъ дѣлѣ; а Кн. Лентулъ и Л. Геллій также Ценсоры, К. Антонія, который послѣ былъ Консуломъ въ одинъ годъ съ Цицерономъ, вымарали изъ списка Сенаторовъ, написавъ причиною то, что разграблялъ со-

союзниковЪ; что не давалЪ суда вЪ своемЪ обществѣ сЪ чужестранными, и что по причинѣ великихЪ своихЪ долговЪ продалЪ свои вотчины. А изЪ сихЪ, не упоминая о другихЪ (поелику находятся безчисленные), примѣровЪ явствуетЪ, что тѣ, кои изключены были изЪ Сената, почиталися безчестными: поелику худая ихЪ жизнь подала причину кЪ ихЪ изключенiю. Ибо когда СенаторЪ сдѣлаетЪ что нибудь худо, или противЪ законовЪ, то непремѣнно бываетЪ пропущенЪ ЦензоромЪ, когда онЪ читаетЪ роспись СенаторамЪ, и пропущенный такимЪ образомЪ навсегда изключенЪ былЪ изЪ сословiя Сенаторскаго, и лишившись сего степени, никогда не могЪ его возвратить, развѣ или другой ЦензорЪ тогда же его одобритЪ, когда первой обойдетЪ; почему Ливiй говоритЪ вЪ кн 39: *Трое СенатоповЪ изключены изЪ Сената, нѣкоторыхЪ же, пропущенныхЪ вЪ росписи, удержалЪ вЪ ономЪ достоинствѣ ЛепидЪ, другой ЦенсорЪ*; или другими послѣ Цензорами возстановленЪ и включенЪ опять вЪ СенатЪ будетЪ, или мнѣнiями давшихЪ прежде клятву судей оправдается

ся

ся въ тѣхъ винахъ, которыя Ценсорами были приведены въ причину изключенія; или голосами Римскаго народа уничтожитъ мнѣнія о себѣ Ценсоровъ, или наконецъ опять будетъ стараться получить тѣ чины, въ которыхъ былъ, пока, начавъ съ нижшихъ, дойдетъ до Курульныхъ, по праву которыхъ и въ Сенатѣ свое мнѣніе могъ давать, и отъ слѣдующихъ по семъ Ценсоровъ долженъ будетъ избранъ быть въ Сенаторы. Однако поступали въ семъ случаѣ такъ, что тѣ, которые не были еще въ чинахъ Курульныхъ, должны были опять быть въ тѣхъ чинахъ, въ которыхъ уже были; а которые были въ Курульныхъ, тѣ не всѣ, въ какихъ были, опять проходили чины, но довольно было для нихъ получить паки одинъ токмо чинъ Курульный, дабы чего лишилися чрезъ наказаніе, наложенное на нихъ Ценсоромъ, то могли возвратить по праву чиноначальства. И то и другое доказывается примѣромъ Саллюстія, писателя исторій, и Лентула, который былъ сообщникомъ съ Катилиною въ заговорѣ противъ отечества. Саллюстій по сложеніи съ себя Квесторскаго

скаго чина, бывЪ изключенЪ изЪ Сената Апп. КлавдіемЪ и Л. ПизономЪ Ценсорами, опять просилЪ и получилЪ Квесторское достоинство; а послѢ взошелЪ вЪ СенатЪ не по праву подлинно самаго Квесторства (поелику одни только бывшіе вЪ КурульныхЪ чинахЪ имѢли, сказалЪ я, сіе право), но поелику во время междоусобной войны, бывЪ сЪ стороны Цезаревой, удобно могЪ у него, когда сей побѢдилЪ Помпея, изЪ милости выпросить то, чего не позволяли законы. По сей причинѢ сказано вЪ оной рѢчи, которую на него кто писалЪ, не знаю (поелику самой слогЪ, и какЪ называютЪ Греки характерЪ, довольно доказываетЪ, что ее подлинно писалЪ не ЦицеронЪ); сказано же вЪ ней такЪ: *Ты, К. Саллюстій, не уже ли за равное почитаешь быть дважды Квесторомъ и дважды Сенаторомъ, и быть дважды Консулярнымъ и дважды Тріумфаторомъ?* А ЛентулЪ, бывшій уже вЪ КонсульствѢ, когда за сластолюбіе, какЪ говоритЪ ПлутархЪ, былЪ изключенЪ изЪ Сената, то опять себѢ просилЪ Преторства, которое былЪ чинЪ Курульный; а получив-

лучивши оное, паки взошелЪ вЪ СенатЪ по праву своего чина, что видно и у Діона вЪ кн. 37. По сей причинѢ Г. ФилистЪ у Діона возражаетЪ и Цицерону, что онЪ, будучи КонсуломЪ, Лентула, прежде бывшаго КонсуломЪ же, а дѢйствительнаго Претора, не сказавЪ причины, умертвилЪ. И Веллей, говоря вЪ кн. 10, что ЛентулЪ, мужЪ Консулярный и паки ПреторЪ, умерщвленЪ вЪ темницѢ, разумѢетЪ второе его Преторство, полученное имЪ послѢ Консульства, котораго онЪ домогся для того, дабы потерянное осужденіемЪ отЪ ЦенсоровЪ Сенаторское достоинство возвратить своимЪ чиномЪ. Была еще сверьхЪ Ценсорскаго замѢчанія иная причина кЪ изключенію изЪ Сената. Естьли кто вЪ судѢ будетЪ обвиненЪ вЪ безчестнѢйшихЪ дѢлахЪ, какЪ-то вЪ воровствѢ, похищеніи общенародной казны, во взяткахЪ, вЪ обидѢ союзника, тотЪ тотчасЪ по обвиненіи лишался не только Сенаторскаго степени, но и всѢхЪ честей; и тѢмЪ тягчае было сіе наказаніе, что налагаемо было не на время, но навсегда. ТѢ, которые Ценсорами были изключены изЪ Сената,

та, утѣшалися, находяся въ сей печали, надеждою возвратить со временемъ свое право. Сверхъ того Цензоры могли лишить только Сенаторскаго степени, а власти просить чиновъ не могли; обвиненные же безчестно въ судѣ не только изъ Сената, но и отъ всѣхъ честей были изключены. Сіе Цицеронъ въ рѣчи за Клуенція объясняетъ слѣдующими словами: *К. Гета, Цензорами Л. Метелломъ и Кн. Домиціемъ быть изключенъ изъ Сената, послѣ самъ сдѣлался Цензоромъ; и такъ тотъ, котораго нравы были опорочены Цензорами, послѣ имѣлъ главное смотреніе за нравами Римскаго народа и тѣхъ самихъ, которые его наказали прежде. Почему ежели бы оное осужденіе (отъ Цензоровъ) почиталося такимъ, чтобъ понесшіе его, такъ какъ другіе обвиненные безчестно въ судѣ, навсегда лишилися всѣхъ честей и достоинства, то Сенаторы, которые запятнаны бываютъ Цензорами, ни получить паки чиновъ ниже опять взойти въ Сенатъ не могли бы.* Здѣсь говоритъ Цицеронъ *всѣхъ честей*

стей и достоинства, вмѣстѣ *всѣхъ чиноначальствъ и Сенаторскаго степени*; а сіе самъ онъ объясняетъ, говоря ниже: *ни получить паки чиновъ, ни опять взойти въ Сенатъ не могли бы.* Сіе какъ ученымъ людямъ не непріятно, думаю, знать: поелику подробное знаніе Римскихъ дѣлъ увеселяетъ; такъ и ту еще приноситъ пользу, что начитывающимъ мѣста темныя, которыхъ, какъ извѣстно, много въ сочиненіяхъ древнихъ писателей, подаетъ свѣтъ и служитъ къ тому, что всѣ удобно могутъ понимать то, до чего многіе съ великою трудностію едва доходятъ, на примѣръ: въ жизни Тиверія говоритъ Светоній: *Дерзновеннѣйшіе изъ юношей своего состоянія, дабы отъ представленія на театрѣ и сраженія на амфитеатрѣ* (*) *не быть удержаннымъ опре-*

(*) Амфитеатры были общенародныя зданія, вида овально круглаго, вокругъ которыхъ были подѣланы мѣста зрителямъ, и на которыхъ представляемы были сраженія гладіаторскія, кои я тотчасъ

опредѣленіемъ Сенатскимъ, самопроизвольно подвергались безчестному суду. Сіи слова довольно объясняются приведенными выше, то есть: Светоній означаетъ здѣсь, что многіе, которымъ, поелику были Сенаторы, было запрещено представлять на театрѣ, или что нибудь на амфитеатрѣ, хотѣли лучше лишиться Сенаторскаго достоинства, нежели не представлять на театрѣ и не сражаться на амфитеатрѣ, изъ которыхъ первое дѣйствіе надлежало до комедіантовъ, а второе до гладіаторовъ

 (мече-

часъ опишу очень кратко, и сраженія со звѣрьми. Амфитеатры были преисполнены подземными погребами, изъ которыхъ въ однихъ содержали тѣхъ звѣрей, которыхъ пускали сражаться съ людьми; а въ другихъ заключалась вода, которую послѣ гладіаторскихъ сраженій потаенными трубами выпускали на амфитеатрѣ, и на коей тогда производилось морское сраженіе, то есть игры, такъ названныя по тому, что представляли помянутое сраженіе; по окончаніи онаго воду тѣми же трубами опять спускали въ тѣ же погреба.

(*) (мечеубійцевъ), и первое было прилично рабамъ, а второе безчестно и недостойно свободнаго гражданина, но поз-

---

(*) Гладіаторами назывались люди такого искусства, которое состояло въ томъ, чтобъ биться мечами и убивать взаимно другъ друга. Сіи потѣхи (лучше сказать безчеловѣчія) употребляемы были Римлянами сперва только при погребеніи знаменитыхъ гражданъ, а потомъ стали быть зрѣлищемъ самымъ пріятнѣйшимъ и почти всегда употребительнымъ. Гладіаторы были сперва только невольники и злодѣи, достойные смерти, которыхъ принуждали къ тому, чтобъ, сражаяся между собою мечами, какъ сдѣлали удовольствіе зрителямъ, такъ и спасали бы свой животъ. Потомъ и вольные люди продавали себя тѣмъ, которые обучали ихъ сему искусству, давъ напередъ присягу, что они станутъ биться до смерти; а естьли же такъ, то повинны ему животомъ. Посему - то гладіаторы не только не отрекалися отъ смерти, на сраженіи могущей случиться, но еще умирая не оказывали ни малаго знака печали; въ противномъ случаѣ раздражили бы крайнѣ народъ, который то почиталъ за обиду себѣ.

позволенное болѣе отпущеникамъ, нежели природнымъ гражданамъ: поелику, какъ оставилъ о семъ Валерій свидѣтельство въ кн. 2, ежели гражданинъ будетъ представлять на театрѣ, изключая представленія Ателлянскія, (*) то былъ понижаемъ изъ одной Трибы въ другую нижшую. И такъ (дабы возвратиться къ Светонію) чтобъ быть лишенными Сенаторскаго степени, научили дерзновеннѣйшіе изъ юношей нѣкоторыхъ гражданъ, которые бы на нихъ донесли въ какомъ нибудь безчестномъ поступкѣ; а будучи позваны ими въ судъ, самопроизвольно навлекали на себя наказаніе, дабы, освободившись какъ бы отъ узъ Сенаторства, могли дѣйствовать на театрѣ и сражаться на амфитеатрѣ. А сіе, что сказали мы о наказаніи Сена-

 то-

(*) Комедіи Ателлянскія былъ родъ театральныхъ представленій, принятый Римлянами отъ Осковъ, народа Кампанійскаго, имѣвшаго столичный городъ Ателлу, котораго именемъ названы тѣ представленія, кои состояли въ однихъ шуткахъ и насмѣшкахъ, и кои играть было позволено молодымъ Римлянамъ.

торовЪ, надлежало также и до всадниковЪ, что показываютЪ, кажется, оныя два Светоніевы слова: *обоего сословія*, подЪ которыми разумѣется, что СенаторЪ лишаемЪ былЪ Сенаторскаго степени и всадникЪ всаднической, ежели будетЪ обвиненЪ безчестно вЪ судѣ. МожетЪ быть, что и справедливѣе, разумѣетЪ здѣсь Светоній не СенаторовЪ и всадниковЪ, но только СенаторовЪ, и *обоего сословія* сказалЪ вмѣсто *сословія Патрикійскаго и простонароднаго*: поелику вЪ СенатЪ избираемы были и Патрикіяне и равно простолюдины. А на семЪ мнѣніи (другіе какЪ хотятЪ думаютЪ) я болѣе останавливаюся. УзаконеніемЪ СервиліевымЪ, кажется, еще постановлено было, дабы, естьли будетЪ доносить на Сенатора кто нибудь изЪ Латинскаго народа и его обвинитЪ, доносителя жаловать правомЪ Римскаго гражданства, а обвиненнаго лишить Сенаторскаго степени. Сіе я вывожу изЪ словЪ Цицерона, находящихся вЪ его рѣчи за Бальба; они суть слѣдующія: *Чрезъ узаконеніе Сервиліево главные, важнѣйшіе и благоразумнѣй-*

умнѣйшіе граждане Латинскому народу открыли по повелѣнію народа оный путь къ гражданству Римскому. Не опорочено сіе въ нихъ и *узаконеніемъ Лициніевымъ и Муціевымъ,* хотя сей родъ объясненія и имя и такое награжденіе, которое получаемо было *причиненіемъ несчастія Сенатору,* ни *Сенаторамъ, ни честному всякому гражданину не могло быть очень пріятно.* Не сомнѣваюсь, чтобъ Цицеронъ, говоря, *причиненіемъ Сенатору несчастія,* не разумѣлъ лишеніе Сенаторскаго степени. Но въ какихъ преступленіяхъ позволено узаконеніемъ Сервиліевымъ народу Латинскому обвинять Сенаторовъ, сіе можетъ казаться темнымъ: поелику объ нихъ именно Цицеронъ не говоритъ. Однако, что до меня, не сомнѣваюся, чтобъ тѣ слова не должно было разумѣть о всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ Сенаторъ, будучи обвиненъ, лишался Сенаторскаго степени, такъ что оставленное обвиненнымъ праздное мѣсто по праву узаконенія, какъ бы въ награду за свое тщаніе, получалъ доноситель; а преступленія,

въ которыхъ будучи обвиненъ Сенаторъ, изключаемъ былъ изъ достопочтеннѣйшаго сословія, были какъ тѣ, о которыхъ я упомянулъ уже, то есть воровство, похищеніе общенародной казны, взятки, обида, учиненная союзнику, такъ болѣе еще тѣ, въ которыхъ обвиненному запрещаемо было употребленіе воды (*) и огня. Въ сихъ преступленіяхъ судіею былъ народъ. И такъ кому запрещаемо было употребленіе огня и воды, тому, какъ извѣстно, запрещаемо было употребленіе Сенаторскаго достоинства и всѣхъ вообще честей; впрочемъ именно въ самомъ узаконеніи обвиненія упомянулося, чтобъ, кому народъ запретилъ употребленіе огня и воды, того имя Ценсоръ не читалъ въ своемъ мѣстѣ въ росписи Сенаторовъ.

(*) Подъ запрещеніемъ огня и воды надобно разумѣть опредѣленіе въ изгнаніе: поелику Римляне никогда не опредѣляли точно никого въ изгнаніе, но токмо, когда то надобно было, запрещали изгнаннику употребленіе огня и воды въ Римѣ, или въ Италіи, на нѣкоторое разстояніе отъ Рима.

ровъ. По сей причинѣ, поелику Клодій не упомянулъ о томъ въ своемъ узаконеніи, которымъ изгналъ Цицерона изъ Рима и не запретилъ ему именно употребленіе огня и воды, и въ изгнаніи своемъ Цицеронъ былъ Сенаторомъ. *Для чего бы я*, говоритъ онъ, *не былъ Сенаторомъ, когда ты ниже запретилъ мнѣ именно употребленіе огня и воды, ниже предостерегся, дабы Ценсоръ не упомянулъ моего имени въ своемъ мѣстѣ въ росписи Сенаторовъ? И одинъ изъ сихъ пунктовъ можетъ лишить Сенатора его достоинства, однако въ семъ случаѣ оба они соединяются; напротивъ сего въ твоемъ узаконеніи нѣтъ ни того, ни другаго.* Но все сказанное мною о лишеніи степени Сенаторскаго, по запрещеніи употребленія огня и воды, вывожу я токмо почти изъ словъ Цицерона на Клодія. И такъ теперь мы упомянули о четырехъ причинахъ, по которымъ Сенаторы изключаемы были изъ Сената; пятою было то, когда народъ лишалъ кого нибудь чина: поелику лишенные сего были изключаемы изъ Сената, а сіе установ-

 влено

влено узаконеніемЪ Кассіевымъ. О семЪ ПедіанЪ изъясняется вЪ слѣдующихЪ словахЪ: *Л. Кассій, Л. Ф. Лонгинъ, Трибуны народные, въ Консульство К. Марія и Л. Кассія издали узаконеніе, дабы, кого обвинитъ народъ и кого лишитъ чина, тотъ никогда не былъ въ Сенатѣ; а сіе онъ узаконилъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ своего врага, Л. Цецилія Метелла, которой за два года передъ тѣмъ былъ Консуломъ, изключитъ изъ Сената по той причинѣ, что народъ по причинѣ худыхъ его успѣховъ на войнѣ противъ Цимбровъ лишилъ его чина.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О мѣстѣ собранія Сената.

Много поистиннѣ, кажется мнѣ, предвидѣли древніе Римляне, узаконивЪ, дабы собираться Сенату не вЪ гражданскія и свѣтскія мѣста, но вЪ священныя зданія: поелику благоразумнѣйшій оный народЪ безЪ сомнѣнія то вЪ семЪ случаѣ имѣлЪ намѣреніе, дабы Сенаторы, боясь и почитая присутствіе

ствіе при томъ самыхъ Боговъ, совѣщалися о дѣлахъ республики съ такою же непорочностію и благоговѣніемъ, съ какимъ обыкновенно священнослужители отправляли богослуженіе. Собирался Сенатъ въ такихъ мѣстахъ, которыя прежде были для сего освящены *птицегадательствомъ* (Augurio), то есть или въ Куріяхъ, или въ храмахъ Боговъ, или въ городѣ, или внѣ города. Ромулъ, сдѣлавъ Сенатъ, первый установилъ собираться оному за городомъ въ храмѣ Вулкановѣ. Царь Гостилій на совѣщаніе о дѣлахъ Сенаторамъ опредѣлилъ Курію Гостиліеву. По изгнаніи Царей то въ Юпитеровѣ, то въ Аполлоновомъ, Марсовомъ, Беллониномъ, Касторовомъ, Согласія (Concordiae), Вѣрности (Fidei), и въ другихъ сверьхъ того храмахъ, то въ Куріяхъ Гостиліевой, Помпеевой, Юліевой, какъ видно изъ исторіи, Сенатъ собирался. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, равное наблюдаемо было благоговѣніе: поелику не меньше священными почитаемы были Куріи, какъ и храмы Боговъ. А посему и Ливій Гостиліеву Курію называетъ храмомъ, и древніе тѣ мѣста,

гдѣ

гдѣ собирался Сенатъ, въ Куріяхъ ли то, или въ храмахъ, безъ различія называли Куріями. Здѣсь надобно тщательно вникнуть, для чего Цицеронъ въ рѣчи за Секста говоритъ, что Сенатъ былъ собранъ въ храмѣ Добродѣтели, а потомъ въ той же рѣчи, и еще въ рѣчи за долгъ свой говоритъ, что въ храмѣ Юпитеровомъ, говоря ясно въ обоихъ мѣстахъ о Сенатѣ, собравшемся въ одинъ день: ибо, по моему мнѣнію, не можно разумѣть подъ его словами какой либо придѣлъ Добродѣтели, бывшій въ храмѣ самаго Юпитера, а притомъ не въ придѣлѣ нѣкоемъ былъ собранъ въ тотъ день Сенатъ, но въ храмѣ Добродѣтели, построенномъ Маріемъ. По сей причинѣ оный храмъ и въ помянутой рѣчи за Секста и въ кн. 1 о гадательствѣ называется монументомъ Маріевымъ. Сверьхъ сего Фестъ, что въ храмѣ Юпитеровомъ не было придѣла Добродѣтели, но былъ отдѣленный отъ того храмъ, собственно самой Добродѣтели посвященный, говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: *Ниже другихъ храмовъ сдѣлалъ Марій храмъ Чести и Добродѣтели, дабы Авгуры,*

ры, естьли тѣ храмы будутъ препятствовать птицегаданіямъ, не предпріяли ихъ разрушить. Впрочемъ Сенатъ собирался по большой части въ городѣ, а за городомъ въ храмѣ Беллониномъ по двумъ токмо причинамъ: или, о чемъ говоритъ Фестъ и что извѣстно изъ исторіи, чтобъ могли быть въ Сенатѣ чужестранные послы, которыхъ вводить въ Сенатъ въ городѣ не было обыкновенія, особливо, какъ показываетъ Ливій въ кн. 2, ежели будутъ присланы отъ непріятелей; или, что самое видно изъ исторіи, дабы могли присутствовать въ Сенатѣ имѣвшіе воинскую верховную власть. А верховную оную власть имѣли тѣ, которымъ Сенатъ и народъ Римской препоручали войско, которымъ, прежде нежели сложитъ съ себя оную власть, вступать въ городъ запрещено было законами. Въ древнія времена три только было храма, въ которыхъ собирался Сенатъ, какъ написалъ Никостратъ въ книгѣ о Сенатѣ: одинъ, который послѣ сдѣланъ храмомъ Согласія, между Капитоліемъ (*) и

(*) Капитолій былъ огромнѣйшій замокъ Рима, и вмѣстѣ храмъ Юпитеровъ, построенный

и площадью, другой у ворот Капенинских, третій в храмѣ Беллонином. Правда, Никостратова онаго сочиненія нѣт, но я говорю здѣсь то, о чем предал нам Фест, взяв из Никострата.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О времени собранія Сената.

Были извѣстные дни, в которые можно было собираться Сенату, и также извѣстные, в которые не можно: которые назывались *днями собраній народных* (Comitiales), как бы опредѣленные на народныя собранія: поелику в оные дозволялось в произведеніи дѣл сообщаться с народом. Но сіе впрочем, по моему мнѣнію, не очень во время Царей, когда общество не имѣло еще нужды в толь многих учрежденіях, но во время республики, примѣчательно, при-

строенный великим иждивеніем и великими трудами на горѣ Тарпейской, называвшейся прежде Сатурновою, а послѣ Капитолинскою.

прилѣжно наблюдаемо было, изключая тѣ только случаи, когда бывали дѣла столь важны, что безъ замедленія потребно было объ нихъ предложить въ Сенатѣ: поелику тогда не наблюдаемы были уже дни собраній народныхъ. Но сіе, какъ видно изъ опредѣленія Сенатскаго, которое находится въ письмѣ М. Целія кн. 8 дружественныхъ писемъ, было только однажды, а именно, когда недоброхотствующіе Цезарю требовали въ самой скорости разсмотрѣть дѣло о опредѣленіи начальствующихъ въ провинціи на мѣста находившихся тамо, дабы чрезъ то самаго Цезаря вызвать изъ провинціи Галлической. Въ первое число Января, въ который день вступали въ должность Консулы, по отправленіи порядочно жертвоприношеній, созвавши Сенатъ, предлагали въ немъ сперва о дѣлахъ священныхъ, потомъ о дѣлахъ республики; однако предлагали не оба, но одинъ, то есть тотъ, который сперва выбранъ въ Консулы. Однако не только въ первый день года, но во всякой разъ, когда собираемъ былъ Сенатъ, было наблюдаемо, дабы тотъ, кто имѣлъ начальствовать въ Сенатѣ,

пре-

прежде вступленія въ оный отправилъ чинъ богослуженія, принесши большія жертвы на площади, повѣстивъ чрезъ народнаго крикуна и трубача. Въ слѣдующіе послѣ перваго числа Января шесть дней, изключая два дни народныхъ собраній, можно было собираться Сенату, что видно изъ Цезаря первой книги о междоусобной войнѣ. А какія были тѣ два дни народныхъ собраній, о которыхъ именно Цезарь не упоминаетъ, не всякой удобно можетъ узнать. Однако я, увеселяяся столько упражненіемъ въ повѣствованіи Римскихъ дѣлъ, что ничего и самаго послѣдняго изъ того не ставлю за мало, съ охотою сіе покажу. Цезарь показываетъ, что седьмаго дня Января былъ въ собраніи Сенатъ, говоря слѣдующее: (*) *Сіи опредѣленія Сенатскія состоялися седьмаго Января.* И потомъ говоритъ далѣе: *И такъ въ первые пять дней, въ которые могъ быть въ собраніи Сенатъ, изключая два народныхъ собраній, весьма сильно и строго было разсуждаемо и опредѣлено въ Сенатѣ какъ о начал-*

(*) Гл. 5.

чальстпѣ Цезаря, такъ и о Трибунахъ народныхъ, мужахъ почтеннѣйшихъ. Сими словами означаетъ Цезарь, что отъ перваго числа Января по седьмое было пять дней, въ которые могъ собираться Сенатъ, включая въ оные пять дней и первое и седьмое Января. И такъ два дни собранія Сената уже знаемъ, то есть первое и седьмое число; теперь разсмотримъ, какіе должны быть остальные три. Одинъ изъ сихъ трехъ можетъ, по моему мнѣнію, быть день Нонъ (*) (5), какъ по тому, что

Ма-

(*) Римляне въ мѣсяцахъ дни считали совсѣмъ иначе, нежели мы. Вопервыхъ, они считали не съ перваго, но со втораго числа, и оканчивали не на послѣднемъ числѣ того мѣсяца, въ которомъ считали дни, но на первомъ слѣдующаго мѣсяца. Второе, считали дни не такъ, какъ мы, продолжая непрерывно по порядку теченіе числъ, но въ каждомъ мѣсяцѣ трижды начинали считать дни, и трижды оканчивали численіе: поелику у нихъ во всякомъ мѣсяцѣ дни были раздѣлены на три части, изъ которыхъ каждую считали особенно, не совокупляя се съ другими. Изъ сихъ трехъ частей

Макровій оный день включаетъ въ число дней неприсудственныхъ, то есть праздничныхъ: такъ и по тому, что въ тотъ день былъ нѣкогда въ собраніи Сенатъ, что видно изъ оныхъ Цицероновыхъ за Флакка словъ: *О Ноны*

стей, на которыя были раздѣлены дни мѣсяцовъ, первая называлась Нонами, вторая Идами, третія Календами. Въ Нонахъ заключались 6, а иногда 4 первые дни мѣсяца, то есть въ Мартѣ, Маѣ, Іюлѣ и въ Октябрѣ, а въ прочихъ осьми по 4; Иды въ каждомъ мѣсяцѣ заключали въ себѣ 8 слѣдующихъ послѣ Ноновъ дней; а всѣ слѣдующіе послѣ Идовъ дни мѣсяца даже до 2 слѣдующаго мѣсяца назывались Календами, съ тѣмъ притомъ различіемъ, что назывались именемъ слѣдующаго, а не того, въ которомъ дѣйствительно считаемы, мѣсяца. Наконецъ какъ въ Нонахъ, такъ равно въ Идахъ и Календахъ Римляне считали дни снизу вверьхъ, такъ что, на примѣръ, самое нижнее число Ноновъ, которое по нашему счисленію бываетъ или 7, или 5 число мѣсяца, было у нихъ не послѣднее, но первое число Ноновъ; подобно и въ другихъ частяхъ дней мѣсяца.

ны (5 число) оные Декабрскіе, которые были во время моего Консульства! Остальные два дни (о которыхЪ говоритЪ Цезарь), вЪ которые СенатЪ могЪ быть вЪ собраніи, думаю были второе и шестое Января; второе: поелику вЪ сей день не могли быть собранія народныя, что показываетЪ Макровій вЪ первой кн. о празднествахЪ Сатурнальных (*); шестое: поелику что и вЪ сей также не можно было быть собраніямЪ:

 по-

(*) Празднества Сатурнальныя (Saturnalia) были установлены вЪ честь Сатурну, и вЪ воспоминаніе бывшаго по баснословію во время его царствованія золотаго вѣка. Во время сихЪ празднествЪ Римляне скидали сЪ себя тогу и выходили всенародно вЪ застольномЪ одѣяніи; посылали другЪ кЪ другу подарки; зерновыя игры, запрещенныя вЪ другое время, тогда были позволены; СенатЪ пребывалЪ вЪ праздности, судныя дѣла не производились и училищи были заперты. Рабы (поелику сей праздникЪ установленЪ вЪ память первобытной и естественной всѣхЪ людей равности) были во время сего праздника не подЪ властію господЪ, которые для увеселенія дѣлали ихЪ на то время господами, а сами были рабами.

поелику послѣ слѣдуетъ Нонъ (5); а дни слѣдующіе послѣ Календъ, Нонъ и Идовъ были дни священные (*) (Religiosi), какъ говоритъ о семъ Веррій, Флаккъ, Ливій и Фестъ. Но дни, названные отъ Ливія священными, Веррій, Фестъ и Макровій называютъ печальными (Atros); печальными же Макровій толкуетъ тѣ, которые ни днями сраженій, ни свободными, ни днями собраній народныхъ не были. И такъ явствуетъ, какіе были тѣ пять дней, въ которые по Цезарю можно было въ собраніи быть Сенату: ибо, какъ мы показали, были сіи дни слѣдующіе: первое, второе, пятое, шестое и седьмое Января. Присемъ же явствуетъ, какіе были и тѣ два дни народныхъ собраній, о которыхъ упоминаетъ Цезарь: поелику необходимо слѣдуетъ быть третіему и четвертому Января. И посему Цицеронъ въ рѣчи, на Пизона говоря: *Спустя*

(*) Священные (Religiosi) дни назывались, въ которые по причинѣ случившихся худыхъ предзнаменованій ни богослуженія не отправляли, ниже что либо новое начинали.

стя три дни, П. Клодій опроперг *законь Еліевь и Фузіевь*, разумѣетъ четвертое Января. Ибо, говоря, что въ третій день послѣ перваго Января Клодій издалъ тотъ законъ, которымъ опровергъ законъ Еліевъ и Фузіевъ, непремѣнно разумѣлъ или о четвертомъ, который день былъ послѣднимъ изъ трехъ (слѣдовавшихъ послѣ перваго), или о пятомъ, который день былъ по совершеніи и прошествіи оныхъ трехъ дней. Но о пятомъ не можно ему было разумѣть: поелику мы выше сказали, что первое (Calendae), пятое, или седьмое (Nonae), или третіенадесять, или пятоенадесять (Idus), каждаго мѣсяца были дни такіе, въ которые правильно могъ собиратся Сенатъ. И такъ остается, что Цицеронъ разумѣлъ о четвертомъ Января. А хотя довольно явствуетъ, что третіе Января былъ день народныхъ собраній: поелику, когда я показалъ, какіе изъ седьми первыхъ дней Января были пять тѣ, въ которые могъ собиратъся Сенатъ, то остается, что оставшіеся отъ тѣхъ пяти дней два, то есть третіе и четвертое Января, были

дни народныхъ собраній. Однако я приведу на то еще примѣръ изъ письма Цицеронова къ Метеллу кн. 5 дружес. пис. въ которомъ слѣдующія находятся слова: *Третіяго Января, вступивъ въ дѣла съ народомъ, въ третіемъ словѣ своей рѣчи упоминалъ обо мнѣ.* Цицеронъ здѣсь говоритъ о Метеллѣ Непотѣ, народномъ Трибунѣ, который очень сильно говорилъ противъ Цицерона. Послѣ седьмаго числа мало было дней собранія Сената въ мѣсяцѣ Январѣ: поелику до 15 только числа могъ собираться Сенатъ, а послѣ сего быть собранію Сената запрещалъ законъ Пупіевъ, что видно изъ двухъ Цицероновыхъ писемъ: одного къ П. Лентулу, другаго къ Кв. брату (Цицеронову), къ которому пишетъ слѣдующія слова: *Во время дней народныхъ собраній, которые слѣдовали по праздникѣ Квиринальномъ* (*), *Аппій говорилъ. что*

(*) Праздникъ Квиринальный (Quirinalia) былъ установленъ въ честь Ромула, котораго называли Квириномъ, подобно какъ Римлянъ вмѣсто обыкновеннаго ихъ имени Квиритами отъ имени столична-

что законъ Пупіепъ не препятствуетъ быть собранію Сената. А ежели по праздникѣ Квиринальномъ слѣдуютъ дни народныхъ собраній, то кажется сей праздникъ былъ 15 Января: поелику въ письмѣ къ Лентулу означается, что какъ 15 Января было собраніе Сената, такъ послѣ сего не будетъ по силѣ узаконенія Пупіева: поелику дни народныхъ собраній были такіе, въ которые Сенатъ не могъ быть въ собраніи по силѣ узаконенія Пупіева, какъ пишетъ Цицеронъ къ Лентулу; а сіе же самое, говоря о дѣлѣ Лентуловомъ, изъясняетъ въ письмѣ къ своему брату слѣдующими словами: *Поносители дѣло Лентулово избавили отъ напѣтовъ; потомъ слѣдовали дни народныхъ собраній.* А о сихъ самыхъ дняхъ собраній народныхъ, которыя установлены узаконеніемъ Пупіевымъ въ Январѣ, означаетъ и въ рѣчи за Секста, говоря: *Слѣдовало мало дней въ Январѣ, въ кото-*

наго города Сабинянъ, которыхъ Ромулъ побѣдивъ соединилъ въ одинъ народъ съ Римлянами.

которые можно было собираться Сенату, однако ничего болѣе тогда не произподили, какъ только обо мнѣ. Здѣсь Цицеронъ говоритъ, что послѣ перваго Января мало было дней собранія Сената, потому что послѣ 15 слѣдующіе дни всѣ суть дни народныхъ собраній. И такъ отъ осьмаго по 15 Января могъ собираться Сенатъ. Но всѣ ли сіи дни были днями народныхъ собраній, такъ что никакихъ между ими не было дней собраній Сената, сказать подлинно трудно; но что я о семъ знаю изъ замѣчаній, то и другимъ могу показать, и вопервыхъ скажу, что 4е Идовъ (10 Января) не было днемъ народныхъ собраній: поелику, когда безчестнѣйшее оное Канское (*) разбитіе сдѣлалось 4е Нонъ (2е

(*) Канское разбитіе Римлянъ, случившееся во время второй Пунической войны, на которой съ Карѳагенской стороны предводителемъ былъ великій Аннибалъ, въ лѣто Рима 536, во время Консульства К. Терентія Варрона и Л. Емилія Павла II, при мѣстечкѣ Каннахъ было изъ самыхъ наибольшихъ разбитій Римлянамъ. Погибло

(2е Августа), то всѣ дни, о чемъ мы сказали выше, бывшіе четвертыми предъ Календами, Нонами и Идами, почитаемы были за печальные. Сверьхъ сего еще скажу, что 13, 14 и 15 Января не были дни народныхъ собраній: поелику въ оные три дни, какъ выше видѣли изъ Цицерона, собирался Сенатъ, что удобно можно узнать, естьли снести мѣста двухъ къ Лентулу писемъ, и притомъ о семъ разсудить. Сіе-то я собралъ о мѣсяцѣ Январѣ; но не сомнѣваюся въ томъ,

 что

ло на сей битвѣ у Римлянъ, сверьхъ Консула Павла Емилія, 2 Квестора, 21 Трибунъ военный, многія притомъ изъ знаменитыхъ особъ, бывшихъ Консулами, или Преторами, Сервилій, Консулъ прошедшаго года, Минуцій, начальствующій надъ конницею при славномъ Диктаторѣ Фабіѣ, 80 Сенаторовъ, служившихъ добровольно по ревности къ отечеству, и толь великое множество всадниковъ, что Аннибалъ послѣ сей битвы послалъ въ Карѳагенъ три четверика перстней, кои отмѣняли тѣхъ отъ простаго народа. Всеобщая гибель была по малой мѣрѣ въ 50 тысячахъ человѣкъ, а по мнѣнію Полибіеву больше, нежели въ 70 тысячь.

что тоже самое о дняхъ собранія Сената и собраній народныхъ наблюдаемо было и въ прочихъ мѣсяцахъ, а имянно, что всѣ Календы (первыя всѣхъ мѣсяцовъ числа) Ноны (8, или 7 число), Иды (13, или 15 число), слѣдующій послѣ Календъ (2), слѣдующій послѣ Нонъ (6, или 8), также послѣ Идъ (14 и 16) дни, во всѣхъ мѣсяцахъ 4е Календъ (или 29, или 28, въ Февралѣ простаго года 26), 4е Нонъ (2, или 4), 4е Идъ (12, или 16), были дни не народныхъ собраній, но собранія Сената. Подобнымъ образомъ какъ въ Январѣ 3е Нонъ (3) былъ день собранія Сената; 2е Нонъ (4) былъ день собраній народныхъ; 8е Идъ (6) собраній народныхъ; 7е Идъ (7) собранія Сената: такъ и въ прочихъ мѣсяцахъ. Однако та была различность отъ другихъ мѣсяцовъ въ Январѣ, что въ немъ по силѣ отъ запрещенія узаконенія Пупіева меньше было дней для собранія Сената, нежели въ прочихъ мѣсяцахъ: поелику 18 дней, то есть всѣ остальные отъ 15, не употребляемы были на то по силѣ узаконенія. Но какъ въ Январѣ было

было меньше дней собранія Сената, такъ напротивъ въ Февралѣ меньше, нежели въ другихъ мѣсяцахъ, было дней народныхъ собраній. Поелику, какъ говоритъ Педіанъ въ примѣчаніяхъ на 38 рѣчь на Верреса, въ семъ мѣсяцѣ *часто было дѣлано собраніе Сената для слушанія прошеній отъ провинцій и посольствъ.* О чемъ самъ Цицеронъ такъ пишетъ въ письмѣ къ Лентулу: *Собранія Сената по силѣ узаконенія Пупіева въ продолженіе дней отъ Идъ Январскихъ (13 Января) по Календы Февральскія (1 Февраля) быть не могутъ, но чрезъ весь мѣсяцъ Февраль продолжаются, развѣ прежде отправлены, или отложены будутъ дѣла посольствъ.* Я здѣсь узаконеніе Пупіево не о Январѣ и Февралѣ вмѣстѣ, но объ одномъ только Январѣ разумѣю: поелику о Февралѣ было узаконеніе не Пупіево, но Габиніево, что можно доказать словами самаго Цицерона, который такъ говоритъ во 2 кн. пис. къ Квинту брату своему: *Я смѣялся, слушая, какъ говорилъ Аппій, что узаконеніе Пупіево не препятствуетъ быть собраніямъ Сената,*

та,

та, но еще необходимо, по силѣ узаконенія Габиніепа, оньмъ бытъ ежедневно для отправленія дѣлъ посольскихъ отъ перваго Февраля по первое Марта. Теперь, поелику разсматривали мы, какія въ мѣсяцѣ дни были дни собранія Сената и какіе народныхъ собраній, слѣдуетъ еще разсмотрѣть, въ какомъ часу оныхъ дней собиралися и выходили изъ присудствія Сенаторы. Но сіе довольно ясно: понеже, что ниже до восхожденія солнца не сходилися, ниже по захожденіи не были въ присудствіи, весьма вѣроятно, потому что опредѣленія Сенатскія, состоявшіяся или до восхожденія, или по захожденіи солнца, были недѣйствительны, какъ и въ Гелліи, который въ томъ мѣстѣ приводитъ слова Варроновы, читаемъ, и изъ самаго видимъ Цицерона, который въ третьей рѣчи Филип. въ пречность Консулу Антонію говоритъ объ опредѣленіи Сенатскомъ, состоявшемся ввечеру. Извѣстно, что въ лѣто Рима 290 состоялося опредѣленіе Сенатское ночью, однако сей примѣръ не обыкновенной, но случившійся по нуждѣ: поелику принуждали обсто-

обстоятельства, и не можно было отлагать дѣло до завтрашняго утра, когда пришла въ Римъ вѣдомость, что Консулъ Сп. Фурій съ войскомъ своимъ въ осадѣ отъ Екововъ и Волсковъ. Сіе же самое обыкновеніе наблюдается и нынѣ (авторъ разумѣетъ свои времена) въ великомъ совѣтѣ нашей республики, когда производятся градоначальники. Поелику въ полдень почти собираются всѣ Патрикіяне въ пространную и высокую оную палату, которая называется притворомъ (Atrium) великаго совѣта, и не бываютъ болѣе тамъ, какъ скоро первая тьма появится, (коль изрядное обыкновеніе) дабы ночь, которая скрываетъ погрѣшности, не была способомъ къ учиненію несправедливости кому либо въ подаваніи своего голоса, а наипаче въ такомъ многолюдномъ совѣщаніи: поелику Патрикіяне о каждыхъ чиноначальникахъ даютъ свои голоса въ числѣ 1200, а иногда и больше. Но въ совѣщаніи вопрошателей (*) (Rogato-

(*) Вопрошатели (Rogatores) были тѣ, которые, созвавъ въ собраніе народъ, вопрошали оный о мнѣніи, прежде нежели посылали къ подаванію голосовъ.

gatorum) и десятоначальниковъ (*) совсѣмъ иное было: поелику часто случалося, что сіи совѣщанія по причинѣ важности дѣлъ продолжаемы были и чрезъ долгое время ночи безъ всякаго опасенія лжи и обмана въ подаваніи голосовъ не только потому, что въ нихъ было меньшее число Сенаторовъ, нежели въ большемъ совѣщаніи, а въ меньшемъ числѣ бываетъ больше порядка и благоразсужденія, но еще и потому, что самые Сенаторы, совѣщавшіеся въ сихъ двухъ собраніяхъ о дѣлахъ республики, были предъ всѣми почти прочими отмѣнны въ добрыхъ поведеніяхъ, умѣренны по лѣтамъ, правосудны въ благоснисхожденіи и набожны въ богопочитаніи.

(*) Десятоначальники (Decemviri) въ Римѣ были различные: 1) на мѣсто Консуловъ съ Консульскою властію сдѣланные въ лѣто Рима 302, но вскорѣ уничтоженные; 2) тѣ, которые хранили Сивиллины книги, и съ ними въ случаяхъ по указу Сенатскому справливалися; 3) сдѣланные послѣ для предсѣдательствованія въ судахъ тяжебныхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О власти созывать Сенатъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что право созывать Сенатъ надлежало къ тому градоначальнику, который верховную въ городѣ имѣетъ власть. И посему читаемъ въ исторіяхъ, что Сенатъ созываемъ былъ въ собраніе въ нѣкоторыя времена Диктаторомъ, но по большой части Консуломъ, а иногда и Преторомъ. Диктаторомъ: поелику Диктаторство имѣло верховное надъ всѣми право, безпрепятственную власть, да и дѣлаемо было въ опаснѣйшія времена республики; Консуломъ: поелику не было ни вышшаго, ни равнаго Консульству градоначальства; Преторомъ только тогда, когда не было въ Римѣ Консуловъ, поелику въ отсутствіе Консуловъ должность ихъ отправлялъ тотъ, кто достоинствомъ былъ всѣхъ ближе къ Консуламъ, а такимъ былъ Преторъ. Но въ ономъ случаѣ то было различіе, что Консулы созывали Сенатъ для совѣщанія о дѣлахъ, какія только имъ покажутся достойными сего; а напротивъ Преторъ созывалъ токмо къ совѣщанію о дѣлѣ какомъ нибудь новомъ: поелику за благо-

при-

пристойнѣйшее почитаемо было не разсматривать паки въ отсутствіе Консуловъ начатыя при нихъ дѣла, но отлагать оныя до ихъ возвращенія. Созывать же Сенатъ для совѣщанія о дѣлахъ, вновь случившихся, которыя не терпѣли медленія и скорыхъ требовали совѣтовъ, дозволяемо было тому градоначальнику, который въ отсутствіе Консуловъ имѣлъ власть собирать Сенатъ; а сей градоначальникъ былъ городскій Преторъ. Впрочемъ извѣстно изъ Геллія, что и иные градоначальники, что случалось по причинѣ различныхъ обстоятельствъ, созывали Сенатъ. Оный писатель говоритъ слѣдующее: *Варронъ въ книгахъ о запросахъ чрезъ письма въ письмѣ къ Оппіану пишетъ, какіе были градоначальники, которые по обыкновенію предковъ имѣли созывать Сенатъ; и такими называетъ именно Диктатора, Консуловъ, Преторовъ, Трибуновъ народныхъ, Междуцаря, Городничаго (Praefectum urbi), да и говоритъ, что кромѣ сихъ никто другой не имѣлъ права дѣлать опредѣленіе Сенатское. А когда случалося, что всѣ показанные*

ные градоначальники въ одно время были въ Римѣ, то кто изъ нихъ былъ выше другихъ по тому, какимъ порядкомъ мы ихъ изчислили, тотъ имѣлъ право созывать Сенатъ для совѣщанія. Сверхъ сего говоритъ еще, что случайно и военные Трибуны (*), которые были Проконсулами, правившими вмѣсто Консуловъ, и Децемвиры, которые имѣли Консульскую власть, и также Тріумвиры (*), по-

(*) *Трибуны военные* были нѣсколько времени въ Римской республикѣ градоначальники, имѣвшіе Консульскую власть. Сдѣланы они по многихъ спорахъ Патриціянъ съ народомъ о Консульствѣ, котораго тогда домогался народъ съ тѣмъ, чтобы имъ Трибунамъ имѣть Консульскую власть, а выбирать ихъ изъ Патриціянъ и изъ простаго народа.

(*) *Тріумвиры, вправители республики* (Triumviri reipublicae constituendae), были при концѣ республики Римской такіе градоначальники, которые сами себя сдѣлали верховными и сами дали себѣ сіе названіе, подъ которымъ, владѣя, такъ сказать, самовластно Римомъ, не завися ни

поправители республики, имѣли право созывать Сенатъ для совѣщанія. Послѣ сего писалъ (Варронъ) о прекаканіяхъ (Intercessionibus), и говорилъ, что право прекать, дабы не состоялося Сенатское опредѣленіе, имѣли тѣ одни, которые имѣли равную, или вышшую власть предъ тѣми, кои хотѣли сдѣлать опредѣленіе. Потомъ говоритъ о мѣстахъ, въ которыхъ правильно можно было дѣлать опредѣленіе Сената, и утверждаетъ, что опредѣленіе не было правильно, естьли не будетъ сдѣ-

ни отъ Сената, ни отъ народа, производили междоусобную войну, имѣя всякой изъ нихъ намѣреніе, истребивъ своихъ товарищей Тріумвировъ, сдѣлаться одному самовластителемъ. Такихъ Тріумвирства было два: первое составляли Цезарь, Помпей и Крассъ, въ которомъ первой послѣ, какъ погибли двое другихъ, былъ властителемъ Рима подъ именемъ Диктатора. Второе Антоній, Лепидъ и Октавіанъ, который остался также по истребленіи двухъ первыхъ самовластителемъ, а послѣ сдѣлался и Императоромъ подъ именемъ Августа.

сдѣлано въ такихъ мѣстахъ, которыя для того назначены будутъ чрезъ гадательства, которыя по сему назывались храмами. Почему въ Куріяхъ, Гостилієвой, Помпеевой и послѣ Юлієвой, поелику были мѣста неосвященныя, сдѣланы посредствомъ гадательствъ храмы, дабы состоявшіяся въ нихъ опредѣленія Сенатскія по обыкновенію предковъ могли быть правильны. Между прочимъ еще намъ предалъ (Варронъ), что не всѣ священныя зданія были храмами, такъ что и зданіе Вестино не было храмомъ. По семъ говоритъ далѣе, что опредѣленіе Сенатское, состоявшееся до восхожденія и по захожденіи солнца, не было правильно, да и тѣ, которые въ оное время сдѣлаютъ опредѣленіе, почитаемы были достойными запятнанія отъ Ценсоровъ. Потомъ въономъ же мѣстѣ показываетъ много другаго, а именно: въ какіе дни не можно было правильно собираться Сенату, что тотъ, кто долженъ былъ созвать въ собраніе Сенатъ, долженъ же былъ напередъ принести жертву

тпу и отправить гадательства; что прежде надобно было предлагать въ Сенатѣ о дѣлахъ божественныхъ, нежели о человѣческихъ, а потомъ должно было предлагать, или не означая ничего именно о республикѣ, или именно о какихъ либо дѣлахъ порознь, и что опредѣленіе Сенатское было двояким образомъ: или когда всѣ были согласны на нѣкоторыя предложенныя отъ немногихъ мнѣнія, то раздѣленіемъ Сенаторовъ и отшествіемъ ихъ къ тѣмъ, съ которыми были согласны; или естьли дѣло было сомнительно, то вопрошеніемъ отъ каждаго Сенатора мнѣнія, а каждый говорилъ мнѣнія Консулу по порядку, который начинаемъ былъ съ Консулярныхъ, съ которыхъ хотя прежде обыкновенно начинали спрашивать мнѣнія того, кто былъ избранъ первосѣдателемъ въ Сенатѣ, но описывая сіе, предлагаетъ, что послѣ изъ человѣколюбія и благосклонности къ нѣкоторымъ (изъ начальствующихъ въ Сенатѣ) введено новое обыкновеніе, что тотъ,

тотъ, кто предсѣдательствовалъ, спрашивалъ перваго того, кого хотѣлъ, только бы тотъ былъ изъ степени Консулярныхъ. Послѣ сего разсуждаетъ (Варронъ) объ обыкновеніи брать у Сенаторовъ заклады (*) (Pignora) и о денежномъ штрафѣ, налагаемомъ Сенату за то, когда онъ, долженъ будучи присудствовать въ Сенатѣ, однако не будетъ. Почему Цицеронъ въ 1 Филип. Кто и когда, говоритъ, толи-

(*) Когда вышшіе градоначальники хотѣли Сенаторовъ принудить къ тому, дабы собралися въ Сенатъ, или къ исправленію наложенной на нихъ какой либо должности, то брали у нихъ въ закладъ (Pignus) нѣкоторыя вещи, безъ которыхъ они дома обойтися почти не могли, и не отдавали ихъ доколѣ, доколѣ не исполнятъ повелѣнія, или наложенной должности. О семъ обыкновеніи сверьхъ Цицерона объ Орат. 3. 4. Ливій въ кн. 3. гл. 38. свидѣтельствуетъ сими словами: Когда Сенаторы, призыванные поимянно въ Сенатъ отъ Децемвировъ, не пришли, то тотчасъ разосланы по ихъ домамъ Сенатскіе приставы, дабы взяли у нихъ заклады.

ликимъ предомъ принуждалъ къ должности Сенатора? или что можно сдѣлать больще, какъ пзять закладъ, или наложить пеню? Но Атей Капитонъ пишетъ, что Туберонъ топорилъ, яко бы не можно никакому состояться прапильно опредѣленію Сенатскому безъ разшестпія Сенаторопъ на стороны разныхъ мнѣній: потому что по псѣхъ оныхъ опредѣленіяхъ, не изключая и тѣхъ, которыя дѣлаются по предложеніямъ, нужно разшестпіе (Discessio) Сенаторопъ, что и самъ Капитонъ утпержадаетъ быть спрапедлипымъ. Но сіе впрочемъ кажется противно мнѣнію Варронову. Все сіе говоритъ Геллій, о послѣднихъ котораго словахъ, противно ли Варрону думаетъ Туберонъ, увидимъ ниже, когда будемъ говорить объ опредѣленіи Сенатскомъ; а теперь поступимъ далѣе по предпринятому порядку. Изъ двухъ Консуловъ тотъ имѣлъ власть созывать Сенатъ, передъ которымъ въ тотъ мѣсяцъ носили пуки; а сему обыкновенію слѣдовали и Децемвиры. Но когда читаемъ въ исторіи, что иногда оба Консула созывали Сенатъ, то сіе значитъ не общую въ одно

время

время обоихъ Консуловъ въ томъ власть, но согласныя обоихъ между собою сердца: поелику извѣстно изъ Діонисія, Ливія, Светонія, Геллія, что Консулы имѣли власть помѣсячно. Сперва народные крикуны кричали поимянно Сенаторовъ съ вышшаго жилья того зданія, гдѣ было собранія Сената; а сіе обыкновеніе со времен учрежденія отъ Ромула наблюдаемо было нѣсколько времени: поелику извѣстно, что и Децемвиры созывали Сенаторовъ въ засѣданіе посредствомъ выкличкн ихъ отъ публичныхъ крикуновъ; но послѣ, когда умножился городъ и прибавлено городскихъ стѣнъ, то созываемы мы Сенаторы указомъ, а сіе и пребыло непремѣннымъ. Кто же, будучи призыванъ указомъ, ослушается, къ тому посылаемы были Сенатскіе приставы для взятія у него закладовъ, какъ предали о семъ въ своихъ сочиненіяхъ не только Геллій, приводившій мѣста Варроновы, но и Цицеронъ, Ливій и Діонъ. Впрочемъ явствуетъ изъ одного кн. 4 къ Аттику (Цицеронова) письма, что указомъ созываемы обыкновенно были только тѣ Сенаторы,

которые находились внутрь городскихЪ стѣнЪ; а которые были вЪ то время внѣ города, тѣ не были призываемы. И симЪ указомЪ не только СенаторовЪ созывалЪ вЪ собранie КонсулЪ, но и тѣхЪ, которые имѣли право предлагать свое мнѣнie вЪ Сенатѣ: поелику Сенаторами дѣйствителько и были и назывались тѣ только, кои ЦенсоромЪ были избраны вЪ СенатЪ. Собиралися же вЪ СенатЪ иные пѣшкомЪ, иные вЪ корешахЪ, то есть пѣшкомЪ приходили тѣ, которые не были еще вЪ КурульныхЪ чинахЪ, кои посему и назывались Сенаторами *пѣшими* (Pedarii); а которые были вЪ КурульныхЪ чинахЪ, тѣ, какЪ предалЪ Бассiй вЪ своихЪ замѣчанiяхЪ, для большей чести обыкновенно прiѣжжали вЪ коретѣ, вЪ которой стояли слоновыя кресла, на коихЪ они сидѣли, и кои по сей причинѣ называются Курульными креслами. Но и изЪ сихЪ самыхЪ, какЪ я выше сказалЪ, было много такихЪ, которые не были еще Сенаторами, но по праву оныхЪ чиновЪ имѣли право говорить свое мнѣнie вЪ Сенатѣ.

ГЛАВА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О праве предлагать о делахъ въ Сенатѣ.

Сперва въ Сенатѣ предлагаемо было о дѣлахъ божественныхъ, потомъ о человѣческихъ, а предлагалъ тотъ, кто созывалъ въ собраніе Сенатъ: или Консулъ, или другой какой либо градоначальникъ. Созывалъ же Сенатъ во время перваго вступленія въ должность мѣсяца, то есть во время Января, изъ двухъ Консуловъ тотъ, который прежде сдѣланъ Консуломъ: поелику передъ нимъ во время перваго мѣсяца носили пуки. Почему *Ливій* въ кн. 9, *Валерій*, говоритъ, *Корпинъ*, *будучи междуцаремъ* (*), *нарекъ Консулами*

(*) Междуцаремъ назывался въ Римской республикѣ такая особа, которая или въ небытность Консуловъ, или по причинѣ неправильнаго избранія, или болѣзни оныхъ, избираема была въ председательствованіе собраніямъ народнымъ, дѣлаемымъ для избранія градоначальниковъ; избираемая же только на 5 дней, послѣ которыхъ, ежели дѣла не были еще рѣшены, избирали другаго междуцаря на столько же времени, и такъ далѣе, пока будутъ сдѣланы новые Консулы.

К. Публія Филона и Л. Папирія Курсора II, которые, поелику въ тотъ же, въ которой наречены, день вступили въ должность, и отправивши обыкновенные обряды богослуженія, предложили въ Сенатѣ о мирѣ, заключенномъ Римлянами съ Самнитянами при проходѣ Кавдійскомъ. Публій, который имѣлъ вуки, скажи, говоритъ, Спурій Постумій, и проч. И такъ во время перваго мѣсяца и Сенатъ созывалъ и предлагалъ о дѣлахъ и спрашивалъ мнѣнія тотъ изъ Консуловъ, передъ которымъ носимы были тогда вуки; но естьли тотъ, кто созывалъ Сенатъ, не хотѣлъ о какомъ либо дѣлѣ предложить, то, что часто случалося, предлагали о томъ Трибуны народные, и предложивши спрашивали мнѣнія. По сей причинѣ говоритъ Цицеронъ въ рѣчи Секста: *Первосѣдатель П. Лентулъ, нареченной въ Консула, своею властію и своимъ мнѣніемъ при сопротивленіи отъ Консуловъ Пизона и Габанія привелъ въ движеніе дѣло, и когда посемъ Трибуновъ народныхъ обо мнѣ предложили, пре-*

изя-

изящное для меня сказалъ мнѣніе. И еще въ письмѣ къ Планку: *Сенатъ,* говоритъ, *просилъ Корнута, дабы въ скорости предложилъ о твоемъ письмѣ* (Корнутъ былъ Преторъ, который въ отсутствіе Консуловъ созвалъ въ собраніе Сенатъ), *а онъ говоритъ, что намѣренъ о семъ еще размыслить; и когда весь Сенатъ великую сдѣлалъ ему укоризну, то пять народныхъ Трибуновъ предложили.* Видно сіе еще и изъ 1 письма кн. 2 къ Квинту брату (Цицеронову) и изъ 2 кн. 1 къ Лентулу, изъ котораго сверьхъ того еще видно, что ежели когда объ одномъ дѣлѣ предлагали и Консулъ и Трибунъ народной, то въ такомъ случаѣ обыкновенно Консулъ прежде Трибуна повелѣвалъ быть разшествію (Diſceſſionem) Сенаторовъ, то есть дать мнѣнія на предложенное дѣло посредствомъ разшествія Сенаторовъ на стороны разныхъ мнѣній: поелику хотя въ такомъ случаѣ предлагаемо было и объ одномъ дѣлѣ, но не одно. Довольно бы было, чтобъ и одинъ предложилъ о дѣлѣ, естьли бы въ предложеніи объ ономъ отъ двухъ начальниковъ

(то

(то есть Консула и Трибуна народнаго) не было никакого различія; но предлагали они обыкновенно почти объ одномъ дѣлѣ не однимъ образомъ. На примѣръ изъ онаго, о которомъ я упомянулъ, письма явствуетъ, что Луппъ, Трибунъ народной, предложилъ въ Сенатѣ, чтобъ Помпей Птоломея Царя препроводилъ въ его царство; а Консулы предложили, что надобно ли его препроводить, и естьли надобно, то кому препроводить. Сверьхъ сего въ 7 Филип. читаемъ, что въ одинъ день о различныхъ дѣлахъ различные градоначальники предлагали; въ оной рѣчи слѣдующее написано. *Объ Аппіевой дорогѣ и о монетѣ предложилъ Консулъ, а о люперкахъ Трибунъ народной.* Должно замѣтить еще, что когда читаемъ въ сочиненіяхъ древнихъ, что предлагали дѣла оба Консула, или многіе Трибуны народные, или Преторы, то надобно знать, что въ самомъ дѣлѣ предлагали не всѣ тѣ, сколько бываетъ означено, но предлагалъ дѣйствительно одинъ, а прочіе только были согласны съ предложеннымъ отъ своего товарища. И посему Цицеронъ въ 3 Филип.

лип. говоритЪ, что Трибуны народные предложили вЪ СенатѢ о томЪ, чтобЪ имѢть при себѢ для безопасности стражей вооруженныхЪ КонсуламЪ и Сенату, а вЪ 4, говоря о томЪ же предложенномЪ дѢлѢ: *Сего дня*, говоритЪ, *по предложеніи отъ сего Марка Серпилія и его топарищей попсылали мы надеждою позпращенія польности.* И такЪ, говоря предЪ народомЪ, упоминаетЪ обЪ одномЪ только СервиліѢ, который былЪ главнымЪ вЪ предложеніи; а вЪ 3 Филип. которую говорилЪ вЪ СенатѢ, дважды говоритЪ вообще, что предложили Трибуны народные. ПодобнымЪ образомЪ вЪ рѢчи за домЪ свой то говоритЪ, что оба Консула, то, что одинЪ МетеллЪ созвалЪ СенатЪ: поелику оба дѢйствительно были согласны, чтобЪ созвать СенатЪ; но прямо сіе надлежало до Метелла, *который, какъ думаю, по премя того мѣсяца имѣлъ пуки.*

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О порядкѣ, какимъ собираемы были мнѣнія.

Ливій говоритъ, что обыкновеніе вопрошать и собирать мнѣнія было древнее, и наблюдаемое самыми Царями, которое потомъ перешло въ республику. По предложеніи о какомъ либо дѣлѣ Консулъ, или другой градоначальникъ, который собралъ Сенатъ, сдѣлавъ увѣщаніе, дабы всякой говорилъ то, что заблаго разсудитъ быть полезно для республики, спрашивалъ по порядку мнѣнія; спрашивалъ же, какъ нѣсколько выше показано, не у всѣхъ, которые были въ Сенатѣ, но у тѣхъ только, которые были Сенаторами. Но по моему примѣчанію порядокъ собранія мнѣній не всегда одинъ былъ наблюдаемъ: иногда спрашиваемо было прежде всѣхъ мнѣніе у избраннаго Ценсоромъ первосѣдателя Сената, которое впрочемъ обыкновеніе пресѣклось во времена Варроновы, какъ показываетъ сіе Геллій изъ самаго Варрона; иногда у нареченныхъ Консуловъ, естьли собраніе Сената было вскорѣ послѣ собранія народнаго (то есть въ которомъ избираемы были градоначальники);

ки); а естьли прежде, то Консулы по своему пристрастію, или по причинѣ родства, кто имъ покажется, у того перваго, не наблюдая порядка, дабы сдѣлать ему честь, спрашивали мнѣнія. При чемъ однако то было наблюдаемо, дабы никто не спрашивалъ прежде всѣхъ мнѣнія у такого Сенатора, который былъ не изъ числа Консулярныхъ. Въ лѣто Рима 260, говоритъ Діонисій, въ вопрошеніи мнѣнія смотрѣли болѣе на достоинство, и первой вопрошенъ былъ Т. Ларцій Флавій, который, поелику былъ первымъ Дикташоромъ, превосходилъ, казалося, всѣхъ честію. Тотъ же свидѣтельствуетъ Діонисій, что въ слѣдующее потомъ лѣто вопрошаемы были по порядку старшіе Консулярные. А изъ сего видно, что въ сей годъ, не такъ какъ въ предъидущій, у Т. Ларція Флавія спрашивали мнѣнія не у перваго: поелику были въ Сенатѣ иные мужи Консулярные, которые прежде его были Консулами, какъ-то М. Валерій Волезъ, П. Постумій Тубертъ, Мененій Агриппа Лана, Сп. Кассій Весцеллинъ, которые, изключая Кассія, еще въ томъ, то есть въ которой

было

было собраніе Сената, день были отправлены ходатаями къ примиренію народныхъ сердецъ. А въ предъидущемъ году прежде всѣхъ вопрошенъ былъ Флавій потому, думаю, что и первымъ, какъ сказано, былъ въ Римѣ Диктаторомъ, и что, поелику получена была вѣдомость, что сосѣдніе народы готовилися къ войнѣ, важность дѣла требовала, чтобы тотъ первый сказалъ свое мнѣніе, который въ воинскихъ опытахъ былъ превосходнѣе прочихъ, за что наиболѣе Ларцій и Диктаторомъ былъ сдѣланъ. А въ слѣдующемъ году, въ которомъ воспріиманы были мѣры не на произведеніе войны, но на развѣяніе внутренняго бунтованія, правильно старшіе изъ Консулярныхъ, смотря по лѣтамъ каждаго, порядкомъ были вопрошаемы. Сверьхъ сего предалъ намъ Светоній, *что чрезъ весь годъ въ собраніи наблюдаемъ былъ тотъ порядокъ, какимъ Консулъ перваго Января спрашивалъ Сенаторовъ.* Однако сіе обыкновеніе Цезарь все относилъ къ увеличенію къ себѣ любви, или лучше, своего могущества, во время своего Консульства нарушилъ: ибо спрашивалъ обыкновенно

прежде

прежде всѣхъ Красса, но послѣ брака съ Юліею, дочерію его Цезаря, началъ перваго спрашивать Помпея. Сіе говоритъ Светоній. А ежели сіе справедливо, то не знаю, какимъ образомъ могло быть, что первыхъ спрашивали нареченныхъ Консуловъ: поелику ежели чрезъ весь годъ Консулъ сохранилъ тотъ порядокъ въ собираніи мнѣній, какой уставилъ въ первое число Января, то надобно, чтобъ нареченные Консулы спрашиваемы были не первыми, но послѣ первыхъ, поелику первое мѣсто занято тогда было иными. И такъ ложно говоритъ Светоній? Опасаюсь, дабы не погрѣшить противъ писателя древняго, и не могу безъ довольнаго основанія назвать его несправедливымъ. Однако ежели кто будетъ доказывать, что оныя Светоніевы слова ложны, не знаю способа защитить онаго писателя, развѣ такъ, что оныя его слова, *чрезъ весь годъ*, разумѣть надобно не за весь годъ, но за все то время, въ которое Консулъ имѣлъ свободную власть спрашивать у Сенаторовъ мнѣнія, то есть до нареченія новыхъ Консуловъ, которыхъ нарекали почти въ Іюлѣ мѣсяцѣ,

сяцѣ, такъ что по нареченіи оныхъ перемѣняемъ былъ прежній порядокъ, и сперва спрашиваемы были нареченные Консулы. Но естьли въ защищеніи Светонія прибѣгнуть къ оной догадкѣ, какъ бы къ нѣкоторой крѣпости, то есть сказать, что нареченные Консулы не были спрашиваемы сперва въ древнія времена Рима, но послѣ Консульства Цезарева взошло въ обыкновеніе, чтобъ ихъ первыхъ спрашивать, и потому мнѣніе Светоніево не несправедливо: поелику онъ разумѣетъ тотъ порядокъ собиранія мнѣній, который наблюдаемъ былъ до Цезаря: то должно признаться, что сіе доказательство не твердо, поелику ослабляется и совсѣмъ опровергается силою примѣровъ. Ибо, по моему примѣчанію, и прежде Консульства Цезарева прежде всѣхъ спрашиваемы были нареченные Консулы, какъ на примѣръ Д. Юлій Силанъ, что видно изъ исторіи Саллюстія и Аппіана, который (Силанъ), какъ всякому извѣстно, прежде Цезаря былъ Консуломъ. И такъ остается еще сомнѣніе, да и останется, думаю, (а можетъ быть и обманываюсь; почему съ охотою бы принялъ, естьли бы кто

меня

меня въ семъ наставилъ и поправилъ) развѣ слѣдовать предложенному мною толкованію словъ Светоніевыхъ, то есть сіи слова, *чрезъ тесь годъ*, разумѣть за столько времени, доколѣ Консулы имѣли власть спрашивать по произволенію, а именно дотолѣ, пока въ собраніи (*) Консулярномъ не будутъ назначены новые Консулы, да и П. Лентулъ перваго числа Января, предложивъ въ Сенатѣ о возвращеніи изъ заточенія Цицерона, поелику на слѣдующій годъ не были еще наречены Консулы, спросилъ мнѣнія у перваго Л. Аврелія Котты, какъ видно изъ рѣчи за Секста. Но тотъ же Лентулъ въ Августѣ мѣсяцѣ, когда уже были наречены Консулы, сперва спросилъ мнѣнія о воспостроеніи Цицеронова дома у Корнелія Лентула Марцеллина, нареченнаго Консула, что видно изъ рѣчи объ отвѣтахъ птицегадателей. Впрочемъ хотя довольно ясно, что прежде всѣхъ спрашиваемы были мнѣнія у нареченныхъ

(*) Собраніе Консулярное называлося то собраніе народа, которое дѣлаемо было для избранія Консуловъ.

ныхЪ КонсуловЪ, однако я приведу на сіе свидѣтельство Цицероново, которое послужитЪ вмѣсто многихЪ примѣровЪ. ОнЪ такЪ говоритЪ вЪ 8 рѣчи на Антонія: *Какой порядокЪ обыкновенно наблюдается вЪ собраніи мнѣній, я поступлю по тому вЪ приписаніи чести храбрымЪ мужамЪ. И такЪ по обыкновенію предковЪ начнемЪ сЪ Брута, назначеннаго Консула.* А сіе обыкновеніе продолжалось даже до временЪ Императора Тиверія, какЪ видно изЪ исторіи Тацита, который вЪ кн. 3 такЪ говоритЪ: *Тиверій Друза, назначеннаго Консула, лишилЪ чести говорить прежде всѣхЪ свое мнѣніе.* Но оставимЪ говорить обЪ ИмператорахЪ, которые управляли обществомЪ, не наблюдая никакого извѣстнаго уложенія, или закона: поелику еще и до Тиверія АвгустЪ, какЪ я сказалЪ выше, нарушилЪ древній порядокЪ собиранія мнѣній. И посему намЪ должно обращаться только во временахЪ республики и разсматривать то, что было установлено вЪ вольномЪ Римѣ вольными гражданами. Что вЪ разсужденіи сего происходило

вЪ

вѣ послѣдующія времена, то лучше о томѣ, изключая малое нѣчто, не знать, нежели знать: поелику что безполезно для читателей, или еще и вредно, о томѣ ежели кто думаетѣ писать, тотѣ намѣревается и свободное время потерять напрасно и никакой не заслужить похвалы отѣ людей ученыхѣ. Почему какѣ пчелы не вездѣ, гдѣ только садятся, собираютѣ соки, но стараются найти цвѣточки прекрасные, и благовоніе нѣкоторое изѣ себя испущающіе: такѣ и мы собирать будемѣ не все, что попадется изѣ древности, но отмѣннѣйшія и особенно похвальныя вещи. Усомнился я нѣсколько, читая вѣ 10 Филип. что К. Фузій Каленѣ, который не былѣ еще Консуломѣ, прежде всѣхѣ былѣ вопрошенѣ. Усомнился по тому, что вѣ семѣ мѣстѣ примѣтилѣ мнѣніе Цицерона, противное свидѣтельству Гелліеву, который предалѣ, что никого прежде не спрашивали, естьли не былѣ изѣ числа Консулярныхѣ. Но послѣ изѣ двухѣ мѣстѣ того же Цицерона узналѣ, что Каленѣ былѣ тесть Пансы Консула; и посему вѣ вопрошеніи Калена о мнѣніи Консулу

 боль-

большею было причиною сродство, нежели достоинство. Первое изъ помянутыхъ мною мѣстъ находится въ 8 Филип. слѣдующее: *Весьма много (было говорено) съ Фузiемъ, но все безъ ненависти, и ничего не сказано безъ сожалѣнiя. Но думаю, что тотъ, кто умѣренно снесъ жалобу своего зятя, великодушно снесетъ жалобу своего друга.* Другое мѣсто то въ 10. Филип. гдѣ, *говори*, пишетъ Цицеронъ, *съ зятемъ своимъ, человѣкомъ разумнѣйшимъ.* Иначе бы никогда подлинно Консулъ не спросилъ мнѣнiя прежде всѣхъ у Калена, *обошедъ самаго Цицерона и другихъ мужей Консулярныхъ.*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О сказываемыхъ мнѣнiяхъ.

Когда Консулы, одинъ, или оба, предложатъ въ Сенатѣ о дѣлѣ, то Сенаторы, будучи о томъ вопрошены, говорили свои мнѣнiя. А когда скажутъ, то Консулъ ихъ произносилъ въ слухъ всѣмъ, дабы изъ раздѣленiя Сенаторовъ на разныя стороны

узнать

узнать волю въ томъ Сената. Но въ семъ случаѣ, подобно какъ и въ другихъ, Консулъ имѣлъ великую власть: поелику естьли ему захочется отвергнуть мнѣніе какого нибудь Сенатора, потому что оно покажется противнымъ пользѣ его пріятеля, или полезнымъ и приносящимъ честь его врагу, то, дабы на томъ мнѣніи не состоялось Сенатское опредѣленіе, не произносилъ онаго. И по сей причинѣ Л. Лентулъ Консулъ, который доброжелательствовалъ Помпею, а чести Цезаревой весьма сильно противился, совсѣмъ отказался произнести предъ всѣми мнѣніе Калидія, который, не будучи ни къ той, ни къ другой сторонѣ склоненъ, говорилъ безпристрастно. Сверьхъ сего Сенаторы имѣли право, прежде нежели скажутъ точное мнѣніе о предложенномъ дѣлѣ, что и сколько хотятъ говорить о другомъ какомъ либо. Сіе было причиною, что Сенаторы, не хотя, чтобы кончилось настоящее дѣло, весь день препровождали, говоря о другомъ. Такъ часто поступалъ въ хорошемъ дѣлѣ П. Клодій, врагъ Цицероновъ; а въ худомъ М. Катонъ тотъ, который послѣ названъ Утическимъ,

(*) оба желая сдѣлать препятствіе окончанію дѣла. А когда кто, говоря свое мнѣніе, говорилъ въономъ о двухъ, или больше, другихъ дѣлахъ, то, ежели оныя его предложенія не всѣ были одобряемы, требовали отъ него, дабы раздѣлилъ, то есть предлагалъ бы о каждомъ дѣлѣ особенно. *И притомъ требовалось*, говоритъ Педіанъ, *чтобъ тотъ, кто сего требовалъ, употребилъ долгую рѣчь, илибъ престалъ: поелику многіе сидя одно только сіе произносили слово: раздѣли.* Таковую хитрость употребилъ въ дѣлѣ Милоновомъ Т. Мануцій Планкъ, Трибунъ народный. Когда К. Гортенсій сказалъ въ своемъ мнѣніи, дабы дѣло о Милонѣ, который за убивство П. Клодія позванъ былъ въ судъ, разсмотрѣть особенно по прежнимъ уложеніямъ, Планкъ, который соглашался, чтобъ разсмотрѣть особенно, но не хотѣлъ, чтобъ по прежнимъ уложеніямъ, а имѣлъ въ мысляхъ,

(*) Утическимъ названъ по тому, что въ Утикѣ, почти столичномъ Африканскомъ городѣ, по раззореніи Карѳагена себя умертвилъ.

сляхъ, чтобъ сдѣлано было на сей случай новое уложеніе, дабы чрезъ то больше возбудить къ Милову ненависти, который сдѣлалъ такое преступленіе, за кое надобно наказать по новому уложенію, Планкъ, говорю, возбудилъ К. Фузія Сенатора, стоявшаго за сторону Клодіеву, чтобы онъ требовалъ отъ Гортенсія, дабы сей раздѣлилъ свое мнѣніе. Чѣмъ послѣ Планкъ величался, что онъ то выдумалъ въ рѣчи, которую приводитъ Педіанъ: поелику предузналъ (Планкъ) то, что послѣ вышло, то есть что по раздѣленіи мнѣнія оная о прежнихъ уложеніяхъ статья пропадетъ, ежели еще притомъ и онъ, будучи Трибуномъ народнымъ, сдѣлаетъ прекаціе и не допуститъ состояться на семъ опредѣленію Сенатскому. Ибо доколѣ говорилъ, что быть разсмотренію особенному, не противился его мнѣнію. И сіе-то Цицеронъ въ рѣчи за Милона означаетъ сими словами: *Прочее изполеніе Сената уничтожено подкупленнымъ прекателемъ.* А подъ симъ разумѣетъ, что Сенатъ хотѣлъ, дабы опредѣленіе Сенатское состоялося на мнѣніи Гортенсіевомъ;

но что по раздѣленіи мнѣнія сдѣлалось то, что ничего не перемѣнено изъ того, что касалося до особеннаго разсмотренія дѣла, но что оставалося о прежнихъ уложеніяхъ, что Цицеронъ называетъ *прочимъ изполненіемъ Сената*: поелику Сенатъ какъ въ статьѣ объ особенномъ изслѣдованіи, такъ и въ семъ, то есть о прежнихъ уложеніяхъ, былъ согласенъ съ Гортенсіемъ, то уничтожено сдѣланнымъ отъ подкупленнаго Планка пререканіемъ. Говорили же мнѣнія Сенаторы всякой по порядку, какъ сидѣли; а сидѣли первыми большіе градоначальники, то есть Консулы, Преторы, и ежели были въ Сенатѣ, Ценсоры (поелику Ценсура была въ Римѣ не всегдашнее начальство, но такое, которое дѣлаемо было въ четвертой каждой годъ для сочиненія переписей гражданъ), то, думаю, они сидѣли ниже Преторовъ, однако близко къ первымъ: ниже, поелику Мессала въ книгѣ о птицегадательствахъ, называя поимянно большихъ градоначальниковъ, въ первомъ мѣстѣ полагаетъ Консуловъ, потомъ Преторовъ, а въ третьемъ Ценсоровъ;

близко къ первымъ: поелику ежели Ценсура была въ числѣ градоначальствъ, то никто не усомнится, что Ценсоры сидѣли выше меньшихъ градоначальниковъ. Послѣ нихъ сидѣли сіи, то есть Эдили Курульные, Эдили народные, Квесторы, потомъ тѣ, которые прежде были въ чинахъ по порядку, а именно Консулярные, бывшіе Преторами, Эдилями, Квесторами, но въ каждомъ изъ сихъ порядковъ сидѣли всѣ по тому, кто прежде кого былъ въ чинѣ. Сверьхъ сего видалъ я въ сочиненіяхъ древнихъ, что между бывшими въ Преторствѣ сидѣлъ такой человѣкъ, который не бывалъ Преторомъ, но только обвинялъ Претора въ такомъ преступленіи, въ которомъ виноватой, будучи обвиненъ, лишался Сенаторскаго степени: поелику доносщикъ въ такомъ случаѣ получалъ мѣсто обвиненнаго. О чемъ такъ говоритъ Цицеронъ въ рѣчи за Бальба: *Предложено также въ сопротивность, что перешелъ въ Крустуминскую Трибу; что онъ получилъ сіе по закону о домогательствѣ въ чины въ награжденіе, не столь ненавистное, нежели какое получаютъ*

чаютъ нѣкоторые по законамъ мнѣніе Преторское и тогу претексту. Безъ сомнѣнія Цицеронъ здѣсь означаетъ, что тотъ сидѣлъ на мѣстѣ Преторскомъ и говорилъ мнѣніе, кто обличилъ въ судѣ дѣйствительнаго Претора; да и не только сіе, но еще что тотъ, кто на нареченнаго градоначальника докажетъ судіямъ, что за нимъ есть преступленіе, по обвиненіи сего градоначальника въ награжденіе получалъ тогу претексту, то есть тотъ чинъ, въ который обвиненному слѣдовало вступить. Поелику Цицеронъ тогу претексту полагаетъ здѣсь вмѣсто чина: понеже ее употребляли градоначальники. Подобнымъ образомъ сказалъ и въ рѣчи за Клуенція: *тога претекста, слонопыя кресла*; а подъ тогою разумѣлъ всѣ вообще чиноначальства; подъ креслами же чиноначальниковъ только Курульныхъ, то есть знатнѣйшихъ.

ГЛАВА

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О опредѣленіи Сенатскомъ.

ВЪ Сенатскомъ опредѣленіи не одно оно только просто, но много другихъ различныхъ вещей надлежитъ до свѣдѣнія: ибо надобно разсмотрѣть, какимъ способомъ оно дѣлалось; какимъ было препятствуемо, чтобъ не состоялось; какимъ было уничтожаемо, когда уже будетъ сдѣлано; коликое число Сенаторовъ потребно было къ составленію онаго; какую давало власть, всесовершенную ли, или ограниченную; естьли всесовершенную, то многимъ ли, или одному; естьли ограниченную, то такъ ли ограниченную, что равно было той власти, которую давалъ законъ безъ опредѣленія Сенатскаго, или такъ, что оно было нѣсколько слабѣе, нежели законъ. Должно еще изслѣдовать, что о публичныхъ ли, или и о приватныхъ дѣлахъ дѣлаемо было опредѣленіе Сенатское; сверьхъ сего въ чемъ различалися *опредѣленіе Сенатское* (Senatus consultum), *приговоръ Сената* (Senatus decretum), *изволеніе Сената* (Senatus auctoritas); наконецъ что такое было, что называлося *тайнымъ*

опредѣленіемъ Сенатскимъ. О каждомъ изъ сихъ пунктѣ порознь и въ своихъ мѣстахъ будемъ говорить. Когда Сенатъ установленъ Ромуломъ, то несомнительно, что во время его царствованія сдѣланы были многія опредѣленія Сенатскія, однако намъ потребны примѣры. А Діонисій и предлагаетъ одинъ, а именно, что при Ромулѣ было опредѣленіе Сенатское, которое состоялося на такое мнѣніе, чтобы женамъ Сабинянкамъ пойти для примиренія Римлянъ съ Сабинянами къ своимъ однородцамъ, осаждающимъ Римъ. Послѣ смерти Ромуловой первое Сенатское опредѣленіе было о сдѣланіи междуцарей; второе то, которымъ Сенаторы положили приговоръ, дабы естьли народъ повелитъ быть въ Римѣ Царю, тобъ сіе было твердо тогда, когда Сенаторы дадутъ на то свое изволеніе; третіе, которымъ Сенаторы отдавали Нумѣ Помпилію власть, данную ему народомъ надъ собою, которую онъ отдавалъ Сенату. Сверьхъ сего были иныя опредѣленія различнаго содержанія, смотря по различію дѣлъ. Были же дѣлаемы опредѣленія Сенатскія слѣдующимъ

щимъ образомъ: Консулъ, или тотъ, кто имѣлъ знаки верховной власти и Ликторовъ, созвавши Сенатъ, когда предложитъ о томъ, для чего онъ созвалъ, то спрашивалъ мнѣнія. Когда сіи будутъ сказаны, то прежде произносилъ въ слухъ то мнѣніе, которое почиталъ полезнѣйшимъ для республики; а потомъ, дабы Сенатъ на то далъ рѣшеніе, сіи употреблялъ слова: *Которые думаютъ такъ, тѣ отойдите туда; а которые псе иначе, сюда*; и говоря сіи слова: которые *псе иначе*, слово *псе* употреблялъ для того, дабы не сказать, *которые противно тому думаютъ*, что самое впрочемъ разумѣлъ подъ тѣми словами; однако удалялся слова *противно*, какъ такого, которое было почитаемо за худой знакъ. Посему часто было употребляемо древними оное выраженіе: *итти на оное псе*, или *перейти*, или *отойти*, вмѣсто того, чтобъ сказать: противно думать. И хотя я знаю, что сіе обыкновеніе у Римлянъ было еще при Царяхъ, что означаетъ Ливій въ кн. I, однако неизвѣстно мнѣ, кто оное прежде всѣхъ ввелъ въ Римъ; но кто бы онъ ни былъ,

ка-

кажется, что взаимствовалъ оное отъ Спартанцевъ: поелику Туцидидъ въ кн. 1 пишетъ, что Стенелай Эфоръ (*), по предложеніи въ жаркой своей рѣчи совѣтовъ пойти войною на Аѳинянъ, яко нарушителей договора, произнесъ слѣдующее: *Которые сего мнѣнія, что договоръ нарушенъ Аѳинянами, тѣ да встанутъ и отойдутъ въ ту сторону; а которые напротивъ, тѣ да отойдутъ сюда.* Впрочемъ тотъ же Туцидидъ говоритъ, что сіе и у Спартанцевъ было новое, и первымъ еще Стенелаемъ введенное въ Лакедемонъ, а прежде обыкновенно мнѣнія говорили яснымъ голосомъ. И

(*) Эфоры въ Спартѣ были весьма важные градоначальники, числомъ 5, которые сдѣланы были для перевѣсу силы Царей и Сената, такъ что они всегда приставать должны были къ той сторонѣ, которая будетъ утѣсняема, и которые имѣли право судить и осуждать не только всѣхъ гражданъ, но и самыхъ Царей; да и сами, сложивши съ себя сей чинъ, который продолжался только одинъ годъ, были подвержены тѣмъ же законамъ.

И такъ Сенаторы по обыкновенію Спартанцевъ, когда Консулъ произнесетъ оныя слова, и самъ прежде всѣхъ на которую нибудь изъ двухъ сторонъ отойдетъ, послѣ его кто какую одобрялъ сторону, на ту переходилъ; потомъ были считаемы, и изъ числа подтверждающихъ мнѣнія узнаваемо было изволеніе Сената. Ежели большее число Сенаторовъ одобритъ мнѣніе, произнесенное Консуломъ, то на оное обыкновенно писали опредѣленіе Сенатское; ежели же будетъ на сей сторонѣ меньше, то дѣло или со всѣмъ было оставляемо, или отлагаемо до другаго времени: ибо часто случалося, что по прошествіи нѣкотораго времени, будучи принято паки на разсмотреніе, было одобряемо то, что прежде многимъ числомъ Сенаторовъ было отвергнуто, или опровержено. Иногда же случалося, что опредѣленіе Сенатское дѣлаемо было только посредствомъ разшествія Сенаторовъ на разныя стороны, такъ что ни спрашиваемы, ниже говоримы были мнѣнія, и въ такомъ случаѣ говорили такъ: *Сенаторы ногами шли на мнѣнія.* А сіе, думаю, тогда обыкновенно бывало,

вало, когда происходило о дѣлѣ маловажномъ: поелику Римскіе Сенаторы думали, что на дѣло неважнѣйшее не надобно терять излишняго времени; и по сему образу сдѣланное опредѣленіе называлось *Сенатскимъ опредѣленіемъ, сдѣланнымъ посредствомъ разшествія.* А опредѣленіе то, которое дѣлаемо было по выслушаніи и разсмотреніи Сенаторскихъ мнѣній, хотя также дѣлаемо было посредствомъ разшествія Сенаторовъ на разныя стороны, однако называлось просто только *опредѣленіемъ Сенатскимъ.* И естьли бы имѣли мы сочиненія Варроновы, Тубероновы, Лабеоновы, Капитоновы, Галловы, Феликсовы, Бассовы, Никостратовы, то бы много было извѣстно такого, что теперь едва узнаемъ по темной и слабой тѣни. Впрочемъ Геллій приводитъ слова Бассовы, которыя довольно явно изъясняютъ то, о чемъ мы теперь говоримъ. А въ ономъ мѣстѣ такъ говоритъ помянутый писатель: *Ногами всѣ Сенаторы давали мнѣнія, когда опредѣленіе Сенатское дѣлаемо было посредствомъ разшествія*, то есть когда не были отбираемы

отъ

отъ всѣхъ особенно и порознь мнѣнія. Сюда же надлежатъ и сіи Цицероновы въ рѣчи 3 на Антонія слова: *Поспѣшая избѣжать, сдѣлалъ опредѣленіе Сенатское о молебствіи* (*) *посредствомъ разшествія.* А къ преждесказаннымъ словамъ прибавляетъ оное послѣднее: *Потому что сего прежде никогда не бывало, поелику обыкновенно въ опредѣленіи молебствія прежде спрашиваемы были мнѣнія Консуловъ*, что явствуетъ изъ письма М Целія кн. 8 друж. пис. Сверхъ сего еще говоритъ Светоній о Тиверіѣ слѣдующее: *Когда по случаю дѣлаемо было опредѣленіе Сенатское посредствомъ разшествія, то за нимъ, прешедшимъ на другую сторону, на которой было немного,*

(*) Молебствіе было нѣкоторое богослуженіе, состоявшее въ торжественномъ благодареніи Богамъ за великіе успѣхи дѣлъ, наиболѣе воинскихъ, и во всенародномъ молчаніи въ случаѣ великихъ золъ и худыхъ предзнаменованій. Въ послѣдованіе времен молебствія стали быть награжденіемъ, опредѣляемымъ отъ Сената военачальникамъ за великія побѣды.

никто не слѣдопалъ. Здѣсь Светоній сказалъ *посредствомъ разшествія* для различія отъ того опредѣленія Сенатскаго, которое дѣлаемо было, не отобравъ мнѣній отъ всѣхъ особенно Сенаторовъ, и которое, какъ сказали мы выше, называлось однимъ только словомъ *опредѣленіе Сенатское.* Кажется, что Геллій не уразумѣлъ сего образчика рѣчи совершенно, думая въ ки. 14. гл. 7, что Туберонъ несогласенъ съ Варрономъ, который слѣдующее говоритъ въ письмѣ къ Аппіану: *Сенатское опредѣленіе бываетъ двоякимъ образомъ: или, ежели будутъ согласны Сенаторы, посредствомъ разшествія на разныя стороны, или, ежели дѣло будетъ сомнительно, посредствомъ отобранія отъ каждаго мнѣнія. А напротивъ Туберонъ*, продолжаетъ Геллій, *утверждаетъ, что никакое Сенатское опредѣленіе не можетъ быть сдѣлано безъ разшествія: поелику по всѣхъ опредѣленіяхъ, даже и въ тѣхъ, которыя были дѣлаемы о предложенныхъ дѣлахъ, необходимо было разшествіе.* Однако въ семъ ни Варронъ, ни Туберонъ

ронъ не отступили отъ истинны; и мнѣнію Варронову непротивно, какъ думаетъ Геллій, что написалъ Туберонъ: поелику Варронъ не сказалъ *иныя Сенатскія опредѣленія были дѣлаемы посредствомъ разшествія безъ сказыванія мнѣній, а иныя посредствомъ сказыванія мнѣній безъ разшествія*, но означилъ то, что оныя опредѣленія дѣлаемы были посредствомъ разшествія безъ всякихъ мнѣній, а иныя по отобраніи мнѣній, однако же посредствомъ разшествія; и когда сказалъ *посредствомъ отобранія отъ всѣхъ мнѣній*, то для того не сказалъ еще притомъ *посредствомъ разшествія*, поелику дѣло преизвѣстное, что никакое опредѣленіе Сенатское не могло быть безъ разшествія. И посему Варронъ опустилъ сіе слово, какъ излишнее и неизвѣстное всякому, развѣ кто совсѣмъ ни мало незнающъ въ дѣлахъ Римскихъ. По разшествіи Сенаторовъ обыкновенно писали опредѣленіе Сенатское; а при написаніи онаго не всѣ тѣ находились Сенаторы, которые одобряли то мнѣніе, на кое было дѣлаемо опредѣленіе Сенатское, но тѣ наиболѣе, которые больше другихъ хотѣли,

 чтобъ

чтобъ такой состоялся приговоръ, которые посему назывались подпорами опредѣленія Сенатскаго не столько для того, чтобъ въ ономъ было прописано именно, что они наиболѣе были подтвердителями того, сколько для того, что важность опредѣленія Сенатскаго въ томъ состояла, ежели было написано мужами знаменитыми. Впрочемъ я нахожу въ исторіи, что М. Катонъ хотя своимъ мнѣніемъ не опредѣлялъ молебствія на имя Цицероново, однако, когда многіе Сенаторы оное опредѣлили, находился при написаніи того опредѣленія. А что я сказалъ теперь, что при написаніи опредѣленія Сенатскаго находились не всѣ тѣ, которые согласныя имѣли съ тѣмъ мнѣнія, то не можетъ быть подвержено сомнѣнію. Въ ономъ Целіевомъ письмѣ, о которомъ я уже упоминалъ, находится весь образчикъ опредѣленія Сенатскаго, изъ котораго видно, что при написаніи того опредѣленія находилось весьма малое число Сенаторовъ, хотя впрочемъ весьма многіе оный сдѣлали приговоръ своими мнѣніями. Здѣсь болѣе должно то разсмотрѣть, для чего въ ономъ самомъ опредѣленіи Сенатскомъ

скомъ, которое приводитъ Целій, дважды поставлены имена тѣхъ, которые находились при написаніи онаго: ибо ежели во всякомъ опредѣленіи Сенатскомъ приписываемы были тѣ имена однажды, то для чего въ семъ дважды? А ежели было обыкновеніе столько разъ писать при опредѣленіи тѣ имена, сколько оное заключало въ себѣ статей, то для чего въ помянутомъ Сенатскомъ опредѣленіи, въ которомъ, какъ предовольно ясно, четыре статьи, не четырежды, но только дважды имена были написаны? А ежели кто будетъ утверждать, что не четыре статьи въ ономъ опредѣленіи, но четыре цѣлыя опредѣленія Сенатскія, тотъ подвергнетъ себя притомъ большему еще сомнѣнію: поелику гораздо вѣроятнѣе, что къ четыремъ опредѣленіямъ Сенатскимъ четырежды должно было приписать имена Сенаторовъ, нежели къ четыремъ статьямъ опредѣленія. Но совсѣмъ противно справедливости разумѣть въ помянутомъ письмѣ четыре Сенатскія опредѣленія: поелику самъ Целій никакой не оставилъ причины къ такому мнѣнію, когда написалъ слѣдующее: *Опредѣле-*

ніе Сенатское, которое я къ тебѣ посылаю, состоялось; но говоря *сему опредѣленію Сенатскому сдѣлалъ прекаканіе Целій*, и послѣ тоже въ другой и въ третій разъ повторяя, не многія опредѣленія Сенатскія, но многія того опредѣленія чрезъ то означаетъ части. Впрочемъ сіе довольно ясно. То наиболѣе колеблетъ меня сомнѣніе, для чего не написаны имена утвердителей или четырежды, то есть при каждой изъ четырехъ статей опредѣленія, или только однажды, такъ какъ къ одному опредѣленію Сенатскому. И хотя я не могу довольно рѣшить сего сомнѣнія, однако намѣренъ здѣсь сказать нѣчто, что можетъ быть принято за вѣроятное. Можно думать, что имена Сенаторовъ были написаны и прежде, нежели то было, и послѣ, когда уже сдѣлалось опредѣленіемъ Сенатскимъ: ибо когда было еще тому прекаканіе, то не было тогда Сенатскимъ опредѣленіемъ, но только называлось Сенатскимъ изволеніемъ. И ежели сіе такъ, то справедливо въ семъ случаѣ къ той части опредѣленія, которой никто не дѣлалъ прекаканія, и которая посему была дѣйствительнымъ опредѣленіемъ Сенатскимъ,

скимъ, приписаны имена утвердителей и въ началѣ и на концѣ; а при тѣхъ статьяхъ, которыя не могли быть названы опредѣленіемъ Сенатскимъ, для того что имъ было дѣлаемо пререканіе, ни одно не упомянуто имя утвердителей. Впрочемъ я сіе отдаю на благоразсмотреніе ученыхъ людей, или лучше сказать, пусть сами потрудятся найти то, что въ семъ случаѣ можетъ быть вѣроятно: поелику что я о семъ сказалъ, то недовольно къ совершенному успокоенію и отвлеченію отъ сомнѣнія моихъ мыслей; а образчикъ опредѣленія Сенатскаго, приведенной въономъ Целіевомъ письмѣ, можно видѣть и въ 5 и 10 Филип. Когда написаны бывали Сенатскія опредѣленія, то по произволенію Консуловъ были или хранимы тайно, или произносимы даже до временъ Консуловъ Л. Валерія и М. Горація, которые сдѣлали уложеніе, чтобъ Сенатскія опредѣленія были относимы въ храмъ Церерин. Однако послѣ, какъ видно изъ исторіи, относимы они были для сохраненія въ казенную палату, въ которой и законы и деньги Римскаго народа и всѣ драгоцѣннѣйшія

вещи хранимы были. Оная же казенная была въ храмѣ Сатурновомъ, какъ въ такомъ мѣстѣ, которое казалось опаснѣйшимъ по причинѣ величія присутствующаго тамъ Бога, при царствѣ коего въ продолженіе златаго вѣка никакого не было насилія, никакого воровства, никакого не учинено злодѣянія. А неотнесенныя въ казенную опредѣленія Сенатскія почитаемы были недѣйствительными и несовершенно оконченными. Сіе хотя неявными словами, однако такъ, что не остается о томъ сомнѣнія, изобразилъ Светоній въ жизни Августа, которой, *Юлій Маратъ*, говоритъ, *предалъ, что за нѣсколько мѣсяцовъ до рожденія Августова сдѣлалось публичное диво, которымъ предвѣщаемо было, что природа вскорѣ родитъ Царя Римскаго народа, чего убоявшися. Сенатъ опредѣлилъ своими мнѣніями, дабы нихто не воспитывалъ родившихся въ тотъ годъ младенцевъ; но тѣ, которые имѣли женъ своихъ беременными, поелику всякой присвоялъ надежду имѣть Царемъ имѣющаго родиться младенца, упо*-

тре-

требили мѣры, дабы оное Сенатское опредѣленіе не было отнесено въ казенную палату. Сіе самое обыкновеніе относить въ казенную опредѣленія Сенатскія не только Ливій показываетъ въ кн. 39, говоря такъ: *Кто можетъ ожидать отъ того Консула чего либо новаго, которой составленное малымъ числомъ Сенаторовъ опредѣленіе тайно отослалъ въ казенную,* и Цицеронъ въ 5 рѣчи на Антонія, но и Корнелій Тацитъ въ кн. 3, а именно: когда Луторій Прискъ сдѣлалъ стихи Друзу, Тиверіеву сыну, находящемуся въ болѣзни, чтобы по смерти оные сдѣлалися славными по причинѣ полученнаго за нихъ великаго награжденія, возъимѣлъ сію надежду отъ того, что за печальное описаніе стихами смерти Германика получилъ награжденіе отъ Тиверія. И когда въ томъ будучи обличенъ и обвиненъ, умерщвленъ былъ въ тюрьмѣ, *то Тиверій* (я положу здѣсь самыя Тацитовы слова) *опорочилъ сіе въ Сенатѣ, говоря тѣми околичностями, которыя онъ обыкновенно употреблялъ, а именно возносся похвалами усердіе тѣхъ, которые и за ма-*

малыя оскорбленія Государя наказывают жестоко, но не одобрилъ толь скораго опредѣленія казни виноватымъ. И потомъ нѣсколько ниже: *И для сего,* говоритъ, *состоялось Сенатское опредѣленіе, дабы приговоры Сенаторовъ не прежде десяти дней отъ того, какъ состоятся, относимы были въ казенную, и на столькоъ времени продолжаема была жизнь осужденнымъ на смерть.* А чрезъ сіе Тацитъ доказалъ оное обыкновеніе древнихъ относить Сенатскія опредѣленія въ казенную, куда относимы были равно и законы, на что я покажу примѣры въ моемъ сочиненіи о народѣ, которое вскорѣ за симъ выдетъ. Теперь, поелику мы довольно уже говорили о способѣ, какимъ дѣлаемо было опредѣленіе Сенатское, порядокъ требуетъ, чтобъ послѣ сего о способѣ, какимъ было дѣлаемо препятствіе, написать немного что нибудь изъ того, что замѣтилъ я изъ чтенія древнихъ. Препятствіемъ тому, чтобъ состоялося опредѣленіе Сенатское, были или Трибунъ народный, или кто нибудь изъ Сенаторовъ, или кто нибудь не

изъ

изъ Сенаторовъ, или самъ Консулъ, или что нибудь другое. Трибунъ народный могъ дѣлать прекаканіе, но когда отъ него будетъ прекаканіе, то, что опредѣлитъ Сенатъ, не могло быть опредѣленіемъ Сенатскимъ, но Сенатскимъ изволеніемъ называлось. А таковую власть отъ самаго того времени, когда народъ огражденъ защитою Трибуновъ, дали законы священные не только всѣмъ вообще Трибунамъ, но каждому изъ нихъ во особенности. И такъ когда хотя одинъ изъ Трибуновъ народныхъ будетъ дѣлать прекаканіе, а прочіе его товарищи будутъ согласны съ мнѣніями Сенаторовъ, однако Сенатское опредѣленіе рушилося также, какъ естьли бы всѣ Трибуны дѣлали прекаканіе. Препятствовалъ Сенаторъ тогда, когда говорилъ Консулъ: *сощитай Сенаторовъ* (numera Senatum): поелику ничего не можно было опредѣлить въ Сенатѣ, естьли не будетъ притомъ извѣстнаго уложеннаго законами числа Сенаторовъ.

Третій способъ воспрепятствовать состояться опредѣленію Сенатскому былъ тотъ, когда находился въ Сенатѣ.

натѣ кто нибудь такой, который не былъ Сенаторомъ: поелику въ такомъ случаѣ ничего не можно было опредѣлить въ Сенатѣ. И по сей причинѣ, какъ видно изъ исторіи Діоновой, К. Катонъ, Трибунъ народный, взошелъ въ Сенатъ: поелику его насильно не можно было вытолкать изъ Сената, понеже особа Трибуновъ почитаема была священною (то есть такою, которой никакого насилія не можно было дѣлать безъ нарушенія священнѣйшихъ законовъ). Но здѣсь открывается сомнѣніе, а именно: ежели К. Катонъ не могъ взойти въ Сенатъ, потому что не былъ еще избранъ въ Сенаторы, то какъ же мы читаемъ въ письмахъ Цицероновыхъ къ Лентулу и къ Квинту, брату его, что часто сей самой Катонъ Трибунъ народной присудствовалъ въ Сенатѣ? Раздѣли, и рѣшишь сомнѣніе. Не могъ по тому, что не былъ Сенаторомъ; могъ по тому, что былъ Трибуномъ: ибо кто можетъ сдѣлать насиліе человѣку, почитаемому священнымъ? Да и въ другихъ писателяхъ часто мы читаемъ еще и то, что Трибуны говорили

свои мнѣнія, которыя ежели были только Трибунами, а не Сенаторами вмѣстѣ, то потому могли присудствовать въ Сенатѣ: поелику людей священныхъ не можно было выгнать; а ежели были и Сенаторами вмѣстѣ, то присудствовали по праву, такъ какъ Сенаторы. И посему я удивляюсь найденнымъ мною въ Валеріѣ словамъ, которой говоритъ, *что Трибуны народные не имѣли права входить въ Сенатъ, но что они, сидя на скамьяхъ передъ дверьми Сената, разсматривали опредѣленіе Сенаторовъ, и что посему подъ древними Сенатскими опредѣленіями была всегда поставляема литтера Т, которая была знакомъ того, что тѣ опредѣленія Сенатскія одобрены и мнѣніями Трибуновъ.* Сему, я говорю, удивляюсь: поелику столь много читалъ въ сочиненіяхъ древнихъ, что Трибуны присудствовали въ Сенатѣ, что за дѣло почитаю скучное и такое, которое можетъ еще родить отвращеніе приводить на то примѣры. Но не уже ли Валерій былъ малознающъ въ древностяхъ? Невѣроятно: поелику и весьма близко къ временамъ рес-

республики жилъ, понеже, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, подъ предводительствомъ Секста Помпея, сына Помпея великаго, находился въ военной службѣ, и притомъ такого же кажется, какого и Діонъ, о семъ мнѣнія. Но я намѣренъ защитить честь сего писателя, полагая, что оныя его слова не о всѣхъ вообще Трибунахъ народныхъ, но о тѣхъ только, которые, будучи Трибунами, не были притомъ Сенаторами, надобно разумѣть. Ибо ежели разумѣть вообще о всѣхъ, то примѣры древнихъ могутъ опровергнуть сіе наше мнѣніе. Были и сами Консулы препятствіемъ опредѣленіямъ Сенатскимъ, какъ говоритъ Ливій въ кн. 30 слѣдующими словами: *Когда всѣхъ сердца были склонны къ миру, Консулъ, коему по раздѣлу досталась власть надъ флотомъ, воспротивился Сенатскому опредѣленію*, хотя впрочемъ сіе прекаріе, какъ извѣстно, вскорѣ было уничтожено повелѣніемъ народа, дабы Сенатъ опредѣлилъ поставить миръ съ Карѳагенянами. Тотъ же Ливій еще въ кн. 42 говоритъ, что К. Попилій показывалъ напередъ знаки, что онъ воспротивит-

ся,

ся, естьли что определитЪ СенатЪ. СверьхЪ сего пишетЪ ПедіанЪ, что К. Сцевола, КонсулЪ, примѣтивЪ, что СенатЪ вЪ опредѣленіи тріумфа товарищу его, по причинѣ его могущества и достоинства вЪ республикѣ, поблажаетЪ, больше смотрѣлЪ на пользу республики, нежели товарища; и посему воспротивился, чтобЪ состоялось на то опредѣленіе Сенатское: ибо не только ТрибунЪ народный могЪ противиться опредѣленію Сенатскому, но и всѣ тѣ, которые равную, или вышшую имѣли власть, нежели тѣ, кои хотѣли оное сдѣлать, что свидѣтельствуетЪ ВарронЪ вЪ томЪ кЪ Оппіану письмѣ, коего содержаніе мы уже почти все помѣстили здѣсь, приводя его изЪ Геллія. И такЪ ежели Сенатское опредѣленіе было дѣлаемо КонсуломЪ, то право воспротивиться сему другой КонсулЪ имѣлЪ: поелику равную сЪ первымЪ имѣлЪ власть; ежели ПреторомЪ, то могЪ воспротивиться не только иной ПреторЪ, но и КонсулЪ: ПреторЪ. поелику равную имѣлЪ власть; КонсулЪ, поелику былЪ выше Претора. Однако таковыя пререканія очень рѣдко бывали. Славнѣйшія были пререканія Трибунскія:

поелику до ТрибуновЪ прямо надлежало противиться опредѣленіямЪ СенатскимЪ, понеже Трибунская власть введена вЪ РимЪ не для нанесенія, но для удержанія обидЪ.

По сіе мѣсто мы говорили о способѣ, какимЪ было препятствуемо, дабы не состоялось опредѣленіе Сенатское; а когда оное состоится, то какимЪ образомЪ было уничтожаемо? ТакимЪ же, какимЪ уничтожаемы были законы: ибо какЪ законЪ былЪ уничтожаемЪ другимЪ закономЪ, такЪ одно Сенатское опредѣленіе другимЪ СенатскимЪ опредѣленіемЪ, на примѣрЪ: СенатЪ опредѣлитЪ, дабы тѣ общества были платящими дань РимлянамЪ, и чтобЪ взятыя сЪ нихЪ деньги, которыя они дали за выкупЪ своей вольности, имЪ не возвращать, кои (общества) ЛентулЪ Силла, по Сенатскому же опредѣленію взявЪ сЪ нихЪ деньги, объявилЪ вольными: то впрочемЪ сдѣлало уронЪ чести республики Римской: поелику *большую*, какЪ говоритЪ ЦицеронЪ, *имѣютЪ вѣрность морскіе разбойники, нежели какую вЪ семЪ случаѣ оказалЪ СенатЪ*,

натъ, понеже что честно, то не по тому честно, поелику полезно; но ежели честно, по тому и полезно; такъ думаютъ о семъ честные люди. Но все сіе касается до самаго сего случая; а мы искали только примѣра, которой нашедши, одинъ привести довольно. Впрочемъ меня въ семъ примѣрѣ тронулъ такой поступокъ Сената. Сверьхъ сего ежели Сенатское опредѣленіе не будетъ уничтожено Сенатскимъ же опредѣленіемъ, или закономъ, то навсегда оставалось дѣйствительнымъ, такъ что никакого извѣстнаго и опредѣленнаго времени къ потерянію своей силы не имѣло, хотя впрочемъ читаемъ въ Діонисіѣ, что не всегдашнюю, но чрезъ одинъ только годъ продолжающуюся имѣло силу то, на что Сенатъ сдѣлаетъ приговоръ. А сіе тѣмъ меня приводитъ въ сомнѣніе, что Діонисій сіе сказалъ не отъ себя, но въ лицѣ Консуловъ, которые Кн. Генуцію, Трибуну народному, требующему по силѣ Сенатскаго опредѣленія, которое состоялось при Консулахъ Кассіѣ и Виргиніѣ, дабы не раздѣлять общественныя земли народу, отвѣтствовали, что на сіе сдѣланъ приговоръ не во время ихъ Консульства,

но при Консулахъ Кассіѣ и Виргиніѣ, и что по сему оной раздѣлъ надлежалъ до тѣхъ Консуловъ; а то опредѣленіе ихъ къ сему принудить не можетъ: потому что болѣе года не можетъ быть твердо то, на что сдѣлаетъ приговоръ Сенатъ. А сіе говорили они ложно, и не по тому, что такъ думали, но для того, чтобъ лучше что нибудь отвѣтствовать Трибуну, нежели ничего: понеже весьма желали избѣжать отъ такой должности, отъ которой, какъ знали они, Сенатъ и сердца Сенаторовъ весьма далеки были.

Теперь будемъ говорить о томъ числѣ Сенаторовъ, коликое потребно было въ составленіи Сенатскаго опредѣленія. И хотя я о семъ ничего не могу сказать утвердительно: поелику не нахожу, гдѣбъ явно было означено, сколько Сенаторовъ должно было при томъ быть; однако, что было извѣстное число опредѣлено закономъ, предали о семъ Діонъ и Фестъ. Но что касается до того, коликое точно было число, поелику въ матеріяхъ темныхъ часто подавали мнѣ слѣдъ догад-

догадки, нѣчто скажу. Педіанъ въ замѣчаніяхъ на сочиненія Корнекіины, которыхъ нынѣ не находится, говоритъ, что Кн. Корнелій, Трибунъ народный, въ тотъ годъ, въ которой были Консулами Кал. Пизонъ, и Ац. Глабріонъ, обнародовалъ узаконеніе въ такой силѣ, чтобы Сенатъ не имѣлъ власти никого не уволять отъ законовъ, естьли не будетъ въ присутствіи 200 человѣкъ, и чтобы никто, будучи уволенъ отъ законовъ, не могъ дѣлать пререкакія, когда о томъ будетъ предложено народу. И хотя сей законъ, какъ также пишетъ послѣ Педіанъ, дѣлалъ болѣе важности Сенату, однако изданъ противъ желанія Сенаторовъ, которые прежде, и въ маломъ числѣ будучи, дѣлали опредѣленія Сенатскія. А ежели бывали какія опредѣленія Сенатскія о увольненіи кого либо отъ законовъ, сдѣланныя немногими Сенаторами, то, какъ ясно видѣть можно, законъ о числѣ Сенаторовъ, долженствующихъ быть при составленіи Сенатскихъ опредѣленій, состоялся не прежде того: ибо естьли бы состоялся прежде, то бы сего рода опредѣленія Сенатскаго,

 кото-

которымЪ увольняемЪ былЪ гражданинЪ отЪ законовЪ, не изключилЪ: поелику наиболѣе вЪ такихЪ опредѣленіяхЪ можно было употреблять снисхожденіе, но еще бы до всѣхЪ равно надлежалЪ опредѣленій СенатскихЪ. И такЪ заключить надобно, что К. Корнелій первой издалЪ узаконеніе, и изданнымЪ отЪ себя узаконеніемЪ уложилЪ, дабы не меньше 200 СенаторовЪ присудствовали при составленіи опредѣленія. Однако узаконеніе Корнеліево было не то самое, о которомЪ предали намЪ ДіонЪ и ФестЪ: поелику оное (Корнеліево) касалося до тѣхЪ только СенатскихЪ опредѣленій, которыми кто нибудь увольняемЪ былЪ отЪ законовЪ; а то, о которомЪ помянутые писатели говорятЪ, до всѣхЪ вообще. Развѣ положить такЪ, что то самое, что Корнелій узаконилЪ обЪ одномЪ только родѣ СенаторскихЪ опредѣленій, послѣ было наблюдаемо во всѣхЪ, то есть чтобЪ при составленіи ихЪ было не меньше 200 СенаторовЪ. ВпрочемЪ пишетЪ ДіонЪ, что законЪ, полагающій число СенаторовЪ, долженствующихЪ быть при составленіи всѣхЪ вообще опредѣ-

дѣленій, Корнеліевъ ли то былъ, или какой иной, наблюдаемъ былъ при Консулахъ Марцеллинѣ и Филиппѣ, такъ что надобно положить, что онъ состоялся въ продолженіе того времени, которое было отъ Консуловъ Пизона и Глабріона до Консуловъ Марцеллина и Филиппа. Поелику что до времянъ Трибунства Корнеліева не было никакого о томъ узаконенія, я не только не нашелъ въ исторіяхъ, но еще то доказательство, которое я уже предложилъ, убѣждаетъ меня вѣрить напротивъ того.

Приступимъ къ другимъ частямъ сей матеріи. Опредѣленіе Сенатское давало власть иногда всесовершенную, иногда ограниченную, и всесовершенную или одному, или многимъ градоначальникамъ. Многимъ симъ образомъ: *Да постараются Консулы, Преторы, Трибуны народные о томъ, дабы республика не претерпѣла какого либо вреда.* Сими словами Сенатъ безъ народа давалъ наивеличайшую власть градоначальникамъ: понеже они по силѣ сего опредѣленія Сенатскаго имѣли право набирать войско,

ско, производить войну и всякими образами усмирять союзниковъ и гражданъ. А иначе, какъ говоритъ Саллюстій, Консулы безъ повелѣнія народнаго не имѣли права все то дѣлать. Въ семъ мѣстѣ онъ говоритъ только о Консулахъ, потому что одни почти Консулы въ такомъ опредѣленіи Сенатскомъ были упоминаемы: поелику Сенатъ такой дѣлалъ тогда приговоръ: *Да постараются Консулы, чтобъ республика не претерпѣла какого либо вреда.* А сіе по тому, что попеченіе о защищеніи республики надлежало наиболѣе до Консуловъ, которые были выше всѣхъ прочихъ градоначальниковъ. Но когда усматриваемо было, что большая какая нибудь наступаетъ опасность, то не только Консулы, но и Преторы, Трибуны народные и тѣ еще, которые, будучи Проконсулами (*), находились близъ Рима, упоминаемы, какъ я нахожу въ исто

(*) Проконсулами въ Римѣ называемы были тѣ, которые по истеченіи времени ихъ Консульства оставляемы были для нѣкоторыхъ причинъ съ Консульскою властію подъ помянутымъ именемъ.

исторіяхЪ, были, какЪ на примѣрЪ вЪ томЪ Сенатскомъ опредѣленіи, которое вЪ началѣ междоусобныя войны поборателями Помпеевыми было составлено противЪ Цезаря, о которомЪ какЪ ЦицеронЪ вЪ письмѣ кЪ Тирону, вЪ рѣчи за Царя Деіотара и во 2 Филип. упоминаетЪ, такЪ и самЪ Цезарь вЪ кн. 1. о междоусобной войнѣ жалуется на оное слѣдующими словами, которыя я не такЪ, какЪ напечатаны, но такЪ, какЪ должно моему мнѣнію поправить, приведу: *Прибѣгаютъ*, говоритЪ Цезарь, *къ оному крайнему и послѣднему опредѣленію Сенатскому, до чего, развѣ въ самой почти погибели былъ Римъ и въ отчаянномъ состояніи благополучіе всѣхъ гражданъ, никогда до сего времени не доходила дерзость составляющихъ оное: да постараются Консулы, Преторы, Трибуны народные и Проконсулы, находящіеся близъ Рима, дабы республика не претерпѣла какого либо вреда.* А Помпей нарочно постарался сдѣлать такое опредѣленіе, дабы большую противЪ Цезаря, яко заводчика внутренняго возмущенія, возбудить ненависть. Между тѣмЪ читаемЪ

емъ еще въ исторіи, что иногда оная власть была даваема не обоимъ, но одному только Консулу, какъ-то во время возмущенія Гракховъ, въ которое Сенатъ опредѣлилъ, дабы Л. Опимій принялъ предосторожность, чтобъ республика не претерпѣла какого либо вреда. Но сіе впрочемъ сдѣлано не по силѣ обыкновенія, но по обстоятельствамъ времени: поелику другаго Консула К. Фабія Максима не было въ то время въ городѣ, какъ я думаю, а думаю по тому, что въ тотъ годъ, въ которой убитъ К. Гракхъ, ни о какомъ Консула Фабія дѣйствіи, произведенномъ внутрь Рима, не повѣствуетъ ни Плутархъ, ни Аппіанъ, ни Асконій, ниже кто другой, а только упоминаютъ объ одномъ Опимiѣ, такъ что вѣроятно, что того большую часть года не было въ Римѣ, и тѣмъ еще вѣроятнѣе, что Л. Флоръ заключаетъ изъ Ливія, что Аллоброги и Битуитъ, Царь Авернійскій, побѣжденъ тамъ Консуломъ. Сверьхъ сего видно изъ рѣчи Цицероновой за Милона, что и одному Помпею силою помянутаго опредѣленія Сенатскаго дана была верьховная власть въ тотъ годъ, въ которой онъ, одинъ

будучи

будучи Консуломъ, въ третій разъ былъ въ Консульствѣ, хотя говоритъ Педіанъ, что Помпей въ то время, когда состоялось оное опредѣленіе Сенатское, не былъ еще Консуломъ, но только Проконсуломъ близь Рима, и что верховное надъ всемъ право дано было не одному Помпею, но и междуцарю и Трибунамъ народнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, когда не было еще избрано ни Консуловъ, ни Преторовъ, то правильно было (что и въ самои вещи было), чтобъ въономъ Сенатскомъ опредѣленіи сперва междуцарь, потомъ Трибуны народные, а въ третіемъ уже мѣстѣ самъ Помпей, которой былъ Проконсуломъ, находившимся близь Рима, были упомянуты. Но когда Помпей сдѣланъ Консуломъ безъ товарища себѣ, то вся оная власть къ нему, какъ къ верховному градоначальнику, перешла въ руки, такъ что онъ издавалъ и законы, и М. Целію, Трибуну народному, старавшемуся вопрепятствовать ему, угрожалъ оружіемъ, и вооруженныхъ людей для удержанія насильствій отъ разврата Клодіева и для отвращенія всякой непріязненной силы постановлялъ около площади. Производя судъ Милоновъ,

новъ, по причинѣ котораго разстановилъ по площади и по всѣмъ входамъ на площадь караулы, сидѣлъ самъ позади казенной палаты, окруженъ будучи вооруженными воинами, такъ что одинъ онъ, кажется, пользовался верховною властію, данною онымъ Сенатскимъ опредѣленіемъ, и не только не раздѣляя оную съ междуцаремъ, котораго тогда совсѣмъ не было въ Римѣ, но и ниже съ народными Трибунами, которые были упомянуты въ томъ Сенатскомъ опредѣленіи. О семъ даетъ знать Цицеронъ въ рѣчи за Милона. Сверьхъ сего я примѣтилъ еще, что такія Сенатскія опредѣленія дѣлаемы были почти всегда по причинѣ междоусобныхъ раздоровъ и внутренняго несогласія: поелику Римской Сенатъ къ излеченію внутреннихъ золъ, которыя никакъ не меньше опасны, нежели внѣшнія, не находитъ по своему мнѣнію лучшаго средства, какъ то, чтобъ однимъ своимъ опредѣленіемъ всю республику поручить Консуламъ: *понеже по силѣ одной только строки*, какъ говоритъ Цицеронъ, *довольно были вооружены Консулы, хотя имъ при* *томъ*

томъ и никакого не дапали оружія. А сіе еще тотъ же Цицеронъ подтверждаетъ во 2. Филип. говоря такъ: *Противъ тебя, Маркъ Антоній, опредѣлилъ Сенатъ то, что по обыкновенію предковъ опредѣляется противъ непріятеля, бывающаго во время мира*. И нѣсколько ниже въ той же рѣчи означаетъ, что всѣ тѣ, противъ которыхъ было оное опредѣленіе, были умерщвляемы. *Тогда оная рана по изысканіи прежде другихъ твоихъ соучастниковъ необходимо упала на тебя, которая прежде тебя упадала на немногихъ, изъ коихъ никто не остался въ живыхъ*. А такая верховная власть первому изъ всѣхъ, какъ предалъ Плутархъ, дана была Консулу Опимію; но впрочемъ естьли сіе взять въ смыслѣ общемъ, то останется ложно: ибо за много лѣтъ, или еще и вѣковъ до Опимія, когда Герники увѣдомили Римлянъ, что ихъ Консулъ Сп. Фурій, разбитъ будучи на сраженіи отъ Веіентянъ, находится и съ войскомъ своимъ въ засадѣ, то *сею вѣдомостію въ такой привели страхъ*

Сена-

Сенаторовъ, что они, употребляя тотъ образчикъ опредѣленія Сенатскаго, которой всегда употребляемъ былъ въ крайнихъ обстоятельствахъ, наложили должность на Постумія, другаго Консула, смотрѣть, дабы республика не претерпѣла какого вреда. Сіе говоритъ Ливій; а что до Плутарха, то его можно защитить въ справедливости симъ образомъ: вопервыхъ говоря, что Опимій былъ первый изъ Римлянъ, которому дана была власть Дикташорская на усмиреніе гражданъ, а сію власть онъ такъ употребилъ, что не только К. Сем. Гракха, Трибуна народнаго, и К. Фул. Флакка, мужа Консулярнаго, которые были заводчиками возмущенія, но и другихъ гражданъ умертвилъ до трехъ тысячь, понеже междоусобныхъ несогласій, а особливо такихъ, которыя доходили до кровопролитія и убійства, не было въ Римѣ до временъ Диктаторства, но явились они гораздо послѣ, такъ что отъ Диктатуры Т. Ларція Флавія, которой прежде всѣхъ былъ нареченъ Диктаторомъ, до Консула К. Опимія, которому перво-

вому

вому во время междоусобнаго несогласіе препоручилъ Сенатъ смотрѣть, дабы республика не претерпѣла какого нибудь вреда, считается 377 лѣтъ. Но чѣмъ меньше стало быть опасности отъ внѣшнихъ непріятелей, тѣмъ больше стали раждаться несогласія между гражданами: поелику почти всегда такое состояніе и свойство имѣютъ дѣла человѣческія, что никогда въ одномъ состояніи быть не могутъ. Когда бываетъ война, то бунты въ городахъ бываютъ рѣдко; но когда бываетъ оная окончана, то праздность и довольствіе раждаетъ несогласіе. И посему доколѣ былъ Римъ упражненъ войнами, то мало бѣдствовалъ отъ внутреннихъ возмущеній; а по раззореніи Карѳагена, когда былъ истребленъ страхъ отъ внѣшнихъ непріятелей, вдругъ родилися бунты, и притомъ такіе, въ которыхъ доходило до кровопролитія и убійствъ, въ лѣто Рима 621. И посему въ поздныя уже времена республики Римъ имѣлъ нужду въ оныхъ опредѣленіяхъ Сенатскихъ, то есть когда почиталъ за нужное нѣкоторую часть общества, какъ бы поврежденнаго нѣкоего тѣла, от-

отсѣчь оружіемъ: поелику какъ въ человѣкѣ отъ нѣги и излишней пищи, такъ въ обществѣ отъ праздности и излишняго довольствія во всѣхъ вещахъ раждаются болѣзни. А сіе зло прозорливой и какъ бы искуснѣйшій врачь Сципіонъ Назика, предвидя за долго до самаго событія, болѣе всѣхъ совѣтовалъ Сенату не раззорять Карѳагена, утверждая свое мнѣніе тѣмъ, что послѣ подтверждено самымъ событіемъ, а имянно, что ничего болѣе не должно опасаться Римлянамъ, какъ того, что они не будутъ имѣть непріятелей; что какъ скоро они начнутъ успокоиваться отъ внѣшнихъ военныхъ дѣйствій, то будутъ раздираемы междоусобными раздорами, и что посему не должно истреблять такой городъ, которой, что часто нарушалъ договоры, часто возобновлялъ войну. Однако то самое было дѣло спасительнѣйшее для Римлянъ: поелику (продолжалъ Назика), дабы не ослабѣла Римская храбрость, то необходимо надобно оную безпрестанно употреблять и какъ бы острить на оселкѣ. Сколько ты премудръ! коль справедливое предвѣщалъ ты, Сципіонъ Назика!

ка! Ты своимъ гражданамъ, какъ нѣкогда своимъ Кассандра (*), предрекъ будущія судьбы; однако и тебѣ не болѣе, какъ ей, было повѣрено. Но отъ сего жесточайшія оныя усильствія Гракховъ противъ Сената, которыя справедливую подали причину прибѣгнуть къ крайнему опредѣленію Сенатскому; отъ сего междоусобная Силлина (**) война; отъ сего родилось до крайности дошедшее и бѣдственное для республики между Цезаремъ и Помпеемъ несогласіе. Но можетъ быть я болѣе уже сказалъ, нежели позволяетъ матерія, хотя впрочемъ для чего бы оная сего не позволяла? Не уже ли безполезно знать о приключеніяхъ вмѣстѣ съ ихъ причинами? Однако я

 впредь

(*) Кассандра была дочь Пріамова, которой Аполлонъ далъ даръ пророчества, но съ тѣмъ, чтобъ ей никто не вѣрилъ.

(**) Силла былъ первой изъ Римлянъ, которой началъ междоусобную войну и которой, самъ себя нарекши въ Диктатора, подѣлалъ въ Римѣ преужасныя убійства, за что, какъ повѣствуютъ нѣкоторые, былъ наказанъ неслыханною смертію, а именно: заѣденъ вшами.

впредь буду отступать отъ матеріи умѣренно, и только къ тому, что нѣкоторымъ образомъ будетъ связываться съ самымъ содержаніемъ сочиненія. А въ семъ случаѣ немного кажется могу погрѣшить. Но поступимъ далѣе въ своей матеріи. Опредѣленіемъ Сенатскимъ всесовершенная верховная власть даваема была одному тогда, когда Сенатъ повелѣвалъ нарещи Диктатора: ибо хотя не самъ Сенатъ, но тотъ, кто въ Римѣ былъ вышшимъ всѣхъ градоначальниковъ, поставлялъ Диктатора; однако, поелику тотъ, кто нарекалъ онаго, власть нарещи его получалъ отъ Сената, то по сему можно сказать, что Диктаторъ нарекаемъ былъ по силѣ Сенатскаго опредѣленія. А что Диктаторъ имѣлъ верховную и безпрепятственную власть, то всякому извѣстно. Притомъ кажется, что въ оныхъ опредѣленіяхъ Сенатскихъ, которыми были уничтожаемы законы, не во всемъ совершенная даваема была власть, не такъ какъ въ тѣхъ опредѣленіяхъ, въ которыхъ повелѣваемо было градоначальникамъ имѣть предосторожность, дабы республика како-

какого не претерпѣла вреда, но совершенная въ томъ только, что касалось до тѣхъ причинъ, для которыхъ сдѣланы были оныя опредѣленія. И посему читаемъ въ исторіяхъ, что многіе законы уничтожены однимъ Сенатскимъ опредѣленіемъ и одною, какъ говоритъ Цицеронъ о законахъ, строкою въ одну минуту. какъ на примѣръ при Консулахъ Л. Марціѣ и Секс. Юліѣ тѣ законы, которые М. Ливій Друзъ, Трибунъ народный, издалъ: поелику опредѣлено объ нихъ въ Сенатѣ, что сдѣланы они въ противность гадательствамъ, и что посему не имѣютъ силы надъ народомъ; и при Консулахъ К. Цециліѣ и М. Юніѣ всѣ тѣ, которые уменьшали жалованье, положенное воинамъ; а уничтожены они были по тому, что отнимали охоту у воиновъ. Сего рода кажется были и тѣ опредѣленія Сенатскія, которыя увольняли отъ законовъ гражданина: поелику кажется, что нѣкоторымъ образомъ тогда уничтожаются законы, когда позволяется кому нибудь поступать, не смотря на законы, какъ на примѣръ, когда Сенатъ П. Сципіона, или Кн. Помпея, уволилъ

лиль отъ законовъ, дабы могли быть Консулами прежде назначенныхъ законами лѣтъ, хотя впрочемъ и безъ Сенатскаго опредѣленія можно было увольнять отъ законовъ изданнымъ въ народъ узаконеніемъ. Но въ тѣхъ Сенатскихъ опредѣленіяхъ, въ коихъ кто нибудь поставляемъ былъ врагомъ общества, не можно сказать, чтобъ не была всесовершенная власть: поелику тѣ, которые таковымъ Сенатскимъ опредѣленіемъ были осуждаемы, не могли ни къ какому градоначальнику, ниже къ народу отзываться, кои не могли уничтожать мнѣнія въ семъ случаѣ Сената. Впрочемъ примѣчаю, что о продолженіи въ чинѣ тѣхъ же градоначальниковъ опредѣленія Сенатскія были неважны и недѣйствительны, какъ-то: хотя Сенатъ и запретилъ, чтобъ Консуламъ, Ап. Клавдію и Л. Квинтію Цинциннату, быть продолженными въ чинахъ, и тѣмъ же быть Трибунамъ народнымъ, положивъ такое мнѣніе, что въ противномъ случаѣ Трибуны поступятъ противъ республики, однако они сіе пренебрегли и при сопротивленіи Консуловъ продолжены въ своемъ чинѣ. А Сенатъ при семъ случаѣ не

имѣлъ болѣе усильнѣйшихъ домогательствъ и не дѣлалъ укоризнъ народу для того думаю, дабы сей, раздраженъ будучи такою поступкою Сената, не поднялъ бѣдственнаго для республики бунта.

И такъ я четыре положилъ рода Сенатскихъ опредѣленій: первое, которымъ поручаема была республика градоначальникамъ; второе, которымъ повелѣваемо было нарещи Диктатора; третіе, которымъ уничтожаемы были законы; четвертое, которымъ гражданинъ за какія либо злодѣянія почитаемъ былъ непріятелемъ. Двумя первыми Сенатъ всесовершенную власть не самъ себѣ присвоялъ, но давалъ другому; а двумя послѣдними не давалъ, но присвоялъ себѣ, или, лучше сказать, употреблялъ дѣйствительно прежде данную себѣ власть. Сіе говорили мы о всесовершенной власти, даваемой Сенатскимъ опредѣленіемъ, теперь остается говорить о власти ограниченной. Опредѣленіе Сенатское, дававшее ограниченную власть, ежели было соединено съ закономъ, то какъ бы умножало свою силу, и что было

вЪ немЪ ограничено, то дѣлалося совершеннымЪ; а ежели не имѣло пособствія отЪ закона (какЪ то часто случалося тогда, когда изволенія народа не были согласны сЪ мнѣніями Сената), то опредѣленіе Сенатское не только меньшую имѣло важность, нежели тогда, когда бываетЪ соединено сЪ закономЪ, но еще меньшую, нежели одинЪ законЪ. И посему К. Фламиній, ТрибунЪ народный, за нѣсколько лѣтЪ до второй Пунической войны предложилЪ противЪ воли Сената узаконеніе пашенное. Да и не только Трибуны народные, но и Консулы, которые почитаемы были покровителями Сената, противЪ воли онаго безЪ Сенатскаго опредѣленія часто дѣлали узаконенія, каковыя были тѣ, которыя, какЪ извѣстно изЪ Цицерона, Ливія, Діонисія и Плутарха, изданы тремя Валеріями, ПубліемЪ, ЛуціемЪ и МаркомЪ. СверьхЪ сего Цезарь безЪ Сенатскаго также опредѣленія по силѣ закона Ватиніева получилЪ вЪ распредѣлЪ Галлію Предалпинскую сЪ Илли-ріею, зная, что одинЪ законЪ вЪ семЪ случаѣ столько дѣйствителенЪ, что не нужно кЪ нему еще опредѣленіе

ніе Сенатское. А сіе самое объяснилъ и подтвердилъ своимъ мнѣніемъ Сенатъ, которой вскорѣ послѣ того отдалъ ему и Галлію власатую (*), опасаясь, дабы народъ не отдалъ оную ему, ежели Сенатъ то сдѣлать отречется. Естьли кто спроситъ меня здѣсь, для чего въ полученіи въ распредѣлъ провинцій какъ Цезарь, такъ и многіе другіе болѣе уважали законъ, нежели Сенатское опредѣленіе, отвѣтствую, что отправляющимся въ провинцію Сенатскимъ опредѣленіемъ даваема была

(*) Галлія въ древнія времена была гораздо пространнѣе нынѣшней Франціи. Она обыкновенно раздѣляется на три части: Белгику, Целтику, собственно называвшуюся Галліею, и Аквитанію. Иначе еще раздѣляется на Предалпинскую, или ближнюю, которая была по сію сторону Алпійскихъ горъ, и которая по полученіи права Римскаго гражданства называлася Тогатою, то есть имѣющею въ употребленіи тогу, обыкновенную Римскую одежду; другая называлась Заалпинскою, или дальнею, которая была по ту сторону Алпійскихъ горъ; и сія-то собственно называлась власатою Галліею.

только власть, а закономЪ со властію вмѣстѣ и денежная сумма. И такЪ кто бы былЪ или столько безразсуденЪ, чтобЪ изЪ своего имѣнія содержать войска, или столько богатЪ, чтобы сіе учинить могЪ? Сіе было причиною, что Д. БрутЪ, постановленЪ будучи отЪ Сената начальствующимЪ надЪ Галліею Предалпинскою, болѣе четырехЪ сотЪ тысячь сестерцій (*) издержалЪ изЪ своего имѣнія на раздачу жалованья воинамЪ, о чемЪ самЪ жалуется вЪ одномЪ письмѣ кЪ Цицерону: понеже онЪ получилЪ провинцію не по силѣ узаконенія, положеннаго вЪ собраніяхЪ по КуріямЪ, которымЪ на содержаніе воиновЪ назначаемо было жалованье изЪ общенародной казны начальствующимЪ надЪ провинціями, но по силѣ Сенатскаго опредѣленія, которое давало только власть, но безЪ назначенія суммы на раздачу жалованья. Когда СенатЪ оказывалЪ благопріятство убійцамЪ Цезаря, а народЪ, возбужденный АнтоніемЪ, былЪ имЪ не-

(*) Четыре ста тысячь сестерцій составляютЪ нашими деньгами десять тысячь рублевЪ.

непріязненъ, то Брутъ, отчаявшись имѣть въ пользу свою узаконеніе, полагаемое въ собраніяхъ по Куріямъ, по причинѣ того, что народъ былъ раздраженъ, отправился поспѣшно въ свою провинцію съ тою токмо властію, которую получилъ отъ Сената. Но нѣсколько спустя времени, народъ ту же самую провинцію своимъ узаконеніемъ отдалъ Антонію, отмщевающему смерть Цезаря, такъ что въ одно время одну имѣли провинцію и Децимъ (Брутъ) и Антоній: первой по силѣ Сенатскаго опредѣленія, второй по силѣ закона. Но начальствовать надъ провинціею безъ положеннаго на то узаконенія народнаго никто не могъ, естьли не хотѣлъ: ибо какъ можно было содержать войско и дѣла воинскія безъ узаконенія, то есть безъ денегъ, которыя давало узаконеніе? Хотя Ап. Клавдій, братъ того Публія, которой жесточайшую имѣлъ вражду съ Цицерономъ, утверждалъ, что онъ отправится въ свою провинцію безъ узаконенія собственнымъ иждивеніемъ (такъ о семъ пишетъ Цицеронъ въ трехъ письмахъ: къ Лентулу, Аттику и брату своему),

однако онѣ сіе предпріялѣ не по тому, чтобы не уважалѣ узаконенія, но по тому, что опасался того, что оное не состоится по причинѣ сопротивленія отѣ какого нибудь непріязненнаго ему Трибуна народнаго. Поелику что онѣ желалѣ вѣ семѣ случаѣ народнаго узаконенія, доказываютѣ сіи Цицероновы слова, находящіяся вѣ письмѣ кѣ Лентулу, вѣ которыхѣ говоритѣ Цицеронѣ, *что Клавдій обѣщается метнуть жребей о провинціи сѣ своимѣ товарищемѣ, ежели свободно будетѣ издать на то узаконеніе вѣ собраніяхѣ по Куріямѣ.* А сіе тѣмѣ яснѣе, что Аппій хотя часто говорилѣ, что онѣ отправится вѣ провинцію безѣ узаконенія сѣ собственнымѣ иждивеніемѣ, однако вѣ самомѣ дѣлѣ не отправился, но получилѣ власть и денежную сумму по силѣ народнаго узаконенія. Изѣ чего сіе заключаешь, скажетѣ мнѣ кто нибудь? Понеже, возвратившись изѣ провинціи, требовалѣ себѣ Тріумфа, хотя послѣ, обвиняемѣ будучи отѣ Долабеллы, для избѣжанія зависти отсталѣ отѣ всего требованія. Но отправившимся вѣ провинцію безѣ узаконе-

не-

ненія не можно было надѣяться Тріумфа. Чѣмъ докажешь, скажутъ мнѣ? Достопочтенностію знаменитаго свидѣтеля, то есть Цицерона, которой такъ говоритъ въ письмѣ къ Аттику: *Почтинъ четвертаго Ноября (2 числа) намѣренъ тріумфовать. Сему явно противятся Катонъ и Сервилій Преторы и К. Муцій Трибунъ: поелику утверждаютъ, что не было узаконенія о томъ, чтобъ поручена ему была въ томъ власть, хотя было подлинно узаконеніе, но сдѣланное неблагоразумно.* И такъ всѣ почти тѣ, которые намѣрены были отправиться въ провинцію, къ Сенатскому опредѣленію присовокупляли узаконеніе, дабы имѣть сумму, изъ которой платить жалованье легіонамъ, которыми не только защищали союзниковъ отъ обидъ сосѣднихъ народовъ, но иногда сами на нихъ нападали войною: поелику многіе искали случая къ войнѣ, которая подавала причины къ требованію тріумфа. Сверхъ сего, по моему примѣчанію, Сенатскимъ опредѣленіемъ не только даваема была власть, но и опредѣляемо время управленія провин-

цією;

цїею; а сїе было подтверждаемо узаконенїемъ, когда оное было издаваемо въ сходственность съ Сенатскимъ опредѣленїемъ. Время сїе было годичное; о чемъ установлено въ древнемъ узаконенїи Семпронїевомъ; по Цезарю въ противность узаконенїя Гракхова опредѣлена Галлїя на пять лѣтъ, а послѣ и на другїя пять лѣтъ Сенатскимъ опредѣленїемъ и узаконенїемъ продолжена. Но Сенатъ какъ не могъ безъ повелѣнїя народа выдать изъ общенародной казны на раздачу жалованья воинамъ денегъ, такъ и на раздѣленїе земель и на отдачу городовъ не имѣлъ законнаго права. И посему Термитанамъ, народу Сицилїйскому, за всегдашнее соблюденїе дружества и вѣрности не Сенатъ безъ народа отдалъ города, земли и законы, но Сенатъ только положилъ мнѣнїе, а народъ повелѣлъ. Подобнымъ образомъ на побѣжденныхъ войною народовъ не безъ повелѣнїя народнаго налагалъ подати Сенатъ: ибо извѣстно изъ исторїи, что Мамертинцы заплатили денежную сумму по силѣ опредѣленїя Сенатскаго и узаконенїя народнаго, и что всѣмъ Сицилїйскимъ народамъ

Сенат-

Сенатскимъ опредѣленіемъ и притомъ узаконеніями Теренціевымъ и Кассіевымъ повелѣно ежегодно продавать хлѣбъ извѣстною цѣною Римскому народу, и что Сенатъ позволилъ власть въ уложеніи законовъ объ отдачѣ на откупъ сборовъ Сицилійскаго вина и деревяннаго масла съ тѣмъ, ежели сіе повелитъ народъ. И такъ Сенатъ не могъ ничего дать кому нибудь изъ общенародныхъ вещей безъ народа, но народъ напротивъ того могъ безъ Сената. Посему Цезарь во время своего Консульства безъ Сенатскаго опредѣленія, удоволившись однимъ закономъ, раздѣлилъ народу земли Стеллатинскія и Кампанійскія. Подобнымъ образомъ сборщиковъ, сдѣлавшихъ ошибку въ откупѣ доходовъ республики, безъ Сенатскаго опредѣленія однимъ закономъ уволилъ отъ заплаты третей части договорныя цѣны. Но на сіе мы не недостаточны примѣрами. П. Клодій, врагъ Цицероновъ, также по силѣ изданныхъ отъ себя законовъ продавалъ болѣе, нежели даровалъ, царства; а прежде еще за долго до него Т. Семпроній Гракхъ издалъ узаконеніе о раздѣленіи земель, не снесшись

съ Сенатомъ. Подобно братъ его К. Гракхъ о переведенiи поселенiй, о раздачѣ войску одежды отъ республики и о раздѣленiи народу хлѣба издалъ узаконенiе не только безъ опредѣленiя, но и противъ желанiя и сопротивленiя Сенатскаго. Я сперва удивлялся тому, что говоритъ Плутархъ, что Сенатъ опредѣлилъ Тиверiю Гракху, отправляющемуся на раздѣленiе земель, въ заплату по 9 оболовъ (15 копѣекъ) на день, какъ будто бы и Сенатъ имѣлъ право раздавать общенародную казну. Но потомъ мое удивленiе уничтожала сущность сего дѣла: ибо кто удивится, что въ толь маловажномъ дѣлѣ народъ далъ ему власть? Подобнымъ образомъ даваемы были подарки иностраннымъ посламъ по соизволенiю Сената: поелику почитаемо было низко для величiя республики вдругъ выдавать узаконенiе, когда только надобно было вынять нѣсколько суммы изъ общенародной казны. Въ учрежденiи и перемѣненiи также судовъ и во всѣхъ дѣлахъ сего рода ни за что почитаемо было изволенiе Сената безъ народнаго согласiя, то есть Сенатское опредѣленiе

нiе

ніе безъ закона; напротивъ того законъ почитаемъ былъ за непремѣнный, хотя бы оный не только что былъ подтвержденъ опредѣленіемъ Сенатскимъ, но еще хотя бы изданъ былъ и противъ воли Сената. Посему Цицеронъ отвергаетъ въ рѣчи за Клуэнція опредѣленіе Сенатское, сдѣланное на тѣхъ, кои происками своими сдѣлали, что публичный судъ былъ несправедливъ, и почитаетъ сіе опредѣленіе слабымъ: потому что Консулы послѣ издали узаконенія въ силу того опредѣленія. Напротивъ сего всякой, вникающій въ писанія древнихъ, можетъ видѣть, что законъ, которымъ Л. Аврелій Котта раздѣлилъ суды между тремя сословіями, то есть Сенаторовъ, всадниковъ и Трибуновъ казенныхъ: поелику оные прежде по силѣ узаконенія Корнеліева надлежали до сословія Сенаторовъ; что сей, говорю законъ, который весьма уменьшалъ силу Сената, былъ изданъ безъ опредѣленія и притомъ желанія, а по крайней мѣрѣ не по согласію съ Сенатомъ. Спустя два года послѣ того, К. Корнелій издалъ узаконеніе, дабы Преторы производили суды по не-

неизмѣннымъ уложеніямъ (*), вмѣсто того, что прежде они судили различно. И такъ былъ силенъ въ дѣлахъ и сего рода народъ безъ Сената да и противъ воли Сената: поелику узаконенія, выданныя противъ Сенатскаго опредѣленія, имѣли ту же силу, какую бы они имѣли, ежели бы никакого не было въ противность имъ сдѣлано опредѣленія Сенатскаго. И посему читаемъ въ Пликіѣ: *Поелику древнее было опредѣленіе Сенатское, запрещавшее вывозить въ Италію Африканскихъ рысей, то Кн. Ауфидій, Трибунъ народный, въ противность оному предложилъ народу да и позволилъ изданнымъ отъ себя узаконеніемъ для большей пріятности на играхъ Цирцейскихъ вывозить Африканскихъ рысей.*

Но

(*) По силѣ онаго Корнеліева закона, изданнаго въ лѣто Рима 686, всякой Преторъ какъ скоро вступитъ въ сей чинъ, то объявлялъ всенароднымъ росписаніемъ, по какимъ основаніямъ права разныя матеріи долженствовали быть судимы въ годичное время его Преторства. Сіе-то называлось неизмѣнными уложеніями.

Но поелику часто случалося, что народъ былъ согласенъ съ Сенатомъ не по тому, чтобъ народъ не былъ силенъ безъ Сената, но по тому, что Сенатъ и народъ одного чего нибудь желали, то по сей причинѣ находимъ нѣкоторыя узаконенія, изданныя по Сенатскому опредѣленію. А хотя иногда, что впрочемъ часто случалося, несогласенъ былъ Сенатъ съ народомъ, или хотя препятствовало въ чемъ нибудь народу Сенатское опредѣленіе, какъ то въ трехъ законахъ: Аврелїевомъ, Корнелїевомъ и Авфидїевомъ, о чемъ мы предложили; однако узаконеніе не было чрезъ то безсильнѣе, но такую же имѣло силу, какую имѣло бы, естьли бы было издано въ силу Сенатскаго опредѣленія, или естьли бы никакому опредѣленію Сенатскому не было противно. Правда, въ лѣто отъ созданія Рима 263 М. Мануцїй Консулъ въ той рѣчи, которую говорилъ о судѣ Корїолановомъ Трибунамъ народнымъ, утверждаетъ, что никакого не было еще по то время узаконенія, какъ только по Сенатскому опредѣленію, и что народъ не

разсуждалЪ ни о чемЪ и ни на что не давалЪ своихЪ голосовЪ, какЪ только когда СенатЪ, разсудивЪ о томЪ напередЪ, предлагалЪ, и что сіе узаконеніе, установленное Царями, по тотЪ самой, говоритЪ онЪ, день наблюдаемо было непремѣнно, которое впрочемЪ нарушено вЪ дѣлѣ Коріолановомъ: поелику СенатЪ, дабы раздраженный народЪ не поднялЪ бунта, всю свою власть вЪ судахЪ уступилЪ народу. Но спустя три года послѣ того, Трибуны народные, желая опровергнуть судЪ, произведенный на Коріолана, и узаконеніемЪ уничтожить обвиненіе его, но находя сопротивленіе со стороны Сената, не восхотѣли издать узаконеніе. ВЪ лѣто Рима 297 хотя народЪ и Трибуны усильно желали умножить число ТрибуновЪ, однако издать на то узаконеніе не прежде осмѣлилися, какЪ когда уже СенатЪ своимЪ опредѣленіемЪ позволилЪ выдать оное узаконеніе.

Но послѣ ежедневно уменьшалася власть Сената, и многія узаконенія, изданныя безЪ Сенатскаго опредѣленія, и такЪ, что СенатЪ сносилЪ сіе сЪ не-

неудовольствіемЪ, имѢли всю свою силу.

По сіе мѢсто говорилЪ я о безсиліи Сенатскаго опредѢленія: потому что отЪ меня сего требовалЪ долгЪ; а теперь изЪясню, вЪ какихЪ случаяхЪ оное было сильно, хотя бы и узаконеніемЪ не было подтверждено. Много было такихЪ дѢлЪ, вЪ которыхЪ сЪ СенатскимЪ опредѢленіемЪ не былЪ соединяемЪ законЪ, а именно: когда СенатЪ дѢлалЪ опредѢленіе, налагавшее кому нибудь стараніе о починкѢ зданій, повелѢвавшее перемѢнять одѢяніе по причинѢ какого нибудь нещастія, или печали, опредѢлявшее честь молебствованій, или позволявшее тріумфЪ (*), споручавшееся о вѢрности

или

(*) ТріумфЪ у РимлянЪ былЪ высочайшая почесть полководцамЪ побѢдителямЪ. ОнЪ состоялЪ вЪ слѢдующихЪ церемоніяхЪ: когда СенатЪ дозволитЪ полководцу честь тріумфа, то вЪ назначенный для сего день выходили изЪ города Сенаторы и другія знатнѢйшія особы, дабы побѢдите-

или тому, кто хотѣлъ донести о какомъ нибудь тайномъ злодѣяніи, или непріятелю, повелѣвавшее градоначальникамъ прежде назначеннаго времени сложить свои чины, отсрочивавшее народныя собранія, возлагавшее на кого нибудь попеченіе о съѣстномъ, повелѣвавшее, какъ называть Царей, назначавшее на войну Консуловъ, опредѣлявшее дополненіе войска, уничтожавшее жертвенники, освященные безъ повелѣнія народа, принимавшее въ защищеніе священнодѣйствія, препоручавшее иностраннымъ народамъ знамени-

---

теля, которой до своего тріумфа не могъ быть въ городѣ, препроводить въ оный; а томъ, сидя въ высокой колесницѣ, заложенной четырьмя бѣлыми конями, и имѣя на головѣ лавровой вѣнецъ, въ тріумфаторской одеждѣ ѣхалъ въ Капитолій, гдѣ по совершеніи жертвоприношенія давалъ столъ Сенаторамъ и знаменитымъ людямъ. Во время того шествія предъ тріумфаторомъ несли всѣ богатыя добычи, взятыя имъ у непріятелей, и вели скованныхъ, ежели были, знаменитыхъ плѣнниковъ; за колесницею его шли воины, поя нарочныя пѣсни.

нитаго гражданина, дававшее право вольности быть въ посольствѣ, или избиравшее пословъ, повелѣвавшее иногда перемѣнить путь тѣмъ, которые ѣхали въ провинцію за государственными дѣлами, опредѣлявшее похвалу, или награжденіе тѣмъ, которые что сдѣлали въ пользу республикѣ, или наказаніе тѣмъ, которые противъ того поступили, учреждавшее праздники Латинскіе (*), опредѣлявшее

 дары

(*) Праздники Латинскіе, установленные Тарквиніемъ Супербомъ, послѣднимъ Римскимъ Царемъ, для большаго утвержденія союза дружбы между Римлянами и Латинцами, отправляемы были въ честь Юпитеру Лаціальному на горѣ Албановой ежегодно, но въ различное время, а именно, когда угодно будетъ Консуламъ. На сіе празднованіе собиралися 47 племенъ Италіянскихъ, а Римскіе чиноначальники всѣ должны были непремѣнно на нихъ быть, такъ что Консулы не могли отправиться изъ Рима на войну, не отправивши ихъ. Помянутыя 47 племенъ приносили тамъ Юпитеру общую жертву, состоящую въ тельцѣ, отъ котораго потомъ даемъ былъ участокъ каждому изъ присланныхъ отъ своего народа.

дары иностраннымъ посламъ, предписывавшее старанiе о дорогахъ (*), мѣру процентовъ и иныя сверьхъ сихъ дѣла, которыхъ довольно много. Впрочемъ я не говорю здѣсь, что въ такихъ дѣлахъ собственно и особенно власть принадлежала Сенату, а народъ никакого не имѣлъ права, но что съ согласiя и соизволенiя народа было учреждено и наблюдаемо, чтобы сiи дѣла шли чрезъ Сенатскiя руки. Сiе, какъ бы законное право, подтвержденное долговременнымъ обыкновенiемъ, отнялъ у Сената нѣкогда народъ, подущенъ будучи отъ возмутительнаго Трибуна. Но за сiе Цицеронъ въ нѣкоторой изъ своихъ рѣчей колко и жестоко порицаетъ Ватанiя (то есть того Трибуна). Впрочемъ сiе не весьма было въ употребленiи у народа, и какъ бы случайное. Бывало также иногда, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ то-

(*) Поелику дороги у Римлянъ были изъ числа огромнѣйшихъ зданiй; изъ нихъ первою считалася дорога Аппiева.

шого рода, изЪ которагo мы много приводили, ни СенашЪ одинЪ не давалЪ мнѣнія, ни народЪ одинЪ не давалЪ узаконенія. Думаю, что когда дѣло случалося поважнѣе нѣсколько обыкновенныхЪ, то вЪ семЪ случаѣ почитали за долгЪ препоручить оное особенной и сверьхЪобыкновенной власти, какЪ-то при КонсулахЪ П. Ленту лѣ и Кв. Метеллѣ, изданЪ по Сенатскому опредѣленію законЪ, которымЪ Помпею дана была власть на пять лѣтЪ закупать во всемЪ свѣтѣ и отправлять вЪ РимЪ всякіе сЪѣстные припасы; и какЪ сіе было сверьхЪобыкновенное, такЪ и то, о чемЪ читаемЪ вЪ письмѣ ЦицероновомЪ кЪ Кв. Цицерону, а именно, что Сенатское опредѣленіе назначило сумму Помпею на закупку сЪѣстныхЪ припасовЪ: поелику общенародную казну опредѣлялЪ на расходы обыкновенно, какЪ мы уже сказали, не СенатЪ, но народЪ. Впрочемъ несомнительно, что сіе сдѣлано по соизволенію народа: поелику по Сенатскому опредѣленію изданЪ законЪ, постановлявшій главнымЪ надЪ сЪѣстнымЪ Помпея, вЪ ко-

которомЪ законѢ, думать надобно, что такЪ было написано: чтобы на исправленіе оной должности выдать Помпею столько денегЪ, сколько опредѢлитЪ СенатЪ, такЪ что о семЪ дѢлѢ было два СенатскихЪ опредѢленія: одно прежде узаконенія о избираніи на то Помпея, по силѢ котораго и узаконеніе издано; другое послѢ узаконенія о назначеніи Помпею суммы денегЪ, которое по силѢ узаконенія сдѢлано. Были также, хотя рѢдко, опредѢленія Сенатскія и о приватныхЪ дѢлахЪ, какЪ на примѢрЪ то, которое, какЪ говоритЪ ЦицеронЪ вЪ 13 кн. писемЪ, которыя называются дружескими, было сдѢлано на наслѢдниковЪ К. Верронія; и то, которымЪ опредѢляема была вольность быть вЪ посольствѢ: поелику сего рода посольства просили граждане по причинѢ собственныхЪ своихЪ дѢлЪ; и еще, когда СенатЪ опредѢлилЪ бросить вЪ тюрьму Ветція за то, что онЪ самЪ сознался, что хотѢлЪ быть на площади сЪ кинжаломЪ (для умерщвленія Помпея).

По мнѢнію Елія Геллія, какЪ пишетЪ ФестЪ, Сенатское опредѢленіе

раз-

различно было отъ Сенатскаго приговора, и приговоръ Сенатской былъ нѣкоторая частичка определенія Сенатскаго. Но я думаю, что въ одномъ определеніи Сенатскомъ бывало по многу статей, изъ которыхъ каждая называлась приговоромъ, и не только приговоромъ, но еще и определеніемъ, какъ то довольно явствуетъ изъ того определенія, о которомъ мы выше упомянули, взявъ изъ письма М. Целія. Однако я сего различія не нашелъ еще въ исторіяхъ, или въ какомъ нибудь сочиненіи: ибо не примѣтилъ еще, чтобы кто такъ говорилъ: *въ одномъ Сенатскаго определенія приговоръ*; а напротивъ нахожу, что весьма часто вмѣсто *Сенатскаго определенія* употребляемо было слово *Сенатской приговоръ*. Да и не безъ причины: поелику определеніе Сенатское есть не что иное, какъ то, что приговоритъ Сенатъ. И посему Цицеронъ объ одномъ дѣлѣ Сенатское определеніе называетъ и определеніемъ и приговоромъ: ибо въ рѣчи Секста, *какой*, говоритъ, *Консулъ запрещалъ Сенату повиноваться своимъ приговорамъ*? А на Пизона: *Я*

не говорю того, что Консулъ запретилъ указомъ Сенату повиноваться опредѣленію Сенатскому. Различіе подлинно такое, что хотя *приговоръ Сенатской* употребляется вмѣсто *опредѣленія Сенатскаго*, однако не вмѣсто всякаго, но вмѣсто того только, которое сдѣлано или для одного человѣка, или хотя касалося и до многихъ, но не до всей республики, и какъ часто *опредѣленіе Сенатское* употребляется о дѣлѣ государственномъ, а не приватномъ, такъ *приговоръ* о дѣлѣ приватномъ болѣе, нежели о государственномъ, или, лучше сказать, всегда о приватномъ, а никогда о государственномъ. Ибо никогда не можно сыскать въ сочиненіяхъ древнихъ, чтобъ такъ было сказано: *Сенатской приговоръ сдѣланъ о проискахъ, или о судахъ, или о долгахъ*: поелику все сіе касается до всѣхъ вообще; но всегда говорится: *Сенатское опредѣленіе.* Напротивъ можно найти, что *приговоръ* употребленъ или объ одномъ человѣкѣ, какъ-то въ рѣчи Цицерона, говоренной по возвращеніи въ Сенатѣ: *Неизмѣримое* нѣ-

нѣчто и безконечное есть то, чѣмъ мы обязаны сему сословію, отъ котораго часто были почтены благосклоннѣйшими приговорами; или о двухъ, какъ-то въ Светоніѣ: *По приговору Сената отрѣшаются отъ дѣлъ государственныхъ Трибунъ Метеллъ Непотъ и Преторъ Цезарь*; или о многихъ, но такъ, что онъ бываетъ приватнымъ, какъ-то пишетъ Цицеронъ въ кн. 16 къ Аттику о гражданствѣ, данномъ Буѳроціанамъ: *Приговоры Консуловъ о дѣйствіяхъ Цезаревыхъ*: поелику дѣйствія Цезаревы были благодѣянія, которыя онъ дѣлалъ или тому, или другому, или человѣку, или обществу. И также нѣсколько послѣ: *Консулы сдѣлали приговоръ въ пользу Буѳроціанамъ*. И такъ, какъ мы сказали, *приговоръ* никогда не употребляется о дѣлѣ государственномъ, но иногда заключаетъ въ себѣ меньше, нежели *опредѣленіе*, хотя впрочемъ *опредѣленіе Сенатское*, какъ мы показали выше, употребляется иногда и о приватномъ дѣлѣ. Но какъ тотъ, такъ и сіе дѣлаемы были посредствомъ разше-

шествія на разныя стороны Сенаторовъ, и что угодно было большему числу, то называли или опредѣленіемъ, или приговоромъ Сенатскимъ. А сіи разныя имена употребляли не для того, чтобъ оныя были составляемы различно, но поелику различны были дѣла, о коихъ тѣ были дѣлаемы: ибо Сенатское опредѣленіе дѣлаемо было иногда о государственномъ, иногда о приватномъ дѣлѣ; а приговоръ никогда о государственномъ, но всегда о приватномъ. Различаются еще они между собою и тѣмъ, что опредѣленіе, какъ разсуждая по дѣламъ, о которыхъ бываетъ, есть обширнѣе (поелику оное дѣлается, какъ я многократно уже говорилъ, какъ о государственныхъ, такъ и о приватныхъ, а напротивъ приговоръ о приватныхъ только дѣлахъ), такъ разсуждая и по особамъ, коими оно составляемо было, нѣкоторымъ образомъ ограничено больше, нежели приговоръ: поелику Сенатское опредѣленіе дѣлается только Сенатомъ, а приговоръ и Сенатомъ и другимъ какимъ нибудь сословіемъ, и не только немногимъ числомъ, но

и

и однимъ человѣкомъ: *Сенатомъ*, какъ то видно изъ того мѣста, которое мы очень не давно привели изъ рѣчи по возвращеніи; да и излишне будетъ собирать на сіе много примѣровъ: поелику приговоръ въ семъ пунктѣ сходствуетъ съ опредѣленіемъ, а мы изыскиваемъ, въ чемъ онъ не сходствуетъ. *Другимъ какимъ нибудь сословіемъ*, какъ говоритъ Цицеронъ въ рѣчи за домъ свой, которое его мнѣніе изображающія слова мы уже привели. И къ Аттику кн. 9: *Пусть*, говоритъ, *летаетъ приговоръ Авгуровъ*. И за Секста Росція: *Декуріоны сдѣлали приговоръ, добы первые десять человѣкъ изъ нихъ поѣхали къ Силлѣ*. Да и часто читаемъ еще: *Приговоры первосвященниковъ*. *Однимъ человѣкомъ*, сіе объясняется примѣромъ изъ рѣчи за Милона: *О приговорѣ Кн. Помпея*. И изъ 1 Филиппа: *Чтобъ ни одна не была дощечка прибита, имѣющая приговоръ Цезаревъ, или его благодѣянія, послѣ идъ (15 дня) Марта*. Но тысячу кратъ сіи находимъ слова: *Приговоръ Претора*. И у правоска-

сказателей: *Приговоръ Императорской, приговоръ Государевъ, приговоръ судейской.*

Остается теперь показать, чѣмъ различается *Сенатское изволенie отъ опредѣленiя.* Различалося же, какъ я уже объявилъ, тѣмъ, что опредѣленie Сенатское было такое, которымъ, поелику ни отъ кого въ томъ не было спора и препятствiя, рѣшилися совершенно тѣ дѣла, о коихъ мы предложили; напротивъ того Сенатское изволенie было правда желанie и мнѣнie Сената, но такое, которое, будучи обезсилено отъ кого нибудь споромъ, не имѣло силы Сенатскаго опредѣленiя: поелику никто тому не былъ послушенъ и никто изъ такихъ ослушниковъ не былъ наказываемъ. Однако было вписываемо въ общiй журналъ для того, дабы извѣстно было, о чемъ въ тотъ день въ Сенатѣ говорены были мнѣнiя: ибо оныя находящiяся въ письмѣ къ Лентулу слова: *Въ сихъ дѣлахъ наисильнѣйшее изволенie Сената было препятствiемъ, въ которомъ хотя спори-*

рили Катонъ и Каниній, *однако оно записано*, такъ должно разумѣть, что Катонъ и Каниній, Трибуны народные, спорили не въ томъ, чтобъ было сдѣлано опредѣленіе Сената (ибо никогда не бывало дѣлаемо опредѣленіе о томъ, что будучи предложено въ Сенатѣ, будетъ многими не одобрено Сенаторами, но о томъ, что многіе подтвердятъ; а Цицеронъ, говоря *наисильнѣйшее изволеніе Сената*, разумѣетъ оное мнѣніе Бибулово о трехъ послахъ, которое многіе Сенаторы не одобрили), но что Катонъ и Каниній спорили въ томъ, чтобъ Сенатское изволеніе не было записано. А сіе объясняютъ какъ самыя тѣ слова, такъ и въ другомъ къ тому же Лентулу письмѣ находящееся мнѣніе, которое, какъ бы народно согласуяся съ тѣмъ, заключено въ сихъ словахъ: *Нѣтъ никакого Сенатскаго опредѣленія, которое бы запрещало тебѣ возвратить Царя Александрійскаго; а оное, которое о томъ написано, изволеніе Сената, въ коемъ, какъ тебѣ извѣстно, спорили нѣкоторые, такую имѣетъ си-*

силу, что кажется болѣе пристрастіемъ разсердившихся людей, нежели совѣтомъ благомысленнаго Сената. Двоякимъ образомъ показываетъ здѣсь Цицеронъ Лентулу, что имѣетъ власть возвратить Царя: вопервыхъ, когда говоритъ, что нѣтъ никакого Сенатскаго опредѣленія, запрещавшаго сему Лентулу оное возвращеніе; вовторыхъ, показывая, что оное самое изволеніе Сената, написанное о томъ возвращеніи, бывшее такого содержанія, дабы никто не возвращалъ Царя, было безсильно. Безсильно, говорю, не по тому только, что оно есть не опредѣленіе, но изволеніе Сената (ибо не одно сіе, о которомъ здѣсь упоминается, изволеніе Сената было такого свойства, что не имѣло такой силы, какую имѣетъ опредѣленіе Сенатское, но всѣ вообще изволенія Сената были въ такомъ состояніи, что къ совершенному рѣшенію дѣлъ ни мало не имѣли силы, но только служили къ показанію мнѣнія Сенаторовъ), но безсильно какъ по тому, что въономъ спорили, такъ и по тому, что оно показывало болѣе пристрастіе людей

дей разсердившихся, нежели совѣтъ благомысленнаго Сената. Ибо явствуетъ изъ него, что Сенатъ положилъ такое мнѣніе не благоразуміемъ, но гнѣвомъ на Царя будучи къ тому приведенъ; а гнѣвался за то, что оный Царь подкупилъ дарами нѣкоторыхъ Сенаторовъ. При семъ должно замѣтить еще то, что споръ отъ нѣкоторыхъ Сенаторовъ объ изволеніи Сената не имѣлъ такой силы, какую имѣлъ, будучи произнесенъ на Сенатское опредѣленіе: поелику когда Трибунъ народный спорилъ въ составленіи опредѣленія Сената, то оное не могло быть составлено; а когда тотъ же Трибунъ спорилъ въ томъ, чтобъ изволеніе Сената было записано, то оно при всемъ томъ было записываемо. И посему называется изволеніемъ Сената, что хотя желалъ и соизволялъ Сенатъ, чтобъ сдѣлать опредѣленіе, но по причинѣ спора въ томъ отъ Трибуна не могъ. Да и не то одно только называлось изволеніемъ Сената, на что, поелику многіе Сенаторы не соглашалися, по причинѣ сего спора могло быть сдѣлано опредѣленіе Сенатское, но и то, на что, когда многіе Сенаторы не будутъ соглашаться,

хотя бы и никто прямо не спорилъ, не могло быть сдѣлано опредѣленіе Сенатское: поелику тогда были дѣлаемы опредѣленія Сенатскія, когда на предложенное дѣло не несогласятся, но подтвердятъ оное Сенаторы. А въ ономъ къ Лентулу письмѣ точно о мнѣніи Бибуловомъ, произнесенномъ отъ него о трехъ послахъ, на которое не согласились нѣкоторые Сенаторы, естьли я не обманываюсь въ своемъ мнѣніи, говоритъ Цицеронъ.

КОНЕЦЪ.

Погрѣшности.

Напечатано.			Читай.
Стран.	Строк.		
8	16	къ той,	въ той,
10	21	Марцелли,	Марцелла,
11	8	хотѣлъ:	хотѣлъ,
16	27	рѣчи	рѣчи,
20	13	онаго,	онаго:
22	19	Брутъ	Брутъ,
—	21	временъ	временъ,
25	24	то число	такъ что число
31	4	назывались.	называлась.
32	25	и почему	и посему
36	3	дѣйствительными,	дѣйствительными Сенаторами,
49	13	чинъ.	чинъ;
53	15	и нынѣ	и нынѣ,
—	25	которыхъ	о которыхъ
55	11	въ Сенатѣ	въ Сенатѣ,
57	6	по благодѣянію	не по благодѣянію ·
59	19	Фланкомъ	Флаккомъ
60	19	дадать	давать
63	8	кому и	кому или

Стран.	Строк.		
63	26	на какой	на которой
66	21	къ Долибеллу	къ Долабеллу
69	21	изъ вышшихъ	изъ бывшихъ
77	5	о другихъ	о другихъ,
79	6	Квесторства	Квесторства,
—	15	не знаю	не знаю,
82	22	удержаннымъ	удержанными
84	1	мечеубійцевъ	мечебійцевъ
85	8	и такъ	и такъ,
—	9	къ Светонію	къ Светонію,
—	11	научили	научали
86	6	Сенаторскаго	Сенаторской
—	16	мнѣніи	мнѣніи,
—	17	думаютъ	думаютъ,
88	17	упомянулося	упоминалося
92	8	за долгъ	за домъ
93	20	сложитъ	сложатъ
98	14	и въ Октябрѣ,	и въ Октябрѣ 6,
101	16	или третіенадесять,	и третіенадесять,
107	6	на 38 рѣчь	на 3 ю рѣчь,
—	—	на Берреса	на Верреса.
108	22	въ третьей	въ третіей
109	16	обыкновеніе)	обыкновеніе !)

Стран.	Строк.		
111	12	безпрепятственную	и безпрепятственную
112	21	имѣли созывать	имѣли право созывать
119	17	созываемы мы	созываемы были
122	22	въ рѣчи Секста	въ рѣчи за Секста
124	16	написано.	написано:
128	26	Цесарь все относилъ	Цезарь, которой все относилъ
129	8	сохранилъ	сохранялъ
134	11	другое мѣсто то,	другое то мѣсто
136	9	требовалось,	не требовалось,
—	19	за убивство	за убійство
—	30	городѣ, по раззореніи Карѳагена	городѣ по раззореніи Карѳагена,
137	21	говорилъ, что быть	говорилъ, чтобъ быть
149	21	неизвѣстное	не неизвѣстное
154	4	опаснѣйшимъ	безопаснѣйшимъ
155	24	Тивирій	Тиверій
157	21	Консулъ:	Консулу:

Стран.	Строк.		
161	25	ПреторЪ.	ПреторЪ,
162	16	определитЪ,	определилЪ,
—	23	тпо	что
169	11	моему мнѣнію	по моему мнѣнію
176	21	войну. Однако	войну: однако
185	28	вЪ трехЪ письмахЪ:	вЪ трехЪ письмахЪ
189	21	третей	третіей
190	15	уничтожала	уничтожила
201	26	вЪ рѣчи Секста,	вЪ рѣчи за Секста,
204	16	обширнѣе	обширнѣе,
207	6	Сената	Сената,
—	20	народно	нарочно
208	16	Сената	Сената,

